D02
10703

Проверено 1964 г.

МАЙ 2008

Императ. С.-Петерб. Универс.
11829
Каб. Угол. Прав.

1528

54987

ЮРИДИЧЕСКІЙ

ВѢСТНИКЪ

ИЗДАНІЕ

Московскаго Юридическаго Общества

1889

ГОДЪ ДВАДЦАТЬ ПЕРВЫЙ

Просмотрено 1948 г.

ТРЕТЬЯГО ДЕСЯТИЛѢТІЯ

Томъ III

КНИГА ПЕРВАЯ

(Сентябрь)

МОСКВА
Типографія А. И. Мамонтова и К°, Леонтьевскій пер., № 5
1889

БИБЛИОТЕКА С.-Петербургскаго государственнаго университета ЮРИДИЧЕСКІЙ ФАКУЛЬТЕТЪ

УБІЙЦА УМАЛИШЕННЫЙ.

Психологическій очеркъ.

(переводъ съ рукописи).

Повседневный опытъ, а вмѣстѣ съ нимъ и судебныя законодательства, хотя и безъ научной точности и принятія болѣе цѣлесообразныхъ мѣръ предупрежденія и пресѣченія, рекомендуемыхъ въ сочиненіяхъ по уголовной антропологіи,—въ общихъ чертахъ различаютъ три основные, характеристичные типа убійцъ, именно: обычнаго, грубаго убійцу, убійцу по страстному импульсу и убійцу сумасшедшаго.

Такъ какъ мною уже были выяснены психическіе признаки предумышленнаго убійцы, мнѣ остается сдѣлать тоже относительно двухъ другихъ типовъ преступниковъ противъ жизни.

Но такъ какъ симптоматологія убійцы по импульсу непреступной или извинительной страсти (самозащита, защита чести, увлеченіе чувствомъ любви или горя, реакція на несправедливый вызовъ и пр.)—является, почти во всѣхъ своихъ чертахъ, только контрастомъ симптоматологіи предумышленнаго убійцы, то и представляется болѣе интереснымъ произвести психо-патологическое изслѣдованіе убійцы сумасшедшаго; психическія черты послѣдняго представляютъ нѣкоторыя аналогіи, но въ то же время и глубокія различія по отношенію къ психикѣ предумышленнаго убійцы.

Общей чертой всѣхъ трехъ типовъ преступниковъ противъ жизни является отсутствіе или крайняя слабость нравственнаго чувства и, вмѣстѣ съ тѣмъ, полное непредвидѣніе послѣдствій такого психическаго состоянія. Но у предумышленнаго убійцы эти два основныя свойства души соотвѣтствуютъ врожденному или, по крайней мѣрѣ, хрониче-

скому, длящемуся психическому складу субъекта, у страстнаго же убійцы, почти во всѣхъ случаяхъ, и у убійцы сумасшедшаго во многихъ случаяхъ эти двѣ психическія черты представляютъ, напротивъ того, характеръ временнаго, остраго возбужденія. У преступниковъ послѣдней категоріи увлеченіе страстью или какой либо патологическій импульсъ (во многихъ случаяхъ сумасшествія), подобно психическому урагану, на нѣкоторое времяу ничтожаетъ нравственное отвращеніе къ убійству и предвидѣніе его послѣдствій, тогда какъ у предумышленнаго убійцы причиной преступленія является собственная его психо-физическая организація, постоянно лишенная вышеуказанныхъ двухъ главнѣйшихъ антипреступныхъ факторовъ.

Однако же между убійцею по увлеченію страсти и съумасшедшимъ преступникомъ существуетъ то основное различіе, что у перваго (за исключеніемъ нѣкоторыхъ случаевъ нервозизма, близко стоящихъ къ психопатологіи) психическая организація, до и послѣ преступнаго эксцесса, гораздо ближе къ нормальному типу, чѣмъ у убійцы сумасшедшаго, даже и въ случаяхъ такъ называемой «переходной маніи».

Конечно, между убійцами: предумышленнымъ, по страсти и умалишеннымъ есть переходные типы, имѣющіе черты и той и другой категоріи, такъ какъ точное разграниченіе всякой классификаціи существуетъ только въ нашемъ мозгу, а не въ дѣйствительной жизни. Поэтому противники уголовной антропологіи совершенно несправедливо обвиняютъ эту науку въ отсутствіи точности, на томъ единственно основаніи, что въ нѣкоторыхъ судебныхъ процессахъ эксперты-медики не приходятъ къ единогласному утвержденію, что, напримѣръ, данный подсудимый—дѣйствительно предумышленный убійца или же умалишенный. Этого рода случаи не могутъ быть поставлены въ укоръ уголовной антропологіи, потому что, при извѣстныхъ обстоятельствахъ, несмотря на любовь публики и судей къ рѣзко опредѣленнымъ дефиниціямъ, наука должна заявить, что подсудимый есть именно переходный типъ отъ предумышленнаго убійцы къ сумасшедшему или отъ сумасшедшаго къ преступнику по страсти, такъ какъ въ немъ (подсудимомъ) встрѣчаются вмѣстѣ характеристическіе признаки того и другаго антропологическаго типа.

Разсмотримъ теперь, на основаніи многочисленныхъ опытныхъ данныхъ изъ судебно-мецицинскихъ отчетовъ и непосредственныхъ наблюденій надъ преступниками душевно-больными, каковы характери-

стичные признаки преступной психо-патологіи; при этомъ, конечно, мы оставимъ безъ разсмотрѣнія хорошо извѣстные симптомы различныхъ формъ обыкновеннаго сумасшествія, безъ сопутствующихъ тенденцій къ преступленію или самихъ преступныхъ актовъ.

По моему мнѣнію, съ соціологической точки зрѣнія не совсѣмъ точно и убѣдительно психологическое сравненіе, которое мой учитель Ломброзо проводитъ часто между преступниками и душевно-больными. Среди умалишенныхъ, какъ и среди нормальныхъ людей, преступники составляютъ постоянно незначительное меньшинство, и сравненіе должно быть проводимо, напримѣръ, при изученіи психологіи убійцы, не между предумышленными убійцами и умалишенными вообще, но между убійцами и тѣми изъ душевно-больныхъ, которые обнаруживаютъ тенденцію или уже совершили преступленія противъ жизни.

Изъ этого не слѣдуетъ, однако, чтобы всѣ эпилептики или всѣ меланхолики или идіоты и т. п. могли совершить преступленіе противъ жизни: и среди сумасшедшихъ, какъ и среди здоровыхъ, не всякій безразлично можетъ сдѣлаться убійцей: для совершенія преступленія необходимо, чтобы эпилептикъ, меланхоликъ, идіотъ или т. п. обладалъ спеціальной психической и физической организаціей и находился въ подходящей физической и соціальной средѣ. Въ этомъ случаѣ душевнобольной совершаетъ убійство, причемъ обнаруживаетъ картину психопатологическихъ симптомовъ, ясно опредѣляющихъ его антропологическій типъ для опытнаго глаза криминалиста позитивной школы [1]).

Первая серія психологическихъ чертъ относится *къ процессу обсужденія факта убійства*, причемъ сразу опредѣляются двѣ главныхъ разновидности душевно-больныхъ убійцъ, смотря по тому, происходитъ ли возникновеніе рѣшимости на убійство медленнымъ и обдуманнымъ процессомъ или же происходитъ подъ мгновеннымъ импульсомъ, неожиданно увлекающимъ индивида отъ воспріятія къ преступному дѣянію.

Медленное развитіе идеи убійства, начинающееся съ искры мгновеннаго раздраженія чувства и мысли и заполоняющее затѣмъ всю душевную дѣятельность больнаго, весьма часто встрѣчается при извѣстной формѣ психическаго разстройства: бредѣ преслѣдованія.

Уже въ 1852 г. Lasègne рельефно описалъ три стадіи этой душевной болѣзни: меланхолическое безпокойство, развитіе идей преслѣдованія и появленіе неотступнаго бреда, причемъ во всѣхъ стадіяхъ появляются иллюзіи чувствъ или галлюцинаціи, часто бывающія и причиной болѣзни. Переходя отъ одного фазиса разстройства къ другому, больной впадаетъ въ такое состояніе безпокойства и

страха, что не видитъ инаго средства положить конецъ своимъ страданіямъ и приступамъ ужаса, какъ лишить жизни мнимаго преслѣдователя.

Однакоже эта инфильтрація идеи убійства, которая, достигнувъ достаточной степени импульсивности, разряжается въ преступномъ дѣйствіи, проявляется также и во многихъ другихъ формахъ сумасшествія безъ бѣшенства, въ особенности у слабоумныхъ, меланхоликовъ, алкоголиковъ (у которыхъ часто развивается манія преслѣдованія), у такъ называемыхъ нравственно помѣшанныхъ и у эпилептиковъ.

Такимъ образомъ, долженъ былъ быть эпилептикомъ субъектъ, который былъ очень неясно охарактеризованъ д-мъ Бланшъ, опредѣлившимъ его какъ «не умалишеннаго, но имѣющаго весьма дефективныя условія мозговой наслѣдственности»; при этомъ Бланшъ не обратилъ вниманія на очень характерный симптомъ, что «больной имѣлъ приливы крови къ головѣ три или четыре раза въ мѣсяцъ». Это былъ нѣкто М.; будучи въ ссорѣ съ женой, онъ купилъ пару пистолетовъ, но безъ намѣренія совершить убійство. «Только два или три мѣсяца спустя, эта мысль пришла ему въ голову; у него возникло желаніе убить жену, но онъ не рѣшался совершить преступленія. Идея убійства развивалась въ немъ долгое время и мало по малу стала для него обычной; подъ конецъ онъ только объ этомъ и думалъ». И вотъ однажды ночью онъ убилъ свою жену и дочь, въ то время, какъ онѣ спали [2]). Меланхоликъ Roll., убившій свою жену, съ которой онъ жилъ въ ладу, разсказывалъ о себѣ такъ: «я купилъ револьверъ съ цѣлью убить мою жену; въ продолженіе нѣсколькихъ дней я ужасно страдалъ, потому что слышалъ два голоса: одинъ совѣтовалъ мнѣ убить жену, другой отговаривалъ отъ этого. *Меня преслѣдовала неотступно эта мысль, и я не могъ отъ нея освободиться;* когда я принялъ рѣшеніе убить жену, тогда я почувствовалъ успокоеніе; для спасенія ея души, я заставилъ ее исповѣдаться за день до смерти. За часъ до убійства, мысль о немъ вернулась ко мнѣ; чтобы избавиться отъ нея, я старался развлечься—напрасно! когда жена назвала меня по имени, мысль объ убійствѣ овладѣла мною съ новою силою, я не могъ ей противиться и убилъ свою жену» [3]).

Пажэ, другой меланхоликъ, убившій своихъ двухъ дочерей, которыхъ онъ любилъ, разсказывалъ слѣдующее: «я думалъ объ этомъ четыре или пять мѣсяцевъ; я чувствовалъ, что съ каждымъ днемъ я стремлюсь къ гибели, но не могъ ничего сказать объ этомъ; меня что-то толкало на это дурное дѣло. Не было возможности мнѣ ска-

зать самому себѣ: «не дѣлай этого». У меня все время была одна и та же мысль, я старался ее прогнать, но она возвращалась днемъ какъ и ночью, и за работой. Въ продолженіе трехъ ночей я вставалъ съ постели, чтобы убить своихъ дѣтей; въ первую ночь я вышелъ прогуляться по двору, чтобы попытаться разсѣять эту дурную мысль; чрезъ полчаса я вернулся въ домъ успокоившись и легъ спать. На вторую ночь та же прогулка; затѣмъ, вернувшись, я зажегъ свѣчу, взялъ бритву, лежавшую въ столѣ, и сталъ ходить по комнатѣ съ бритвой въ рукѣ, смотря съ волненіемъ на моихъ дѣтей, такъ какъ я старался удержаться отъ дурнаго поступка. *Я не чувствовалъ въ себѣ достаточно силы;* я положилъ бритву на мѣсто, затѣмъ пошелъ посмотрѣть на свой скотъ (этотъ разсказъ о происшествіяхъ второй ночи былъ подтвержденъ свидѣтельствомъ сына убійцы, слѣдившаго за движеніями отца и на слѣдующій день уговаривавшаго сестеръ уйти изъ дому). На третью ночь я выходилъ нѣсколько разъ и входилъ, чтобы совершить дѣло; *я былъ готовъ.* Я взялъ заступъ и вошелъ въ комнату моихъ дѣтей, держа въ одной рукѣ заступъ, а въ другой свѣчу. Я посмотрѣлъ, спитъ ли мой сынъ на своей кровати, но его не было. Тогда я подошелъ къ постели моихъ дочерей, поставилъ лѣвую ногу, для большей силы удара, на стулъ возлѣ кровати и сталъ наносить частые удары по головамъ молотокъ... Онѣ спали и не пошевелились, я не помню, сколько я имъ нанесъ ударовъ» [4]).

Маргарита Moll., на пятый день послѣ родовъ, услыхала разсказъ объ убійствѣ Генріетты Корнье, «и была чрезвычайно имъ поражена. Она много думаетъ о немъ и говоритъ, что боится, какъ бы эта мысль не стала мучить ее неотступно. Въ послѣдующіе дни она старалась заглушить въ себѣ воспоминанія о слышанномъ преступленіи, но они все оживали, пока наконецъ мысль объ убійствѣ не стала преобладающей въ видѣ неодолимаго импульса» [5]).

Въ то время, когда идея убійства совершенно займетъ психическіе центры, они, такъ сказать, поляризуются и разряжаются въ направленіи этой идеи, которая становится постоянною импульсивною идеею (Zwangvorstellung), о которой такъ говорила F. (меланхоличная, убившая своихъ двухъ сыновей, чтобы избавить ихъ отъ нищеты): «я думала, не думая» [6]). Подобнымъ же образомъ, Sbro (слабоумный) описывалъ свои преступленія: «въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ мой отецъ посылалъ меня на работы въ лѣсу, противъ моей воли, такъ что однажды мнѣ пришла въ голову мысль отравить его мышьякомъ. Въ теченіе нѣсколькихъ дней я думалъ объ этой мысли,

будучи въ большомъ смущеніи и страхѣ, и, наконецъ, потерявшись и ополоумѣвъ, такъ какъ эта мысль засѣла мнѣ, какъ гвоздь въ голову, не разсуждая, поступаю ли я хорошо или дурно, я отравилъ отца мышьякомъ». И далѣе «какъ и отца, я лишилъ жизни и брата. Дней около десяти до его смерти, мнѣ въ голову засѣла мысль его убить, и въ продолженіе этого времени я былъ въ волненіи и страхѣ еще болѣе, чѣмъ передъ убійствомъ отца. Я не зналъ, ни что мнѣ дѣлать, ни что говорить, потому что эта мысль меня не оставляла ни на минуту и причиняла мнѣ много безпокойства и страданій. Моя голова говорила мнѣ: убей Генриха, убей Генриха» [7]).

Иногда медленное развитіе и кристаллизація идеи убійства не исключаетъ и даже возбуждаетъ въ больномъ сознаніе, что онъ помѣшанъ, или, по крайней мѣрѣ, что онъ хочетъ совершить незаконное, безчеловѣчное дѣло, за которое грозитъ строгое наказаніе (иногда хорошо предвидимое умалишеннымъ), но при этомъ больной не можетъ удержаться отъ убійства. Вотъ эти-то случаи психіатрами въ прежнее время назывались «мономаніей убійства»; сами по себѣ они представляютъ формы болѣзни воли, очень часто сопровождаемыя болѣе или менѣе скрытою эпилепсіей.

Къ д-ру Hammond приходитъ молодой человѣкъ и разсказываетъ ему, что страдаетъ безсонницей, сильной головной болью и, кромѣ того, угнетенъ мыслью убить одного изъ своихъ самыхъ близкихъ друзей. Онъ признается, что однажды даже подсыпалъ ему стрихнину въ пиво, но когда его другъ сталъ пить, онъ опрокинулъ кружку. Больной употреблялъ всѣ усилія, чтобы удержаться отъ преступленія, но заявлялъ, что если бы совершилъ убійство, то долженъ былъ бы понести наказаніе [8]).—Д-ръ Шатлэнъ сообщаетъ, что одинъ меланхоликъ, весьма интеллигентный, вообразилъ, что его докторъ преслѣдуетъ его посредствомъ магнетизма; будучи искуснымъ стрѣлкомъ, онъ нѣсколько разъ поджидалъ съ ружьемъ въ рукахъ своего мнимаго преслѣдователя, но каждый разъ, какъ тотъ подходилъ къ нему подъ выстрѣлъ, мысль о совершеніи убійства была ему такъ противна, что онъ не могъ рѣшиться выстрѣлить. Онъ кончилъ тѣмъ, что самъ застрѣлился, оставивъ записку, что лишаетъ себя жизни для того, чтобы не стать убійцей [9]).—Спурцгеймъ разсказываетъ объ одномъ субъектѣ, что, бывъ свидѣтелемъ смертной казни, онъ былъ такъ ею пораженъ, что внезапно почувствовалъ въ себѣ импульсъ къ убійству; въ немъ сохранилось ясное сознаніе своего состоянія,

и онъ приходилъ въ отчаяніе, какъ бы не поддаться преступному влеченію [10]). — Д-ръ Мари передаетъ о случаѣ беременной женщины, которая въ періодъ беременности все время боролась съ желаніемъ убить своихъ дѣтей, и выздоровѣла послѣ родовъ [11]).

Такимъ образомъ, часто этого рода помѣшанные сами принимаютъ мѣры предосторожности, чтобы не быть увлеченными импульсомъ къ убійству, обращаясь съ просьбой къ друзьямъ или властямъ, чтобы ихъ задержали, или совѣтуя жертвамъ спасаться бѣгствомъ, въ то время, какъ ими овладѣваетъ сильный приступъ болѣзни. Иногда даже они ранятъ или увѣчатъ сами себя съ цѣлью дать другой выходъ психомоторному импульсу или лишить себя физической возможности дѣйствовать. Всѣ эти случаи, которые раньше называли приступами мономаніи убійства, нравственнаго помѣшательства, частичнаго сумасшествія, импульсивнаго безумія, суть не что иное (за исключеніемъ случаевъ алкоголизма), какъ болѣе или менѣе неполные и скрытые припадки или видоизмѣненія припадковъ эпилепсіи.

Одинъ молодой человѣкъ (эпилептикъ и алкоголикъ) явился въ полицію, прося, чтобы приняли мѣры противъ его влеченія къ убійству. «Чего я всего болѣе боюсь» говорилъ онъ, «помимо головокруженій и нѣкоторыхъ припадковъ сомнамбулизма, это опасныхъ импульсовъ, которые овладѣваютъ мною отъ времени до времени и противъ которыхъ я борюсь съ величайшей энергіей. Эти припадки продолжаются обыкновенно около четверти часа и обыкновенно сопровождаются головной болью». Когда онъ пришелъ въ полицію, онъ уже около трехъ часовъ боролся съ однимъ изъ такихъ припадковъ; передъ этимъ онъ продалъ свою бритву, представлявшую для него большое искушеніе [12]). Одна женщина (меланхоличная), раньше уже покушавшаяся на отцеубійство, почувствовала влеченіе убить своего мужа Однажды этотъ послѣдній проснулся ночью и видя, что жена сидитъ на кровати, спросилъ ее, спала ли она. «Я не могу уснуть» отвѣтила она, «еслибъ ты зналъ, какая мысль вертится у меня въ головѣ: надо мнѣ убить тебя, вотъ мысль, которую я имѣю; какъ я несчастна! Хоть бы мнѣ разорвать эту простыню!» Утромъ она успокоилась, встала съ постели, занялась хозяйствомъ. Она говорила доктору: «Спасите меня, я чувствую, что теряю голову. Что будетъ съ моимъ бѣднымъ мужемъ?» [13]). Крестьянинъ изъ Крумбаха, эпилептикъ съ дѣтскаго возраста, почувствовалъ, что его болѣзнь принимаетъ форму влеченія къ убійству, приступы котораго онъ

предчувствовалъ за день до ихъ наступленія. Въ это время онъ совѣтовалъ своей матери спасаться бѣгствомъ, такъ какъ иначе онъ бы ее задушилъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ просилъ себя связывать какъ можно крѣпче [14]). Маудсли пишетъ: «ко мнѣ часто обращалась за совѣтомъ замужняя женщина, мать нѣсколькихъ дѣтей; она чувствовала отъ времени до времени порывы къ убійству своихъ младшихъ дѣтей, которыхъ она всего больше любила. Случалось, что она не могла оставаться съ ними въ одной комнатѣ, если на столѣ лежали ножи и никого въ комнатѣ не было; она принуждена бывала уходить въ спальню, гдѣ проливала горькія слезы по поводу своихъ, какъ она говорила, злодѣйскихъ мыслей.... Другой больной долженъ былъ оставить домъ, въ которомъ онъ жилъ, близь хрустальнаго дворца, потому что, при видѣ высокой башни, видной изъ его оконъ, имъ овладѣвало такое сильное влеченіе къ самоубійству, что онъ боялся, какъ бы не поддаться ему; затѣмъ имъ овладѣли порывы къ убійству своихъ дѣтей. На ночь онъ запирался на ключъ, который клалъ затѣмъ на краю подоконника, такъ что если бы ночью на него напалъ пароксизмъ болѣзни, онъ могъ бы сбросить ключъ за окно, прежде чѣмъ рѣшиться отворить дверь» [15]). Въ Миланѣ одинъ сапожникъ былъ охваченъ мрачными мыслями и сильными импульсами къ убійству, въ особенности своихъ родныхъ — онъ долго боролся съ собой, пряча даже свои инструменты, чтобы не поддаться искушенію; но такъ какъ злыя мысли угнетали его все «съ большей силой и онъ чувствовалъ, что скоро сдастся, то, наконецъ, явился самъ въ больницу» [16]). Одинъ меланхоликъ, при видѣ рѣжущихъ предметовъ, чувствовалъ влеченіе къ убійству; однако онъ удерживался отъ исполненія своей мысли и даже могъ освобождаться отъ нея, нанося самому себѣ раны или причиняя себѣ сильную боль [17]). Рибо въ своемъ изслѣдованіи о болѣзняхъ воли, описывая случаи ослабленія воли вслѣдствіе чрезмѣрнаго импульса, сообщаетъ нѣсколько фактовъ подобнаго рода по сочиненію Марка (La folie dans les rapports avec les questions medico-judiciares. Paris, 1860). Между прочимъ онъ приводитъ трагическій случай, записанный Кальмелемъ (Maladies inflammatoires du cerveau): «Гленадель, лишившись отца въ дѣтскомъ возрастѣ, былъ воспитанъ матерью, которая его обожала. Въ 16 лѣтъ его характеръ, до того времени спокойный и покорный, рѣзко измѣнился: онъ сталъ мраченъ и молчаливъ. На вопросы матери, онъ, послѣ колебаній, сознался, что въ теченіе нѣсколькихъ дней неотступно его преслѣдуетъ мысль убить ее; при этомъ онъ сталъ просить мать позволить ему идти въ солдаты, для того, чтобы,

увлеченный болѣзненнымъ импульсомъ, онъ не могъ совершить ужаснаго преступленія. Несмотря на просьбы и увѣщанія, онъ остался неизмѣненъ въ своемъ рѣшеніи, поступилъ на службу и былъ исправнымъ солдатомъ. Однакоже и во время службы тайное влеченіе подталкивало его дезертировать, вернуться домой и убить свою мать. Въ концѣ срока его службы эта идея была въ немъ такъ же сильна, какъ и въ первые дни; онъ опредѣлился вторично на службу. И въ продолженіе этого времени инстинктивное влеченіе къ убійству не прекратилось, но объектъ его измѣнился: онъ уже не думалъ объ убійствѣ матери, ужасный импульсъ указываетъ ему на его невѣстку, какъ на жертву. Чтобы не быть увлеченнымъ этой второй маніей, онъ рѣшается совершенно не возвращаться на родину. Въ его полкъ однажды является его землякъ; Гленадель сообщаетъ ему о своихъ страданіяхъ: — «Успокойся», говоритъ ему тотъ, «преступленіе это для тебя невозможно, твоя невѣстка недавно умерла». При этихъ словахъ Гленадель встаетъ радостный, какъ освобожденный узникъ; онъ возвращается на родину; но по прибытіи онъ видитъ свою невѣстку въ живыхъ. Онъ вскрикиваетъ, и страшный импульсъ тотчасъ овладѣваетъ имъ какъ своей жертвой. Въ тотъ же вечеръ онъ велитъ своему брату связать себя: «Возьми крѣпкую веревку, свяжи меня, какъ волка, въ сараѣ, и ступай къ доктору».... Докторъ принялъ его въ лѣчебницу душевно-больныхъ. Наканунѣ своего поступленія онъ писалъ директору заведенія: «М. г., я вступаю въ вашу больницу; я буду себя вести тамъ какъ и въ полку. Меня будутъ считать выздоровѣвшимъ; по временамъ можетъ быть я самъ буду притворяться здоровымъ. Не вѣрьте мнѣ ни въ какомъ случаѣ; я не долженъ выходить изъ больницы ни подъ какимъ предлогомъ. Когда я буду просить объ отпускѣ, — усиливайте надзоръ за мною; я воспользовался бы данной мнѣ свободой для совершенія преступленія, внушающаго мнѣ ужасъ» [18]).

У другаго типа убійцъ помѣшанныхъ рѣшимость къ совершенію преступленія появляется подъ вліяніемъ *мгновеннаго импульса*, которому больной поддается немедленно. Это бываетъ въ тѣхъ случаяхъ, которые по терминологіи старинныхъ психіатровъ назывались «преходящей маніей»; сами по себѣ эти случаи составляютъ припадки, или появляющіеся въ теченіе какой нибудь другой душевной болѣзни, болѣе или менѣе скрытой, или обусловленные галлюцинаціями и иллюзіями во время перехода отъ сна къ бодрствованію,

«опьяненіемъ сна» по выраженію нѣмецкихъ ученыхъ (Каспера, Крафтъ-Эбинга и др.); всего же чаще эти припадки возникаютъ вслѣдствіе остраго алкоголизма или болѣе или менѣе скрытой эпилепсіи, въ особенности эпилепсіи, сопровождаемой обычнымъ или случайнымъ алкоголизмомъ.

Въ этихъ случаяхъ импульсъ можетъ быть неожиданнымъ, безсознательнымъ, при непосредственномъ совершеніи акта вслѣдъ за его возникновеніемъ, такъ что онъ даже не успѣваетъ появиться въ сознаніи. Дѣяніе имѣетъ всѣ признаки совершенно рефлективнаго явленія, происходящаго слѣпо, безъ всякаго участія со стороны воли: это настоящее конвульсивное явленіе, отличающееся отъ обыкновенныхъ конвульсій только тѣмъ, что оно представляетъ рядъ движеній, координированныхъ въ соотвѣтствіи съ опредѣленной цѣлью [19]).

Иванъ Косаревъ, 19 лѣтъ, былъ разбуженъ внезапно своимъ братомъ, пришедшимъ къ нему въ гости послѣ долгаго отсутствія. Онъ вскакиваетъ съ просонокъ, схватываетъ ножъ, лежавшій около него, и убиваетъ своего брата. Характера онъ былъ кроткаго и смирнаго, брата своего любилъ и никогда съ нимъ не ссорился. Раньше этого, когда его однажды неожиданно разбудили, съ нимъ случился припадокъ бѣшенства [20]). — Весьма извѣстенъ случай совѣтника Ланке (по поводу котораго много говорили о преходящей маніи). Въ 1817 г., неожиданно разбуженный своею женой, онъ схватилъ ее, чтобы выбросить въ окно; ему не дали этого сдѣлать, онъ заснулъ снова; на утро онъ ничего не могъ вспомнить о происшедшемъ, и затѣмъ подобные случаи съ нимъ ни разу не повторялись болѣе [21]).—Гоффауеръ иллюстрировалъ также довольно извѣстный случай столяра Шидмайзига, который, спавши съ своей женой, проснулся внезапно, вообразилъ, что видитъ привидѣніе, и убилъ свою жену ударомъ топора [22]).—В. спалъ постоянно одинъ, имѣя около себя оружіе отъ воровъ; однажды утромъ, разбуженный своимъ братомъ, онъ встаетъ полусонный и схватываетъ шпагу, но приходитъ въ себя, такъ какъ братъ громко его окликаетъ. Нѣсколько времени спустя входитъ въ комнату его отецъ, при подобныхъ же обстоятельствахъ, и больной застрѣливаетъ его изъ ружья [23]). — Эпилептическая и преданная пьянству женщина утромъ встаетъ и затопляетъ печь по обыкновенію; вдругъ, увидавъ свою трехлѣтнюю дочь, она схватываетъ ее и бросаетъ въ огонь [24]).—Одинъ жандармъ, на ярмаркѣ, внезапно выхватываетъ саблю, ранитъ и убиваетъ рядомъ стоящихъ людей. Это былъ случай эпилептическаго припадка—то, что въ прежнее время назвали бы преходящей маніей.—К. (меланхоликъ) признается поли-

цейскому коммиссару: «я зажегъ свѣчу, и тотчасъ же ужасная мысль убить свою мачиху представилась мнѣ съ такою силой, что я не могъ ей противиться» [25]).—Лоренсъ (слабоумный алкоголикъ) возвращается домой; горничная упрекаетъ его за то, что онъ пилъ водку, внезапно онъ кидается на нее и задушаетъ [26]).—В. разсказываетъ врачу-эксперту о случившемся съ нимъ происшествіи въ слѣдующихъ выраженіяхъ: «я отправился на чердакъ взять дровъ; сходя по лѣстницѣ я почувствовалъ дрожь въ поясницѣ и тогда, вмѣсто того, чтобы нести дрова въ печку, я взялъ заступъ и убилъ своихъ двухъ сыновей» [27]).—Одинъ меланхоликъ въ домѣ для умалишенныхъ въ Шарантонѣ слышитъ голосъ, говорящій ему: «освободись отъ враговъ твоихъ». Тотчасъ же онъ бросается на больнаго, находящагося возлѣ него, и яростно ударяетъ его по головѣ ночнымъ горшкомъ [28]). — Мисдеа, эпилептикъ, итальянскій солдатъ, ранившій тринадцать своихъ товарищей и убившій семерыхъ, за нѣсколько мгновеній до совершенія побоища, собирался, ворча, войти въ карцеръ отбывать наказаніе, какъ вдругъ онъ былъ увлеченъ импульсивнымъ стремленіемъ наносить смерть [29]). — Маудсли лѣчилъ помѣшаннаго, который имѣлъ обыкновеніе ходить взадъ и впередъ, разговаривая шопотомъ съ самимъ собою; отъ времени до времени, безъ малѣйшаго предварительнаго симптома, безо всякаго внѣшняго повода къ наступленію припадка, онъ бросался на кого либо изъ присутствующихъ, билъ его и старался всѣми силами задушить [30]).

Изъ предыдущаго видно, что случаи внезапнаго побужденія къ убійству часто совпадаютъ со случаями *убійства безъ видимой причины;* лишеніе жизни въ послѣднемъ случаѣ является само по себѣ единственною цѣлью преступника, что служитъ признакомъ умственнаго разстройства и чаще всего эпилепсіи. Есть психіатры, которые называютъ подобные случаи нравственнымъ помѣшательствомъ. Криминалисты метафизической школы, мало свѣдущіе въ экспериментальныхъ наблюденіяхъ, называютъ подобные казусы «убійствомъ, совершаемымъ безъ всякой другой причины, кромѣ свирѣпой злобы» (ст. 533 итальянскаго уголовнаго кодекса), или же убійствомъ «по кровожадности», по «ненависти къ людямъ» и т. п. странными названіями. Отсутствіе причины убійства большею частію весьма отличается отъ мелочности мотивовъ, о которой я говорилъ въ предыдущей статьѣ, какъ о психологическомъ признакѣ обычныхъ предумышленныхъ убійцъ. Но иногда и у сумасшедшихъ убійцъ проявляется та же ни-

чтожность побудительныхъ мотивовъ, но у нихъ она является слѣдствіемъ задержки въ умственномъ развитіи или безумія, а у предумышленныхъ убійцъ она указываетъ на ихъ глубокую нравственную нечувствительность.

Эскироль разсказываетъ про одного идіота, что онъ убилъ человѣка потому, что хотѣлъ подражать людямъ, которые, въ его присутствіи, зарѣзали свинью. Другой идіотъ въ больницѣ въ Зальцбургѣ былъ поставленъ на сторожѣ возлѣ одного изъ больничныхъ служителей, притворившагося умершимъ для того, чтобы испытать, какое впечатлѣніе произведетъ на него воскресеніе мертвеца; замѣтивъ, что мнимый мертвецъ шевелится, больной велитъ ему лежать неподвижно и дѣлаетъ ему выговоръ: служитель однако продолжаетъ пошевеливаться въ гробу, тогда идіотъ отрѣзаетъ ему голову и остается на стражѣ возлѣ трупа. На утро, когда трагическое происшествіе обнаружилось, убійца отвѣчалъ на упреки: «Да вѣдь я ему говорилъ, чтобы онъ лежалъ не двигаясь!» [31]).—Другой идіотъ убилъ человѣка по любопытству слышать, какъ выстрѣлитъ ружье [32]).

Аналогичный характеръ съ признакомъ отсутствія мотивовъ имѣетъ другой симптомъ, имѣющій важное психологическое значеніе — *галлюцинаціи и иллюзіи чувствъ;* для больнаго онѣ служатъ импульсомъ къ совершенію убійства, причемъ очень часто онѣ остаются неизвѣстными, по крайней мѣрѣ, въ діагностическомъ ихъ значеніи, для лицъ, состоящихъ съ больнымъ въ семейныхъ или сосѣдственныхъ отношеніяхъ.

Этотъ психопатологическій симптомъ встрѣчается довольно часто, такъ что Бріеръ де Буамонъ нашелъ, что изъ 178 маніаковъ, подвергавшихся его наблюденію и страдавшихъ галлюцинаціями, 30 (16%) благодаря имъ грозили смертью, наносили раны, совершали убійства и самоубійства; изъ 248 меланхоликовъ-галлюцинантовъ—144 (58%) покушались или совершили самоубійство и 52 (21%) были преступниками противъ жизни [33]).

Означенные убійцы-галлюцинанты представляютъ три различныхъ разновидности, смотря по тому, было ли совершено убійство подъ вліяніемъ галлюцинаціи слуха, которая повелѣваетъ убить кого либо, или убійство происходитъ (въ особенности въ случаяхъ эпилепсіи, алкоголизма или неполнаго пробужденія) отъ страха предъ ужасными видѣніями, или же оно является слѣдствіемъ (безумнымъ, а не ло-

гичнымъ, какъ утверждаютъ нѣкоторые аліенисты) безумной галлюцинаторной посылки, въ особенности въ случаяхъ бреда преслѣдованія.

Одинъ молодой человѣкъ слышитъ неожиданно голосъ, говорящій ему: «убей свою мать», и онъ немедленно убиваетъ ее; едва убійство совершено, галлюцинація исчезаетъ. Одинъ меланхоликъ задушилъ свою дочь, повинуясь голосу, приказывавшему ему прекратить ея дыханіе [34]). Р. (религіозная липеманія) убилъ свою восьмидесятилѣтнюю старуху мать, «потому что слышалъ голосъ дьявола, говорившаго ему: «убей свою мать за то, что она не вѣритъ, что я нахожусь въ твоемъ тѣлѣ» [35]). M. de S., сошедшій съ ума вслѣдствіе эксцессовъ всякаго рода, отъ времени до времени совершалъ самые буйные поступки. Онъ слышалъ голосъ, совѣтовавшій ему не ѣсть, не говорить, и увѣрявшій его, что ему необходимо убить кого нибудь, чтобы выйти на свободу [36]). Сюма (манія преслѣдованія) постоянно мучили голоса, указывавшіе ему на семейство В., какъ сговорившееся погубить его, и больной убилъ сына этого семейства [37]). I. P., бросившій своего ребенка въ море, слышалъ, какъ церковные колокола «говорили ему, что сынъ его незаконнорожденный, такъ какъ у него глаза не того цвѣта, какъ у него самого» (т. е. I. P.) [38]).

Одна женщина бросилась однажды на свою сестру и пыталась выбросить ее за окно. Въ другой разъ она напала на своего мужа, нанося ему удары желѣзнымъ ломомъ. Упомянутыя лица казались «позеленѣвшими отвратительными трупами съ дьявольскими глазами» [39]). Адвокатъ С. (ипохондрикъ), выпущенный изъ пріюта для душевно-больныхъ, какъ выздоровѣвшій, возвращается къ себѣ домой, идетъ въ погребъ со своею женой и убиваетъ ее; прибѣгаютъ его свояченица и горничная, онъ убиваетъ ихъ также. По возвращеніи въ пріютъ онъ разсказывалъ, что погребъ былъ ярко освѣщенъ и что жертвы были демоны, хотѣвшіе его утащить съ собой [40]). Нѣкто Прустъ легъ спать, но проснулся отъ жажды, жара и лихорадки. Онъ заснулъ опять, но вдругъ пробудился сразу, ему показалось, что къ нему приближается призракъ, онъ схватилъ котелокъ, стоявшій возлѣ, и, нанеся нѣсколько яростныхъ ударовъ, убилъ своего отца [41]). Фразеръ, проснувшись, схватилъ ребенка, спавшаго рядомъ съ нимъ, и разбилъ ему голову о стѣну: ему показалось, что это былъ хищный звѣрь, собиравшійся на него броситься. Уже съ дѣтства Фр. во снѣ вставалъ ночью съ постели [42]). Двое крестьянъ съ береговъ Эльбы (алкоголики), возвращаясь къ себѣ домой ночью, вступили между собою въ отчаянную борьбу, въ которой одинъ изъ нихъ лишился жизни; каждому изъ нихъ казалось,

что онъ видитъ одного изъ шведскихъ кавалеристовъ, о которыхъ легенда, существовавшая со времени тридцатилѣтней войны, повѣствовала, что они бродятъ ночью и нападаютъ на запоздалыхъ путниковъ [43]).

С. (манія преслѣдованія) видитъ, что къ торговцу ликерами входитъ неизвѣстный ему человѣкъ, который однакоже, какъ ему показалось, насмѣхается надъ нимъ; С. беретъ ружье и застрѣливаетъ его. Его братъ, немного спустя, убилъ женщину вслѣдствіе такой же иллюзіи чувствъ [44]). Одинъ молодой человѣкъ остановился въ гостинницѣ въ Ліонѣ и собирался лечь спать: немного спустя хозяинъ слышитъ шумъ въ комнатѣ молодаго человѣка, онъ входитъ къ нему въ комнату и падаетъ, убитый ударомъ ножницъ. Молодому человѣку привидѣлось, что хозяинъ гостинницы убилъ двоихъ проѣзжающихъ, и послышалось, что онъ и его желаетъ лишить жизни; поэтому онъ рѣшился защищаться [45]). М. N., образованный и вѣжливый человѣкъ, сидя за столомъ за друзьями, вдругъ бросаетъ стаканъ въ одного изъ сидящихъ за столомъ; увидѣвъ, что у того потекла кровь, онъ бросается къ нему, проситъ прощенія и объясняетъ, что бросилъ стакаломъ потому, что ему показалось, что тотъ дѣлаетъ ему оскорбительныя гримасы, и онъ почувствовалъ непреодолимое желаніе отмстить тотчасъ же. Нѣкто слышитъ ночью голоса воровъ: «надо его убить». Онъ выходитъ съ ружьемъ изъ дому, встрѣчаетъ свою родственницу и, не узнавъ ея, убиваетъ [46]). Жандармъ S. (алкоголикъ) «слышалъ, какъ его товарищи и другія лица говорили, что завтра онъ будетъ гильотинированъ». Онъ убѣжалъ въ лѣсъ, а когда товарищи нашли его и стали окликать, онъ отвѣчалъ ружейными выстрѣлами. На допросѣ онъ разсказалъ, что его приговорили къ смертной казни и приходили за нимъ, чтобы его взять и вести на эшафотъ [47]). Андрэ Д. имѣлъ умственныя способности притупленныя, страдалъ маніей преслѣдованія и галлюцинаціями почти всѣхъ чувствъ. Онъ жилъ у супруговъ Х., помѣщаясь въ комнатѣ непосредственно надъ квартирой своихъ хозяевъ. Со своей кровати Андрэ видѣлъ падающихъ жандармовъ, убитыхъ, какъ онъ полагалъ, его хозяевами; половица въ потолкѣ, неровно обтесанная, казалось ему отрѣзанной ногой; онъ чувствовалъ удары кинжала, поражающіе его тѣло, и слышалъ, какъ жена Х. говорила своему мужу, что надо убить Андрэ и обокрасть. Приведенный въ бѣшенство этими галлюцинаціями, Андрэ входитъ однажды къ женѣ Х., ставшей предметомъ его ненависти, и убиваетъ ее ударами топора; четверо маленькихъ дѣтей также были изрублены этимъ безумцемъ [48]).

Чтобы покончить съ симптоматологіей побудительныхъ поводовъ къ убійству у сумасшедшихъ, слѣдуетъ упомянуть о довольно часто случающейся возможности (которая для непсихіатровъ кажется симптомомъ, исключающимъ существованіе безумія)—что и помѣшанные рѣшаются на убійство подъ вліяніемъ дѣйствительно *преступныхъ* мотивовъ, въ особенности мести, ненависти, ревности и т. п.

Есть однако различіе между умалишенными, совершающими убійство по преступнымъ мотивамъ, и обычными предумышленными убійцами: оно состоитъ во-первыхъ, въ томъ, что сумасшедшіе гораздо чаще признаются въ побудительныхъ причинахъ къ преступленію, и во-вторыхъ, корысть, стремленіе ограбить, столь частое у assassins, чрезвычайно рѣдко встрѣчается у сумасшедшихъ.

Иногда убійцы сумасшедшіе стараются объяснить свои поступки, приводя преступные мотивы, которые на самомъ дѣлѣ ими не руководили; но это уже есть симптомъ, имѣющій другой характеръ и относящійся къ болѣе общей психологической чертѣ, о которой будетъ рѣчь ниже, и именно къ приписыванію душевнобольнымъ себѣ выдуманныхъ преступленій, которыя въ дѣйствительности имъ совершены не были.

V. G. (эпилептикъ) убилъ жену своего хозяина, съ которой онъ былъ въ связи; на судѣ онъ признался, что былъ привлеченъ къ убійству желаніемъ мести [49]). Карлино Гранди (слабоумный), извѣстный въ Италіи подъ названіемъ «убійца дѣтей», убилъ въ разное время четырехъ дѣтей, закапывая ихъ въ землю въ своей лавкѣ «за то, что они насмѣхались надъ нимъ, называя его «лысымъ», «карликомъ» и т. п. [50]). Г. (слабоумный) принадлежалъ къ тому разряду душевно-больныхъ, который Ломброзо удачно назвалъ «молчаливые влюбленные»; Г. ни разу не говорилъ о своей любви любимой особѣ, ограничиваясь обожаніемъ ея издали. Тѣмъ не менѣе ему казалось, что надъ нимъ насмѣхается и старается ему вредить цѣлая группа злоумышленниковъ; онъ обратился по этому поводу къ прокурору окружнаго суда, который не обратилъ вниманія на его жалобы. Г., узнавши, что молодая дѣвушка, которую онъ обожалъ, собирается выйти замужъ, воскликнулъ: «они не хотѣли оказать мнѣ правосудія, такъ я самъ отомщу тому, кто является причиной моего несчастія», и убилъ прокурора [51]). Д. вышелъ изъ пріюта для умалишенныхъ, какъ выздоровѣвшій отъ меланхоліи, развившейся въ немъ вслѣдствіе бѣгства его жены съ любовникомъ. Немного спустя послѣ выхода, съ нимъ происходитъ припадокъ безумія, онъ идетъ къ любовнику своей жены и убиваетъ его ударами палки [52]). Ничъ (глухо-

нѣмой, слабоумный) въ продолженіе двухъ мѣсяцевъ даетъ понять пономарю своей деревни, что онъ желаетъ провести ночь съ его дочерью; будучи наконецъ насильно вытолкнутъ изъ дому, онъ бросается на пономаря и убиваетъ его ударами ножа [53]).—Гранжуанъ стрѣляетъ изъ ружья въ свою мать, даетъ промахъ, «и затѣмъ», говоритъ онъ самъ, «я преслѣдовалъ ее и убилъ со втораго выстрѣла, причемъ я думалъ такъ: разъ ужъ я началъ—все равно я пропалъ, такъ ужъ лучше идти до конца» [54]), что является мыслью общей обыкновеннымъ преступникамъ. Психіатръ Гэслемъ сообщаетъ разсказъ, переданный совершенно спокойно, одного больнаго въ Манчестерскомъ пріютѣ, о томъ, какъ онъ убилъ изъ мести больничнаго служителя: «этотъ человѣкъ ничего у меня не укралъ, но онъ со мной дурно обращался и мучилъ меня. Тогда я сказалъ его женѣ, что я расправлюсь съ нимъ по своему. За это онъ посадилъ меня въ темную камеру; не будучи въ состояніи выносить такого помѣщенія, я сообразилъ, что лучше пустить въ ходъ лицемѣріе. Я притворился, что очень сожалѣю о томъ, что грозилъ служителю, и при этомъ льстилъ ему, такъ что онъ выпустилъ меня на свободу. Въ продолженіе нѣсколькихъ дней я оказывалъ ему всевозможныя услуги, и онъ въ свою очередь былъ со мной очень ласковъ. Но однажды, идя на кухню, я увидалъ на столѣ ножъ; это обстоятельство было для меня сильнымъ искушеніемъ, которому я не имѣлъ силъ противиться; я взялъ ножикъ и носилъ его при себѣ. Какъ то разъ дверь въ садъ была открыта, я вошелъ въ нее, и ударилъ служителя сзади, вонзивъ ножъ по самую рукоятку» [55]). L. въ 1870 году былъ побитъ Г. и затѣмъ не видалъ его довольно долго; спустя уже три года, онъ его встрѣчаетъ при выходѣ изъ питейнаго дома, беретъ ружье у одного изъ товарищей и, подбѣжавъ къ Г., говоритъ ему: «узнаешь ты меня?»—«Нѣтъ».—«Ну, я L., котораго ты ударилъ раньше, а теперь я самъ расправлюсь съ тобой», и убиваетъ его изъ ружья [56]).

По отношенію къ мотивировкѣ нанесенія смерти слѣдуетъ замѣтить, что у предумышленныхъ преступниковъ убійство всегда является средствомъ къ достиженію противообщественной цѣли (какъ, напр., удовлетвореніе мести, злобы, корысти, разврата и т. п.), въ то время какъ у помѣшанныхъ *убійство или составляетъ цѣль само по себѣ* (какъ въ вышеприведенныхъ случаяхъ, вслѣдствіе неотразимаго влеченія къ лишенію жизни или по моментальному импульсу безъ опредѣленнаго мотива) или же *убійство служитъ средствомъ для дости-*

женія цѣли, по большей части самой по себѣ не противной общественнымъ законамъ (напр., самозащита—хотя и противъ мнимой опасности — освобожденіе несчастныхъ отъ нищеты, отъ вѣчныхъ мукъ и пр.).

Я говорю «большей частью», потому что и у помѣшанныхъ убійцъ, какъ мы видѣли, мотивы къ убійству могутъ быть преступными (напр., оскорбленная гордость, чувство антипатіи, мести, похоть и т. п.), но эти случаи сравнительно рѣже.

Такимъ образомъ, я не считаю совершенно точнымъ придаваніе безусловнаго значенія, какъ это дѣлаетъ и Ломброзо, положенію, повторяемому психіатрами со временъ Эскироля (de la monomanie homicide), именно, что «у преступниковъ убійство служитъ средствомъ, а у сумасшедшихъ напротивъ того, оно является цѣлью само по себѣ; умалишенные убиваютъ людей по той же причинѣ, по какой они бьютъ тарелки, рвутъ платье, ломаютъ мебель и т. п., безъ всякой выгоды или даже во вредъ себѣ» [56]). Эта психологическая черта является свойственной спеціально только особой группѣ душевнобольныхъ—импульсивнымъ сумасшедшимъ и эпилептикамъ, какъ показываютъ вышеприведенные факты.

Подобнымъ же образомъ не соотвѣтствуетъ свидѣтельству фактовъ, указывающихъ на мотивы убійства у сумасшедшихъ и обычныхъ преступниковъ, и другое положеніе Эскироля, также повторяемое современными аліенистами, между прочимъ и Тэйлоромъ, у котораго это положеніе и выражено въ словахъ: «преступникъ всегда имѣетъ опредѣленный мотивъ преступленія, сумасшедшій—нѣтъ» [58]). Мы, напротивъ того, видѣли, что бываютъ и предумышленные убійцы, совершающіе преступленіе безъ достаточныхъ причинъ, бываютъ и сумасшедшіе, совершающіе убійство по преступнымъ мотивамъ.

Существуютъ два рода мотивовъ, свойственныхъ исключительно убійцамъ умалишеннымъ: *убійство съ цѣлью самоубійства и убійство въ видѣ жертвоприношенія.*

Кричтонъ первый [59]) и затѣмъ Эскироль [60]) отмѣтили нѣсколько случаевъ меланхоликовъ или липеманіаковъ, лишившихъ жизни людей ни въ чемъ неповинныхъ или даже неизвѣстныхъ имъ, единственно съ тою цѣлью, чтобы быть присужденными къ смертной казни и искупить грѣхи свои на эшафотѣ. Впослѣдствіи Бріеръ де Буамонъ [61]), Дешамбръ [62]), Депинъ [63]) и др. привели много примѣровъ, въ которыхъ мотивомъ къ убійству было желаніе лишить себя жизни,

котораго умалишенный самъ лично не имѣлъ силы исполнить, или же стремленіе къ покаянію и искупленію грѣховъ.

Фолькнеръ (религіозная мономанія) вообразилъ, что если онъ совершитъ убійство, Богъ отпуститъ ему грѣхи, и онъ умретъ спокойно. «Для приведенія своего замысла въ исполненіе, онъ призвалъ своихъ двухъ маленькихъ племянницъ къ себѣ въ комнату и угостилъ ихъ супомъ. Затѣмъ, положивъ руку на лобъ меньшей дѣвочки, онъ загнулъ ей голову назадъ и заранѣе припасеннымъ ножомъ перерѣзалъ ей горло. Тотчасъ по совершеніи убійства, онъ отправляется къ властямъ для заключенія въ тюрьму, признаваясь во всемъ безъ утайки» [64]).—Одна женщина, угнетенная горемъ, обыкновенно говорила: «у меня нѣтъ смѣлости убить самое себя и для прекращенія жизни мнѣ придется совершить убійство». И дѣйствительно она покушалась убить свою мать и дѣтей.—Роньонъ написалъ нѣсколько писемъ, въ которыхъ высказывалъ намѣреніе убить короля; онъ дѣлалъ это съ тѣмъ, чтобы быть приговореннымъ къ смертной казни. Не достигнувъ своей цѣли, онъ убилъ бывшаго вмѣстѣ съ нимъ каторжника и признался въ своемъ основномъ побужденіи.—Vill., не желая прибѣгать къ самоубійству, «такъ какъ самоубійцы подлежатъ вѣчному проклятію», убилъ своего хозяина, съ которымъ онъ состоялъ въ прекрасныхъ отношеніяхъ. «Теперь, послѣ того, какъ я его убилъ», говорилъ онъ, «я могу умереть» [65]). Р. не имѣя возможности, вслѣдствіе своего образа жизни, жениться на дѣвицѣ, которую онъ любитъ, рѣшается умереть. Не имѣя мужества самому лишить себя жизни, онъ задумываетъ убить публичную женщину. Онъ выходитъ изъ дому съ тѣмъ, чтобы встрѣтить такую женщину на улицѣ и, не встрѣтивъ ни одной, убиваетъ совершенно незнакомую ему молодую дѣвушку [66]). Пассананте, такъ легкомысленно покушавшійся на жизнь короля Гумберта въ 1879 г., едва былъ арестованъ, какъ заявилъ, что «это было сдѣлано вслѣдствіе того, что, разсорившись съ хозяевами, онъ получилъ отвращеніе къ жизни и вмѣсто того, чтобы самому зарѣзаться, рѣшилъ лишить жизни короля» [67]).

Убійство съ цѣлью жертвоприношенія обусловливается мыслью принести въ жертву извѣстное лицо съ тѣмъ, чтобы избавить его или самого себя отъ несчастія, опасности, болѣзни или загробнаго осужденія. Чаще всего такого рода убійства совершаютъ меланхолики или галлюцинанты, одержимые религіознымъ бредомъ или нѣтъ, причемъ жертвами ихъ являются собственныя ихъ дѣти или вообще лю-

бимыя особы. Есть спеціальный случай убійства любимыхъ лицъ, который, какъ увидимъ ниже, служитъ однимъ изъ признаковъ психопатологическаго состоянія убійцы.

Жена Р., въ Маастрихтѣ, едва мужъ ея вышелъ утромъ изъ дому, разбудила своихъ сыновей, 8 и 10 лѣтъ отъ роду; схвативъ старшаго за волосы, она перерѣзала ему горло. Младшій въ ужасѣ проситъ о пощадѣ, но мать говоритъ ему: «Нѣтъ, и ты также будешь ангеломъ!» и затѣмъ она бросила его въ колодезь, въ который она опустила также и трупъ старшаго брата [68]). Kursin, 57 лѣтъ, убилъ ударами ножа своего шестилѣтняго сына съ тою цѣлью, чтобы «принести его въ жертву Богу». «Однажды ночью» разсказывалъ онъ, «я такъ сильно мучился отъ мысли, что вскорѣ родъ человѣческій погибнетъ, что не могъ заснуть. Я всталъ, зажегъ лампадки предъ всѣми образами въ домѣ и сталъ молиться Богу, чтобы онъ спасъ мое семейство. Вдругъ мнѣ пришла въ голову мысль спасти своего сына отъ вѣчныхъ мученій; такъ какъ онъ былъ красивъ и хорошо развитъ, я боялся, что послѣ моей смерти онъ отправится въ адъ» [69]). Одинъ крестьянинъ, также больной теоманіей, послѣ припадка безумія, убилъ своего сына и сталъ жечь его трупъ на кострѣ. Когда его жена пришла, онъ съ ожесточеніемъ противился ея намѣренію снять съ костра трупъ, «потому что» говоритъ онъ, «я хочу принести въ жертву Богу безпорочнаго агнца» [70]). Одинъ рабочій, впавъ въ нищету, бросился въ Сену вмѣстѣ со своимъ восьмилѣтнимъ сыномъ; его спасли и отправили въ пріютъ въ Бисетрѣ; тамъ онъ нѣкоторое время продолжалъ предаваться неумѣренному отчаянію за свое будущее, что и привело его къ «двойному» самоубійству; но немного спустя онъ выздоровѣлъ, и къ нему вернулось его обычное веселое настроеніе [71]). Одинъ человѣкъ зарѣзалъ своего сына, потому что онъ слышалъ «голосъ, повелѣвавшій ему совершить жертвоприношеніе по примѣру Авраама» [72]).—Гоульдстонъ, угнетенный мыслью о своемъ неминуемомъ разореніи, утопилъ трехъ своихъ дѣтей въ колодезѣ, а двоихъ убилъ ударами молотка [73]).

Если сравнить теперь выясненныя психопатологическія черты дѣятельности воли при актѣ убійства у душевнобольныхъ преступниковъ съ тѣми психическими признаками, которые были мною намѣчены въ предыдущей статьѣ, по отношенію къ убійцамъ предумышленнымъ—то оказывается, что какъ у тѣхъ, такъ и у другихъ есть основное сходство: именно, у обоего вида преступниковъ убійство

совершается вслѣдствіе слабости воли и происходящей отсюда ненормальной импульсивности, въ силу чего, какъ говорилъ одинъ умалишенный алкоголикъ, «ихъ желанія отличаются чрезмѣрной стремительностью».

Слѣдуетъ однако же помнить то обстоятельство, что у обыкновенныхъ убійцъ по разсчету указанная слабость воли находится въ связи съ прирожденной атрофіей модераторныхъ или задерживающихъ центровъ, тогда какъ у преступниковъ сумасшедшихъ (за исключеніемъ прирожденныхъ формъ умственнаго и нравственнаго безсилія и эпилепсіи) слабость воли зависитъ отъ патологическаго ослабленія или подавленности самихъ задерживающихъ центровъ. Такимъ образомъ, въ данномъ случаѣ, слабость воли или возможность правонарушенія существуетъ или исчезаетъ соотвѣтственно тому, продолжается или прекращается патологическое состояніе индивида.

Вторая категорія признаковъ психологическаго состоянія убійцы относится къ *поведенію душевно-больныхъ убійцъ до, во время и послѣ преступнаго припадка.* Признаки этой категоріи наиболѣе многочисленны и представляютъ наибольшій интересъ съ точки зрѣнія судебно-медицинскаго діагноза.

Что касается до образа дѣйствій душевно-больныхъ до совершенія убійства, то первымъ признакомъ, находящимся въ соотвѣтствіи съ медленною и обдуманною рѣшимостью на убійство, является *предумышленность* преступленія. Для публики и даже для судей, незнакомыхъ съ данными психіатріи, этотъ признакъ, наоборотъ, является однимъ изъ убѣдительнѣйшихъ доказательствъ отсутствія душевнаго разстройства у обвиняемаго; «но научное наблюденіе, какъ говоритъ Тардье, «устанавливаетъ, что нѣтъ ничего болѣе ложнаго, какъ предполагаемая несовмѣстимость психическаго разстройства и предвзятаго умысла»[74]). Маудсли присоединяетъ, что «безуміе не мѣшаетъ больному обдумывать способы къ совершенію убійства, исполнять преступленіе съ опредѣленнымъ умысломъ и стараться избѣжать послѣдствій содѣяннаго»[75]). «Такимъ образомъ», заключаетъ Касперъ, весьма осторожно относящійся къ данному вопросу, «ошибочно полагать, что наличность умысла сама по себѣ является основаніемъ для вмѣненія»[76]).

Однако еще и въ настоящее время Тэйлоръ утверждаетъ, что «въ томъ случаѣ, когда человѣкъ, ранѣе не обнаруживавшій признаковъ душевнаго разстройства, подстерегаетъ, нѣсколько дней подъ-рядъ, въ одномъ и томъ же мѣстѣ, извѣстную личность, проходящую обыкновенно по означенному мѣсту, причемъ подстерегающій, имѣя при

себѣ заряженное ружье, не стрѣляетъ открыто, но осторожно выжидаетъ случая пустить пулю такъ, чтобы не быть замѣченнымъ жертвой или посторонними лицами,—въ этомъ случаѣ изъ обстоятельствъ дѣла выясняется такое полное приспособленіе способовъ дѣйствія къ намѣченной цѣли, настолько опредѣленная возможность контроля личности надъ своими дѣйствіями, что трудно понять, на основаніи какого *принципа* можно въ этомъ случаѣ оправдать подсудимаго въ силу его душевнаго разстройства» [77]).

Съ своей стороны, я, оставляя въ сторонѣ вопросъ о «принципахъ», приведу научно-провѣренные факты, изъ которыхъ оказывается, что даже въ тѣхъ случаяхъ, о которыхъ говоритъ Тэйлоръ (со включеніемъ и того обстоятельства, что до совершенія поступка не было *замѣчено* душевнаго разстройства въ дѣятельности убійцы), вполнѣ возможно констатировать психическую болѣзнь у подсудимаго. Апріорно отрицать безуміе въ случаяхъ предумышленнаго преступленія, подобно тому, какъ это дѣлаетъ Тэйлоръ,—неосновательно; поименованный ученый въ данномъ вопросѣ сталъ на сторону поверхностныхъ сужденій публики, не обративъ вниманія на данныя научно добытыхъ фактовъ.

Гэ (манія преслѣдованія) входитъ въ комнату супруговъ Ch. и наноситъ имъ удары молоткомъ, поранивъ при этомъ и ихъ сына, явившагося къ родителямъ на помощь. Чтобы не быть узнаннымъ онъ покрылъ себѣ краской лицо и надѣлъ сверхъ платья блузу, которую разсчитывалъ бросить въ томъ случаѣ, если бы на ней оказались кровяныя пятна. При этомъ онъ добавлялъ: «я обдумалъ это дѣло дня за четыре или за пять до его исполненія; съ этою цѣлью я купилъ молотокъ въ Оранжѣ и со мной были два ножа, изъ которыхъ одинъ былъ бы мнѣ нуженъ для убійства священника, разрѣшившаго моимъ родителямъ лишить меня жизни. Я отправился къ Ch. въ 9 час. вечера и спрятался, разсчитывая на отсутствіе сыновей, которые должны были пойти ко всенощной, такъ какъ былъ праздникъ Рождества» [78]). Подсудимая С. разсказываетъ слѣдователю: «въ понедѣльникъ я хотѣла выстрѣлить въ аббата во время вечерни, но не за обѣдней, чтобы не было скандала. Вдругъ въ воскресенье священникъ сталъ собирать въ церкви подаянія; я знала очень хорошо, что не ему слѣдовало это дѣлать; онъ дѣлалъ это изъ желанія подразнить меня: проходя мимо меня, онъ не поднесъ мнѣ кошелька и нарочно подошелъ поговорить съ дамами, стоявшими рядомъ со мной. Тогда я, въ крайнемъ разраженіи, вынула револьверъ изъ подъ платья и выстрѣлила въ него».—Луи J. отправляется одинъ въ ма-

стерскую; придя туда, онъ начинаетъ точить свой ножъ. Александръ, его братъ, спрашиваетъ, зачѣмъ онъ это дѣлаетъ: «ножъ совсѣмъ не рѣжетъ» отвѣчаетъ Луи. Александръ затѣмъ, по обычному порядку своихъ утреннихъ занятій, отправляется въ погребъ. Черезъ нѣсколько минутъ его братъ приходитъ туда же и прячется за столбомъ. Когда Александръ проходитъ мимо него съ ведромъ угля въ рукѣ, Луи, безъ всякой ссоры или вызова, бросается на него и наноситъ ему четыре удара ножемъ [79]).—Верцени, душившій женщинъ изъ чувства половаго наслажденія, подготовилъ себѣ alibi; онъ съумѣлъ обвинить постороннихъ лицъ въ совершенныхъ имъ преступленіяхъ и, въ продолженіе нѣсколькихъ лѣтъ, отрицалъ свою виновность; тѣмъ не менѣе онъ страдалъ геміатрофіей мозга, былъ сынъ и племянникъ больныхъ пеллагрою и по всѣмъ вѣроятіямъ—некрофиломаніакъ [80]).—Воп. (слабоумный меланхоликъ) садится въ наемный экипажъ съ кинжаломъ, купленнымъ нѣсколько дней передъ тѣмъ, и велитъ отвезти себя къ дому своей любовницы; увидавъ, что она возвращается домой, онъ догоняетъ ее и наноситъ ей рану [81]).—Одинъ эпилептикъ въ домѣ умалишенныхъ, въ Авиньонѣ, призываетъ къ себѣ д-ра Жоффруа, чтобы посмотрѣть больную, по его словамъ, ногу; когда докторъ нагнулся, чтобы разсмотрѣть ногу, эпилептикъ, схвативъ его, вонзилъ ему въ поясницу желѣзное остріе, которое онъ наточилъ за нѣсколько дней передъ тѣмъ, съ заранѣе обдуманной цѣлью [82]).—Гнезеръ, съ цѣлью умертвить ребенка, разсыпалъ игральныя карты около плотничьяго станка, такъ какъ разсчитывалъ, что ребенокъ, если его подозвать къ станку, нагнется, чтобы подобрать карты, и въ это время ему будетъ удобно нанести ударъ; и этотъ замыслъ былъ имъ приведенъ въ исполненіе, причемъ онъ сознался впослѣдствіи, что задумалъ еще за три недѣли убить этого ребенка въ одну изъ субботъ, такъ какъ въ этотъ день у него не было школьныхъ занятій послѣ полудня [83]).—Джонъ Bill., арестантъ, подвѣсилъ петлю надъ оконцемъ (въ двери) и затѣмъ пригласилъ сторожа просунуть голову въ форточку, чтобы осмотрѣть полъ камеры. Въ удобный для него моментъ онъ затянулъ петлю, и сторожъ погибъ бы безъ помощи другихъ тюремщиковъ. Въ другой разъ Джонъ, притворившись больнымъ, лежа въ кровати, подозвалъ къ себѣ того же сторожа и убилъ его обломкомъ ночнаго горшка. убійца надѣлъ платье жертвы, положилъ трупъ на кровать и вышелъ спокойно изъ тюрьмы на свободу, причемъ даже разговаривалъ съ привратникомъ. Когда онъ былъ вторично пойманъ, его психическое разстройство было съ очевидностью доказано, и его отправили

въ пріютъ [84]).—Одинъ умалишенный, желая отомстить роднымъ своей жены, узнавъ, что они собираются отправиться въ прогулку за Парижъ, одѣлся кучеромъ и остановился съ экипажемъ возлѣ ихъ дома. Замыселъ удается: родственники жены его нанимаютъ, и, когда экипажъ подъѣзжаетъ къ Сенѣ, больной старается сдѣлать такъ, чтобы экипажъ свалился въ рѣку; его узнаютъ и сажаютъ въ пріютъ Бисетръ [85]).—Бригитта Abb. (меланхоличная) убиваетъ ударами топора свою маленькую племянницу, выпроводивъ заранѣе, подъ разными предлогами, всѣхъ живущихъ въ домѣ, «чтобы не было помѣхи при ударѣ» (говорила она потомъ). Она не задушила дѣвочку, какъ предполагала сначала, «потому что на крикъ ея сбѣжался бы народъ» [86]). — Гито, убійца Гарфильда, президента Соединенныхъ. Штатовъ, купилъ пистолетъ съ намѣреніемъ совершить убійство, и въ теченіе трехъ недѣль слѣдилъ за президентомъ, ожидая удобнаго случая, чтобы въ него выстрѣлить [87]).

Указанный симптомъ предумышленности можетъ сопровождаться, какъ видно изъ вышеприведенныхъ фактовъ, нападеніемъ изъ засады и обманомъ жертвы; но очень часто, при наличности предумышленности, убійство совершается *открыто и при свидѣтеляхъ*. При этомъ слѣдуетъ замѣтить, что между обыкновенными убійцами и душевно-больными въ этомъ отношеніи существуетъ различіе въ относительной частости случаевъ: тогда какъ у обычныхъ убійцъ нападеніе изъ засады встрѣчается гораздо чаще, а у психопатовъ гораздо рѣже,—наоборотъ открытое совершеніе убійства очень рѣдко среди первыхъ и весьма часто, даже характеристично для умалишенныхъ.

Аббатъ С. (меланхоликъ, манія преслѣдованія) выстрѣлилъ два раза изъ пистолета въ приходскаго священника, стоя на кровлѣ церкви, въ виду сельчанъ, собравшихся на площади [88]).—S. отправляется въ банкирскую контору М., переговорить о дѣлахъ; тамъ, безъ ссоры, безъ всякаго повода, онъ наноситъ ножомъ ударъ М. въ животъ (съ заранѣе составленнымъ умысломъ, въ присутствіи кассира и двухъ служащихъ) [89]).—Морессонъ (меланхоликъ) встаетъ изъ общаго стола, въ присутствіи всѣхъ сидящихъ за столомъ, подходитъ къ господину, который его не зналъ, и говоритъ ему: это вы отравили нашъ завтракъ?—тотъ, чтобы его напугать, отвѣчаетъ: Да, я!—и Морессонъ убиваетъ господина кинжаломъ [90]).—Макъ Ренъ убилъ гвоздемъ директора пріюта душевно-больныхъ въ то время, какъ тотъ, въ сопровожденіи многихъ лицъ, обходилъ заведеніе для осмотра [91]).—

Я самъ былъ свидѣтелемъ подобнаго же случая въ пріютѣ въ Сіеннѣ во время психіатрическаго конгресса (1886): мы находились въ одной изъ залъ больницы и во главѣ насъ извѣстный психіатръ Верга; вдругъ одинъ изъ душевнобольныхъ наноситъ ему ударъ кулакомъ въ глазъ. Bess. (страдающій пеллагрой), за нѣсколько времени до совершенія отцеубійства, покушался убить своего сына выстрѣломъ изъ ружья на большой дорогѣ, причемъ онъ кричалъ окружавшимъ его лицамъ, чтобы они отошли въ сторону, и, когда его сынъ остался одинъ, онъ въ него выстрѣлилъ [92]).—Пассананте совершилъ свое покушеніе съ небольшимъ ножомъ, среди бѣлаго дня, въ присутствіи толпы народа, разступавшагося передъ коляской короля [93]).—Старый священникъ I. C. (манія преслѣдованія) въ одинъ прекрасный день выходитъ на рыночную площадь съ требникомъ и серпомъ въ рукѣ, и среди толпы убиваетъ нѣсколькими ударами «женщину, которая его преслѣдовала» [94]).

Довольно часто убійцы душевно-больные, въ особенности меланхолики, какъ страдающіе, такъ и не страдающіе маніей преслѣдованія, *разглашаютъ* или *угрожаютъ* совершеніемъ преступленія, которое они дѣйствительно намѣреваются сдѣлать. Эта черта является также общей предумышленнымъ убійцамъ и преступникамъ по увлеченію страсти, но имѣетъ неодинаковый психологическій генезисъ у тѣхъ и у другихъ. У предумышленныхъ убійцъ эти разглашенія происходятъ, главнымъ образомъ, отъ того, что имъ не претитъ мысль объ убійствѣ, и ихъ нравственная нечувствительность побуждаетъ ихъ даже хвастаться преступленіемъ; у душевно-больныхъ и убійцъ по страсти разглашенія и угрозы являются въ большей мѣрѣ слѣдствіемъ патологическаго или страстнаго импульса, производящаго бурю въ душевномъ мірѣ индивида.

У тѣхъ и у другихъ однако эта черта ихъ дѣйствій обнаруживаетъ всегда ненормальную и поразительную непредусмотрительность, которая легко могла бы быть принята во вниманіе окружающими лицами и властью съ цѣлью предупрежденія преступленій, если бы наблюденія криминальной психологіи привлекали къ себѣ большій интересъ со стороны публики вообще, а также органовъ полиціи и даже суда.

Жакъ С. (меланхоликъ), раздражаемый своей женой и свояченицею, говорилъ: «Эти коварныя женщины заставятъ меня сдѣлать дурное дѣло!» Эти угрожающія слова онъ повторялъ довольно часто, а потомъ и привелъ ихъ въ исполненія [95]).—Эмма Д. (послѣродовое

безуміе въ формѣ меланхоліи), дѣтоубійца, говорила эксперту: «я уже признавалась моему мужу, что въ прошлое воскресенье, проходя по мосту съ моими двумя дѣтьми, я утопила бы ихъ въ рѣкѣ, если бы не боялась быть замѣченной. При этомъ я ему говорила: если я ихъ убью, меня также лишатъ жизни, и тогда ты можешь жениться во второй разъ» [96]).—Дѣвица С., выстрѣлившая изъ револьвера въ священника, не скрывала своихъ намѣреній: два года передъ тѣмъ, она предупредила самого священника, бельгійскаго посланника, полицейскаго коммиссара, и нужно было бы имѣть только немного болѣе предусмотрительности, чтобы воспрепятствовать послѣдовавшему покушенію [97]).—Женщина Бреваръ (меланхоличная), утопившая своихъ трехъ дѣтей, задолго передъ тѣмъ имѣла обыкновеніе говорить: «я умру вмѣстѣ съ моими сыновьями. Я такъ несчастна, что утоплюсь, и утоплю также моихъ сыновей. Если бы мои сыновья утонули, они были бы счастливы, потому что пошли бы въ рай» [98]). Тиксье нѣсколько разъ грозился убить кого-нибудь изъ семейства Руэровъ, выигравшихъ процессъ противъ отца Тиксье. «Я ему перерѣжу горло», говорилъ онъ, «они украли имущество моего отца; пусть я умру безвременной смертью, если я не убью кого-нибудь изъ нихъ» [99]).—Женоубійца Ареско за нѣсколько дней до преступленія говорилъ своей женѣ наединѣ и даже въ присутствіи постороннихъ: «Сперва я покончу съ твоимъ имуществомъ, затѣмъ я покончу съ тобой, и потомъ пойду въ монахи». Онъ говорилъ также: «твоя мать должна оплакивать тебя какъ умершую» [100]).

Послѣдній симптомъ, относящейся къ поведенію до совершенія убійства, свойственъ почти всѣмъ умалишеннымъ, равно какъ и убійцамъ по страсти; это—*отсутствіе соучастниковъ*, изолированность при исполненіи преступныхъ намѣреній.

Эта черта, которая могла бы быть обнаружена данными уголовной статистики, если бы они собирались по болѣе полной программѣ, чѣмъ теперь, выясняется однако уже изъ того факта, что судебно-медицинскіе отчеты, свидѣтельствующіе о душевномъ разстройствѣ обвиняемыхъ въ убійствѣ, всегда говорятъ объ одномъ лицѣ, безъ соучастниковъ.

Изъ этого положенія слѣдуетъ однако сдѣлать два исключенія, помимо весьма рѣдкихъ случаевъ заговоровъ, организуемыхъ сумасшедшими съ цѣлью совершить преступленіе: примѣрами могутъ служить: соглашеніе двухъ душевнобольныхъ въ Марсельской лѣчебницѣ

убить больничныхъ служителей [101]); случай, разсказанный Галлеромъ о трехъ идіотахъ, убившихъ четвертаго [102]); разсказъ Берти о мужѣ (меланхоликѣ), страдающемъ маніей преслѣдованія, который, по уговорамъ своей жены, также душевно больной, убилъ старуху, и нѣкоторые другіе случаи.

Первымъ изъ вышеупомянутыхъ исключеній является то, что и среди сумасшедшихъ, какъ среди предумышленныхъ убійцъ, можетъ возникнуть ассоціація для совершенія убійствъ—въ случаяхъ, впрочемъ, довольно рѣдкихъ, контагіознаго или эпидемическаго сумасшествія, когда въ извѣстной мѣстности часть населенія страдаетъ одной и той же формой душевнаго разстройства, и нѣсколько лицъ, въ состояніи крайней экзальтаціи, соглашаются между собою совершить одно или нѣсколько убійствъ. Эта заразительность психическихъ аффектовъ наблюдается также и при самоубійствѣ и еще чаще при совершеніи убійства [103]); по отношенію къ психическому разстройству заразительность чаще встрѣчается въ извѣстныхъ формахъ сумасшествія, какъ, напр., религіозныя маніи или эротическія, происходящія въ особенности отъ истерическаго или аналогичнаго невроза.

Второе исключеніе изъ обычной изолированности убійцъ душевнобольныхъ обнаруживается въ нѣкоторыхъ промежуточныхъ формахъ психическаго разстройства, въ сильныхъ неврозахъ, какъ, напр., эпилепсія, по поводу которой Легранъ-дю-Соль справедливо замѣчаетъ, что «въ больницахъ эпилептики собираются въ отдѣльную группу, составляютъ заговоры, планы побѣга, и даже совершенія убійства, тогда какъ обыкновенные сумасшедшіе избѣгаютъ другъ друга и живутъ изолированно» [104]).

Вслѣдствіе этого обстоятельства, какъ замѣчаетъ Ломброзо, наблюденіе за содержимыми гораздо легче въ лѣчебницѣ душевно-больныхъ, несмотря на кажущуюся сложность дѣла, чѣмъ въ тюрьмѣ, гдѣ арестанты составляютъ заговоры и сообщества совершенно свободно. Ломброзо прибавляетъ, что эта наклонность къ составленію сообществъ, общая эпилептикамъ и преступникамъ, является однимъ изъ признаковъ основнаго тожества между эпилепсіей, прирожденной преступностью и нравственнымъ безуміемъ [105]).

Что касается до образа дѣйствій убійцъ душевно-больныхъ *во время преступнаго дѣянія*, то первымъ симптомомъ представляется въ этомъ случаѣ *необыкновенное возбужденіе во время совершенія убійства*.

Этотъ симптомъ можетъ во многихъ случаяхъ и отсутствовать, но онъ встрѣчается весьма часто и является характеристичнымъ въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе обусловлено преобладающей импульсивной идеей, съ которой, какъ мы видѣли, больной даже пытается бороться, или въ тѣхъ случаяхъ, когда преступленіе совершается по мгновенно возникшему буйному импульсу.

Этотъ буйный, моментально возникающій импульсъ самъ по себѣ можетъ быть симптомомъ или извѣстнымъ фазисомъ душевной болѣзни, иногда при сознательности поступковъ, какъ, напр., въ случаяхъ меланхоліи, систематическаго бреда и даже, хотя очень рѣдко, безумія; иногда же упомянутый импульсъ является только кратковременнымъ аффектомъ, при безсознательности дѣйствій, именно въ случаяхъ эпилепсіи, алкоголизма и такъ называемой преходящей маніи, которая почти всегда есть или эпилепсія или алкоголизмъ, или то и другое вмѣстѣ. Въ этихъ случаяхъ, какъ увидимъ ниже, симптомъ необычнаго раздраженія сопровождается избіеніемъ нѣсколькихъ лицъ за-разъ.

Свѣдѣнія объ этомъ необычайномъ возбужденіи могутъ быть получены или изъ разсмотрѣнія обстоятельствъ самаго преступленія, изъ слѣдовъ дѣянія на мѣстѣ драмы, или изъ показаній свидѣтелей, или даже изъ признаній самихъ убійцъ. Такъ дѣвица С., выстрѣлившая изъ револьвера въ священника, говорила эксперту: «я была очень взволнована, такъ какъ я рѣшила произвести выстрѣлъ совсѣмъ не въ это время» [106]). Одинъ алкоголикъ-галлюцинантъ убилъ своего товарища, растерзавъ тѣло сорока ранами, размозжилъ ему голову и взрылъ глубоко всю землю вокругъ трупа [107]). Садовникъ Z. (эпилептикъ), отецъ 6 дѣтей, убилъ двухъ изъ нихъ и поранилъ остальныхъ; онъ велѣлъ имъ лечь въ постель, и едва они заснули, какъ онъ началъ бѣгать вокругъ кроватей, съ бѣшенствомъ нанося удары направо и налѣво [108]). Volk. (меланхоликъ) утромъ въ день преступленія схватилъ кошку и, скручивая ей шею, пытался оторвать голову; затѣмъ, набросившись на жену, онъ сталъ ей ломать руки, но былъ остановленъ сосѣдомъ; немного спустя онъ выходитъ на улицу съ ножемъ въ рукахъ, вбѣгаетъ въ сосѣдній домъ, встрѣчаетъ двухъ сестеръ, бросается на нихъ и убиваетъ, нанося многочисленные удары, затѣмъ выбѣгаетъ обратно на улицу, въ бѣшенствѣ, и ранитъ еще двухъ лицъ [109]). Charp. (алкоголикъ) входитъ въ домъ старой дамы, которая была одна съ своей служанкой, убиваетъ ихъ, разбиваетъ мебель и поджигаетъ домъ; въ то время какъ народъ старается потушить огонь, больной продолжаетъ съ бѣшенствомъ рубить топоромъ двери

дома, затѣмъ онъ взобрался на крышу и подрубалъ стропила, нока, наконецъ, его не схватили [110]).

Вышеописанный симптомъ часто сопровождается еще другимъ—*необыкновенной свирѣпостью* при совершеніи убійства, весьма отличающейся отъ жестокости предумышленныхъ убійцъ, такъ какъ у послѣднихъ она имѣетъ характеръ холодный, обдуманный, а у душевно-больныхъ—отличается порывистостью и буйствомъ. Такъ что звѣрство при совершеніи убійства у обычныхъ преступниковъ является доказательствомъ болѣе глубокой дегенераціи, а у психически больныхъ обнаруживается, наоборотъ, весьма часто при формахъ, допускающихъ значительную возможность излѣченія (за исключеніемъ эпилепсіи), какъ, напр., при маніи бѣшенства, безуміи вслѣдствіе отравленія и въ особенности въ случаяхъ остраго алкоголизма.

G. однажды вечеромъ на дачѣ схватываетъ своего отца за горло. сваливаетъ его на землю и проламываетъ ему грудь ударами колѣна [111]). B. (истеричная, страдающая маніей) наноситъ своей матери ударъ топоромъ; обезоруженная сосѣдкой, она снова подбѣгаетъ къ матери, лежащей въ обморокѣ на землѣ чтобы ударить ее кострюлькой [112]). Предюжъ (эпилептикъ) убиваетъ ударами палки отца и мать и жестоко истерзываетъ ихъ трупы [113]). Гранди (полоумный) нѣсколько разъ вонзаетъ ножъ въ горло своей двоюродной сестрѣ, убиваетъ отца и дядю, пытавшихся остановить его; прикрываетъ трупы, и тотчасъ же отправляется къ публичной женщинѣ; но еще не пришедши въ себя отъ бѣшенства, возвращается, снова наноситъ удары трупу отца и даже бросается на воловъ, стоявшихъ на стойлѣ [114]). G. (безумный), въ ночь совершенія преступленія, отправляется въ кабакъ и, вернувшись домой, направляетъ револьверъ на свою жену; та пытается бѣжать, онъ схватываетъ ее, запрокидываетъ ей голову, сжимаетъ ее между колѣнъ и, въ упоръ, выстрѣливаетъ въ нее всѣ заряды своего револьвера [115]). Платнеръ разсказываетъ объ одномъ субъектѣ, что онъ въ 18 лѣтъ изнасиловалъ ребенка и затѣмъ лишилъ его жизни посредствомъ кастраціи и всаживанія палки въ животъ [116]). Одинъ клеркъ, у адвоката, разъ въ полдень зазываетъ маленькую дѣвочку въ поле; немного спустя находятъ разбросанными тамъ и сямъ отрубленные члены ея трупа [117]). G. (алкоголикъ) встрѣчается съ I. и желаетъ его проводить: тотъ отказывается идти съ нимъ, и тогда алкоголикъ бросается на него и задушаетъ: затѣмъ пытается совершить мужеложство на трупѣ; не успѣвъ въ этомъ,

онъ откусываетъ зубами половые органы убитаго и чрезъ образовавшуюся рану вырываетъ внутренности, затѣмъ выдавливаетъ глаза и разбиваетъ голову ударами деревяннаго башмака [118]).

Подобнаго рода звѣрская свирѣпость можетъ доходить и до *людоѣдства*, какъ и у предумышленныхъ убійцъ; но у душевнобольныхъ она встрѣчается чаще и сопровождается или даже обусловливается часто ненормальнымъ половымъ влеченіемъ. Помимо случаевъ людоѣдства, извѣстныхъ подъ названіемъ «ликантропіи» въ средніе вѣка [119]), и въ настоящее время можно найти много подобнаго рода фактовъ.

Крестьянка Долоресъ не могла выйти замужъ вслѣдствіе несогласія на бракъ ея отца; однажды вечеромъ она убиваетъ его, вырываетъ сердце и пожираетъ его, при чемъ съ ней тотчасъ же происходитъ припадокъ маніакальнаго бѣшенства [120]). Д-ръ Бертолле передаетъ случай одного слабоумнаго гемиплегика, который раскапывалъ могилы для того, чтобы пожирать куски отъ труповъ умершихъ [121]). Рюсъ убиваетъ пожилую женщину, отрѣзываетъ отъ тѣла куски мяса и приготовляетъ изъ нихъ жаркое съ картофелемъ, которое и съѣдаетъ; затѣмъ онъ признался въ этомъ фактѣ слѣдователю совершенно равнодушно [122]). I. E. (слабоумный), обыкновенно отправлявшійся въ лѣсъ съ своимъ малолѣтнимъ племянникомъ, однажды прокусываетъ ему горло, ѣстъ «нѣжное» мясо и пьетъ кровь: «я хотѣлъ поѣсть говядины», говорилъ онъ, «чтобы сдѣлаться больше» [123]). Въ Гамильтонѣ (въ Америкѣ) нѣкто, заглянувъ въ домъ своихъ двухъ стариковъ сосѣдей, увидалъ, что они лежатъ на полу въ лужѣ крови; подлѣ нихъ спокойно спалъ ихъ сынъ. Онъ вырвалъ сердце изъ обоихъ труповъ, и на жаровнѣ были найдены изжаренныя и полусъѣденныя сердца. Разбуженный убійца сообщилъ, ни мало не волнуясь: «мой отецъ дышалъ еще, когда я ему вырывалъ сердце, потому что оно мнѣ было нужно; что касается до матери, то съ ней дѣло обошлось легче, она не проговорила и слова» [124]). N. въ лѣчебницѣ Кадильяка (во Франціи), страдавшій бредомъ преслѣдованій, однажды бросился на одного сумасшедшаго, слабаго старика, разбилъ ему голову и съѣлъ его мозгъ. Захваченный во время ужаснаго дѣла, онъ не проявилъ никакого смущенія и не открылъ мотива своего преступленія. Позже обнаружилось, что онъ поѣдалъ также мозги мышей и птицъ, которыхъ ему случалось поймать; при этомъ больной сообщилъ, что «не имѣя болѣе мозга, онъ долженъ былъ снова нажить его себѣ, поѣдая мозги другихъ» [125]).

Убійство обусловливается иногда, въ особенности у идіотовъ и слабоумныхъ, противуестественнымъ половымъ чувствомъ, вслѣдствіе котораго больные, одержимые страстью, извѣстной подъ названіемъ некрофиломаніи, удовлетворяютъ своему половому инстинкту на трупахъ жертвъ и даже въ раны, причинившія смерть.

Эта черта свойственна исключительно убійцамъ сумашедшимъ, такъ какъ если обыкновенный преступникъ при изнасилованіи совершаетъ также и убійство жертвы, это послѣднее обстоятельство обусловливается желаніемъ избѣжать наказанія или необузданностью насилія, но не прямымъ намѣреніемъ удовлетворить свою развратную похоть въ крови.

Верцени, крестьянинъ, задушилъ съ 1869 по 1871 г. двухъ женщинъ и покушался на жизнь пятерыхъ, выпустивъ ихъ почти мертвыми, вслѣдствіе половаго наслажденія, которое онъ получалъ, сдавливая шею жертвы и разрывая затѣмъ трупъ; онъ сталъ извѣстнымъ въ Италіи, какъ типъ убійцъ умалишенныхъ, описываемыхъ нами. Но есть много и другихъ подобныхъ примѣровъ, помимо также извѣстнаго случая сержанта Бертрана, который откапывалъ трупы молодыхъ дѣвушекъ и насиловалъ ихъ. Таковы спеціальныя формы «общаго извращенія половаго инстинкта»,—«contrare Sexual-Empfinding» Вестфаля и другихъ нѣмецкихъ психіатровъ, на которыя было обращено вниманіе, начиная съ работы Вестфаля въ 1870 г., какъ на одинъ изъ наиболѣе характерныхъ признаковъ человѣческаго вырожденія [126]).

Германъ разсказываетъ объ одномъ субъектѣ, который нанесъ тяжелыя раны 15 молодымъ дѣвушкамъ въ продолженіе нѣсколькихъ мѣсяцевъ, потому что, такимъ образомъ, по его словамъ, онъ удовлетворялъ своимъ половымъ влеченіямъ.—Менесклу, 19 лѣтъ отъ роду, въ Парижѣ разрѣзалъ четырехъ-лѣтнюю дѣвочку на 44 части и сжегъ трупъ, по всѣмъ вѣроятіямъ, дѣйствуя подъ импульсомъ половой страсти [127]).—Въ Испаніи нѣкто Гарайо, прозванный Sacamantecas, проживъ мирно 40 лѣтъ и бывъ женатъ три раза, задушилъ шесть женщинъ, (почти всѣ жертвы—старыя публичныя женщины) вырывая имъ при этомъ внутренности чрезъ половые органы или насилуя ихъ. — Одинъ двадцатилѣтній идіотъ, какъ только ему удалось заманить къ себѣ маленькую дѣвочку, изнасиловалъ ее и задушилъ [128]).—Р., 23 лѣтъ отъ роду, избилъ заступомъ жену своего хозяина, 53 лѣтъ, и удовлетворилъ свою похоть на ея трупѣ. — Одинъ молодой 24-лѣтній человѣкъ совершилъ ужаснѣйшія злодѣянія надъ маленькими дѣвочками. Послѣднюю онъ завелъ въ бо-

лото, забилъ ей ротъ и умертвилъ, вдвинувъ палку въ животъ, а затѣмъ совершилъ половой актъ на трупѣ. — Подобнымъ же образомъ, въ одномъ изъ предмѣстій Парижа, одинъ человѣкъ заманилъ къ себѣ дѣвочку, игравшую на улицѣ, изнасиловалъ ее и разорвалъ ей животъ до пупа [129]).

---

[1]) Замѣчу здѣсь разъ навсегда, что буду говорить безразлично о преступленіяхъ и проступкахъ, совершаемыхъ душевнобольными и обыкновенными преступниками, хотя для юристовъ классической школы является противорѣчіемъ въ терминахъ сопоставленіе преступленія (и слѣдовательно вмѣняемости) съ сумасшествіемъ.

Не развивая здѣсь моихъ взглядовъ на вмѣняемость, которую я принимаю (хотя и въ измѣненной формѣ) и для душевнобольныхъ, въ томъ смыслѣ, что общество примѣняетъ къ нимъ извѣстныя ограничительныя мѣры, какъ послѣдствіе ихъ дѣйствій, — замѣчу только, что въ этомъ очеркѣ я говорю о преступленіяхъ умалишенныхъ въ смыслѣ матеріальномъ. Моею цѣлью въ данномъ случаѣ является психологическое изученіе, развитіе же соціологическихъ и юридическихъ выводовъ, вытекающихъ изъ этого изслѣдованія, будетъ имѣть мѣсто впослѣдствіи; а пока требуется разсмотрѣть факты дѣйствительности.

[2]) Blanche, Des homicides commis par les aliénés, Paris, 1878. p. 154. Эта книга представляетъ собою сборникъ судебно-медицинскихъ отчетовъ, подобранныхъ для доказательства того, что не существуетъ спеціальной формы «мономаніи убійства», что почти всѣ формы душевнаго разстройства могутъ быть сопровождаемы приступами влеченія къ убійству. См. по тому же вопросу Max Simon, Crimes et délits dans la folie, Paris, 1886, chap. 2.

[3]) Launurien, Rapport въ Annales medico-psychologiques, 1853, p. 152.

[4]) Payen. Отчетъ въ Ann. med. psych., 1862, p. 146, и Dagonet, Traité des maladies mentales, Paris, 1876, p. 311.

[5]) Esquirol. Monomanie homicide въ приложеніи къ Traité des maladies mentales.

[6]) Legrand du Saulle, Ann. med. psych., 1875, p. 416.

[7]) Tomburini e Seppilli, Etude de psychopathologie criminelle въ Rivista sperimentale di freniatria. Reggio Emilia, 1883, p. 62, 67, 25.

[8]) Hammond, Traité des malades du système nerveux. Paris, 1879, p. 370.

[9]) Chatelain, въ переводѣ Крафтъ-Эбинга, Responsabilité criminelle et capacité civile. Paris, 1875, p. 88, note.

[10]) Ritti, Folie avec conscience, Dictionn. encyclop. des sciences médicales, Paris, p. 319.

[11]) Mari, Appendice psychiatrica alla Gazzetta medica italiana, 1850, p. 36.

[12]) Dagonet. Folie morale et intellectuelle, Ann. méd. psych. 1877, I, 65.

[13]) Blanche, Homicides commis par les aliénés. Paris, 1878, p. 90.

[14]) Pohl, Ueber impulsives Irresein, Jahrb. für Psychiatrie, Wien, 1882, p. 35.

15) Maudsley, La Pathologie de l'esprit. Paris, 1883, p. 353.
16) Verga, Della monomania distruttiva, Archivio italiano per le malattie nervose, 1868, p. 207.
17) Griesinger, Traité des maladies mentales, Paris. 1865, p. 310.
18) Ribot, Les maladies de la volonté, Paris, 1883, pp. 77—78.
19) Foville, art. Folie въ Nouveau dictionnaire de médecine, p. 368.
20) Соколовъ, судебно-медицинскій отчетъ, воспроизведенный въ Ann. méd. psych., 1869, II, 138.
21) Casper, Traité de médecine legale, Paris, 1862, I. 330.
22) Legrand du Saulle, Somnambulisme naturel; Ann. d'hygiène publique, serie II, t. 18, p. 147.
23) Krafft-Ebing, Lehrbuch der gerichtlichen Psychopathologie, II. Aufl., Stuttgart, 1881, p. 268.
24) Dagonet, Traité des maladies mentales, Paris, 1876, p. 307.
25) Calmeil, Ann. méd. psychol., 1856, p. 77.
26) Régis, Manuel pratique de médecine mentale, Paris, 1885, p. 550.
27) Bottex, Rapport, Ann. méd. psych., 1846, I. 422.
28) Esquirol, Maladies mentales.
29) Lombroso, Misdea. Turin, 1884, p. 48.
30) Maudsley, Pathologie de l'esprit, Paris, 1883, p. 453.
31) Esquirol, Maladies mentales, Florence, 1846, p. 607.
32) Vergilio, Resoconto del manicomio d'Aversa, 1883, p. 120.
33) Brierre de Boismont, Des hallucinations, Paris, 1862, pp. 666, 669.
34) Brierre de Boismont, Des hallucinations, Paris, 1862, pp. 676, 677.
35) Miroglia, Perizia medico-legale, Bollettino del Manicomio Fleurent, Napoli, 1880, p. 65.
36) Max Simon, Crimes et dèlits dans la folie, Paris, 1886, p. 6.
37) Aubanel, Отчетъ въ Ann. méd- psychol., 1860, p. 571.
38) Ziino, Perizia nel Giornale internazionale di scienze mediche, Napoli, 1882.
39) Brierre de Boismont, Des hallucinations, Paris, 1862, p. 685.
40) Esquirol, Monomanie homicide, Firenze, 1846, p. 887.
41) Payen, Rapport, Ann. méd. psychol., 1857, p. 206.
42) Taylor, Médecine légale, Paris, 1881, p. 921.
43) Эйзенгартъ, Отчеты замѣчательныхъ процессовъ, т. I, стр. 5.
44) Brierre de Boismont. Des hallucinations, Paris, 1862, p. 682—83.
45) Legrand du Saulle, Le somnambulisme naturel, Annales d'hyg. publ., série II, т. XVIII, p. 148.
46) Leidesdorf, Trattati di malattie mentale, Torino, 1878, p. 489, 670.
47) Lhomme, Rapport, Ann. méd. psychol. 1863, II, 341.
48) Max Simon, Crimes dans la folie, Paris, 1886, p. 17.
49) Tamburini, Perizia in Rivista sperimentale di freniatria, II, 666.
50) Morselli, Le tueur d'enfants, въ Riv. sperim. di fren., III, 144.
51) Tebaldi, Отчетъ въ Rivista sperim. di fren., 1880, p. 95.
52) Pereira, Discussion médico-legale sur la monomanie homicide, Ann. méd. psychol., 1845, I, 66.
53) Casper, Médecine légale, Paris, 1862, I, 425.
54) Belloc, Отчетъ въ Ann. méd. psychol., 1861, p. 247.
55) Haslam, Journal of psychological medicine, 1848.

56) Krafft-Ebing, Lehrbuch der gerichtlichen Psychopathologie, Stuttgart, 1881, p. 129.

57) Lombroso, L'uomo delinquente, II ediz. Torino, p. 332.

Гарофало точно также въ Criminologia (Torino, 1886,) и даже въ еще болѣе абсолютномъ и неопредѣленномъ смыслѣ видитъ въ этомъ признакѣ «существенное» отличіе преступника сумасшедшаго отъ обыкновеннаго. Я, напротивъ того, полагаю, что различіе здѣсь есть только въ степени или разновидности. Гарофало упускаетъ изъ виду различіе, несомнѣнно существующее между сумасшедшимъ, не совершающимъ преступленія, и душевно-больнымъ преступникомъ; такимъ образомъ, существенное различіе можетъ быть точно проведено только между обычнымъ преступникомъ и умалишеннымъ, не совершающимъ преступленій.

58) Taylor, Médecine legale, Paris, 1881, pp. 900, 903.

59) Crichton, An inquiry on the nature and origin of mental disease, London, 1798.

60) Esquirol, Malattie mentali, Firenze, 1846, p. 336.

61) Brierre de Boismont, Des rapports de la folie suicide avec l'homicide, Ann. méd. psychol. 1851, p. 156, и въ книгѣ Du suicide, Paris, 1865, II édit. p. 729.

62) Dechambre, De la monomanie homicide-suicide, Gazette medicale, 1852.

63) Despine, Psychologie naturelle, Paris, 1868, II, p. 579.

64) Brierre de Boismont, Du suicide, Paris, 1865, p. 731.

65) Despine, Psychologie naturelle, Paris, 1868, II, p. 580—81.

66) Briand et Chandé, Manuel de médecine légale, Paris, 1863, p. 535.

67) Lombroso, L'uomo di genio, Torino, 1888, p. 333.

68) Journal de médecine mentale, 1867, VII, 273.

69) Ann. méd. psychol., 1868, I, 493.

70) Ann. méd. psychol., 1868, II, 373.

71) Berti, Pazzia ed omicidio, Venezia, 1876, p. 209.

72) Esquirol, Malattie mentali, Firenze, 1846, p. 460.

73) Bell, Madness and crime, Medico-legal Journal, New-York, Decembre 1884.

74) Tardieu, Etude médico-legale sur la folie, Paris 1872, p, 50.

75) Maudsley, Responsabltita nelle malattie mentale (Crime et folie). Milano 1876, p. 213.

76) Casper, Médicine légale, Paris. 1862, I, 264.

77) Taylor, Traité de médecine légale, Paris. 1881, p. 906.

78) Dufour, судебно-медиц. отчетъ въ An. méd. psychol., 1880, I, 386.

79) Blanche, Homicides commis par les aliénés. Paris, 1878, pp. 19, 133.

80) Lombroso, L'uomo delinquente, II изд., Туринъ 1878, p, 316.

81) Soppilli e Tonnini, Perizia in Rivista sperimentale di freniatria, 1883, p. 156.

82) Briere de Boismont, Des hallucinations, Paris 1862, p. 678.

83) Casper, Médecine légale, Paris 1862, I. 339.

84) Maudsley, Responsabilita nelle malaiett mentali, Milano 1875, p. 214.

85) Aubanel, Rapport dans les Ann. med. psychol., 1869, p. 270.

86) Dagonet, Rapport dans les Ann. med. psychol., 1858, p. 186.

87) Bonvecchiato, A proposito di un processo scandaloso, Venezia, 1884, p. 21.—Tamossa, Il processo Guiteau, въ Rev. sperim. di fren. VIII и IX. Lom-

broso, L'uomo di genio, Torino, 1888 p. 338. Lutaud, Sur l'état mental de Guiteau, Ann. d'hygiène publ., 1882, VIII, 52.

88) Laffitte, Rapport, Ann. med. psychol., 1866, p. 331.

89) Blanche, Homicides commis par les aliénés. Paris, 1878, p. 19.

90) Girard, Rapport, Ann. med. psychol., 1850, p. 56.

91) Taylor, Médecine legale, Paris, 1881, p. 896.

92) Berti, Pazzia e omicidio, Venezia, 1876, p. 92.

93) Tamburini, Perizia in Riv. sper. di fren., 1879, p. 177.

94) Frigerio, Archivio di psichiatria e scienze penali, V, p. 411.

95) Hospital, Rapport, Ann. med. psychol., 1880, II, 64.

96) Laffitte, Rapport, Ann. med. psychol. 1878, I, 51.

97) Blanche, Homicides commis par les aliénés.

98) Delasiauve, Journ. de médecine mentale, 1865, V, 9.

99) Hospital, Rapport, Ann. med. psychol., 1862, p. 114.

100) Morselli e Angelucci, Perizia in Riv. sper. di fren., 1880, p. 105.

101) Lombroso, L'uomo delinquente, III ed., Torino. 1884, p. 566.

102) Leidesdorf, Malatie mentali, Torino, 1878, p. 689.

103) Aubry, La contagion du meurtre, Paris, 1888.

104) Legrand du Saulle, Les epiléptiques, Paris, 1882, p. 77.

105) Lombroso, Identita della epilessia colla pazzia morale e delinquenza congenita, въ Archivio di psichiatria e scienze penali, VI, p. 12. L'Homme criminel, Paris, 1887.

106) Blanche, Homicides commis par les aliénés, Paris, 1878, p. 19.

107) Krafft-Ebing, Lehrbuch der gerichtlichen Psychopathologie.

108) Krafft-Ebing, Lehrbuch der gerichtlichen Psychopathologie.

109) Berti, Pazzia e omicidio, Venecia, 1876, p. 51.

110) Ann. med. psychol., 1847, p. 414.

111) Giraud, Attentats contre les personnes, Ann. med. psych., 1884, I, 426.

112) Laffitte, Rapport, Ann. med. psych., 1872, I, 46.

113) Legrand du Saulle, Les épiléptiques.

114) Lombroso, L'amour chez les fous, Arch. di psichiatria, II, 16.

115) Morselli, Perizia, Riv. sperim. di fren., 1880, p. 106.

116) Ziino, Medicina legale, Napoli, 1882, p. 225.

117) Маудсли, Отвѣтственность при душевныхъ болѣзняхъ.

118) Cruveilhier, Rapport, Ann. d'hygiène publique, 1876, t. 46. p. 327.

119) Calmeil, La folie au point de rue historique, pathologique et philosophique. Paris, 1845, I, 202, 279, 311.

120) Legrand du Saulle, Essai sur l'antropophagie, Ann. med. phychol., 1862 VIII, 472.—Cazauvieilh, Ann. d'hygiène publ., 1836, XVI, 137.

121) Marcé, Anthropophagie, Nouv. Dictionn. de medicine, Paris, 1868, II, 570.

122) Trélat, Antropophagie, Dictionn. encyclop. des sciences médicales, p. 304.

123) Krafft-Ebing, op. cit.

124) Livi, Omicidio morboso, Arch. ital. per le malattie mentali, 1866, p. 99.

125) Cronaca del manicomio di Voghera, 1888, 8.

126) См. работы: Вестфаля, Die conträre Sexualempfindung, Arch. für Psych., Berlin, 1870, II, 73, 1876, VI, 620.—Krafft-Ebing, Ueber gewisse Anomalien des Geschlechtstriebs, Arch. f. Psych., 1877, VII, 305. Allgm. Zeitsch. f. Phych., 1881. — Tamassia, Sull'inversione dell'istinto sessuale, Rivista sperim.

di freniatria, 1878, p. 97. — Krueg, Perverted sexual instincts, Brain, 1881, IV, 368.—Charcot et Magnan, L'inversion du sens génital, Archives de neurologie, 1882.—Gley, Aberrations de l'instinct sexuel, Revue philosophique, Janv. 1884.—Тарновскій, Вѣстникъ клинич. судеб. медицины и невропатологіи, 1884, дек.—Magnan, Aberrations, anomalies et perversions sexuelles, Paris, 1885.—Chevalier, Perversion de l'instinct sexuel, Paris, 1885.

127) Lombroso, L'amore nei pazzi, Archivio di psichiatria, II, p. 10, 11,

128) Lombroso, Delitti di libidine, Arch. di psichiatria, IV, p. 334, 337.

129) Moreau, Aberrations du sens générique, Paris, 1883, p. 257, 272, 273.

Энрико-Ферри.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

СТАТИСТИЧЕСКІЙ ОБЗОРЪ РАСПРОСТРАНЕНІЯ ГЛАВНѢЙШИХЪ ОТРАСЛЕЙ ОБРАБАТЫВАЮЩЕЙ ПРОМЫШЛЕННОСТИ ВЪ РОССІИ [1]).

I.

Свѣдѣнія центральнаго статистическаго комитета по этому предмету касаются лишь 50 губерній и Привислянскаго края и относятся къ 1885 году [2]). Что касается Финляндіи, то о фабрикахъ и заводахъ этой части Имперіи имѣются лишь частныя свѣдѣнія въ 1-мъ изданіи «Указателя фабрикъ и заводовъ» Орлова, касающіяся лишь предпріятій съ годовой производительностью не ниже 30,000 марокъ = 10,500 руб. и относящіяся къ 1879 году. Очевидно, насколько неполны и устарѣлы должны быть эти послѣднія свѣдѣнія [3]).

По указаннымъ источникамъ, общія свѣдѣнія по фабрично-заводской промышленности Европейской Россіи выражаются слѣдующими цифрами:

	Число фабр. и заводовъ.	Годовая производительность въ тысячахъ руб.	Число рабочихъ.
Въ 49 губерніяхъ Европейской Россіи	62,801	1.121,040	994,787
Въ привислянскихъ губ. . .	20,381	185,822	139,652
» Финляндіи.	385	15,130	12,217
Итого	83,567	1,321,992	1.146,656

Кромѣ того въ области войска донскаго имѣлось въ 1885 году 632 завода и фабрики, относительно которыхъ нѣтъ свѣдѣній о числѣ рабочихъ и суммѣ производства.

Что̀ касается до *движенія* этихъ цифръ *во времени*, то составитель военно-статистическаго сборника (318—319) оговаривается, что заслуживающія довѣрія цифры по этому предмету начинаются лишь съ 1866 года. До 1863 г. заводы, обложенные акцизами, не входили въ счетъ. Въ 1863, 1864 и 1865 гг. акцизныя производства начали уже сюда входить, но для прочихъ производствъ основаніемъ исчисленія служили преимущественно только свѣдѣнія министерства финансовъ, доставляемыя самими фабрикантами, показанія коихъ большею частью не полны и ниже дѣйствительности. Только за 1866 г., благодаря стараніямъ центральнаго статистическаго комитета, получается, наконецъ, болѣе точная и полная цифра.

Итакъ, мы можемъ лишь сравнить эту цифру для 1866 г. съ приведенной раньше цифрой для 1885 года. Для этого надо предварительно вычесть изъ первой—цифры для Сибири и Кавказа—каковыхъ мы не находимъ въ послѣдней. Сдѣлавъ это вычитаніе, получаемъ слѣдующее:

Г О Д Ы.	Число заводовъ и фабрикъ.	Годовая производительность въ милліонахъ руб.	Число рабочихъ.
1866 годъ.	82,004	640,$_2$	906,578
1885 »	83,567	1,322,$_0$	1,136,656
Слѣдовательно, увеличеніе за 20 лѣтъ =			
	1,563	681,$_8$	230,078 =
	2%	107%	25%

Эти данныя характеризуютъ движеніе русской индустріи за указанный періодъ. Въ то время какъ количество заводовъ возросло лишь въ ничтожной степени (2% — немного болѣе 1,500, или въ среднемъ около 75 въ годъ), въ то время какъ число занятыхъ рабочихъ возросло лишь на $^1/_4$—въ это же время годовая производительность предпріятій *болѣе чѣмъ удвоилась*. Такая комбинація указываетъ на то, что капиталистическое накопленіе концентрируется въ однихъ и тѣхъ же предпріятіяхъ; новыя фабрики и заводы основываются относительно рѣдко. Сравнительно слабое увеличеніе числа рабочихъ (вчетверо меньшее увеличенія производительности) указываетъ на развитіе крупнаго машиннаго производства.

Недостаточность нашей промышленной статистики не дозволяетъ прослѣдить этого явленія ближе, точнѣе. Косвенное указаніе, однако, находимъ между прочимъ и въ слѣдующемъ сопоставленіи. Въ пер-

вомъ изданіи «Указателя» Орлова, въ которомъ помѣщаются лишь предпріятія съ годовой производительностью свыше 2,000 руб. въ годъ [4]), общее число фабрикъ и заводовъ Европейской Россіи, Царства Польскаго и Финляндіи (безъ Сибири и Кавказа) показано въ 32,618, а во второмъ—34,200, т. е. увеличеніе этого числа всего за пятилѣтіе (1879 — 1884 г.) равняется 1,582, а мы только что видѣли, что общее увеличеніе *всѣхъ* предпріятій этого рода (считая вмѣстѣ и тѣ, производительность которыхъ ниже 2,000 руб. въ годъ) за 20 лѣтъ (1866—1885 г.), изъ сопоставленія данныхъ центральнаго статистическаго комитета и военно-статистическаго сборника, равняется всего 1,563. Принимая во вниманіе, что разница въ данныхъ департамента торговли и мануфактуръ (которыми пользовался Орловъ) и центр. статистич. комитета не можетъ быть особенно велика, остается предположить, что все увеличеніе числа заводовъ принадлежитъ исключительно предпріятіямъ болѣе крупнымъ, число же мелкихъ, по крайней мѣрѣ, не увеличивается, если не уменьшается, по всей вѣроятности, вслѣдствіе конкурренціи крупныхъ. Въ частности—для Московской губерніи (по изслѣдованію г. Бобкова) [5]) за десятилѣтіе 1871—1881 замѣчены слѣдующія измѣненія:

ГОДЫ.	Число фабрикъ.	Число рабочихъ.	Годовая производительность
1871 годъ. .	1,624	113,328	75,263,000 руб.
1881 » . .	657	124,931	179,720,000 »

Т. е. въ то время какъ число фабрикъ и заводовъ *уменьшилось* въ $2^1/_2$ раза, количество рабочихъ увеличилось, хотя и немного — всего на 10%, а годовая производительность *возросла* въ $2^1/_2$ раза (240%). Далѣе, изъ сопоставленія послѣдующихъ данныхъ того же изслѣдованія можно видѣть, что за тотъ же періодъ въ той же губерніи значительно *уменьшилось* количество всѣхъ фабрикъ и заводовъ, занимающихъ менѣе 70 рабочихъ (число занимающихъ менѣе 10 рабочихъ упало съ 513 на 127), а *увеличилось* число занимающихъ ихъ болѣе указаннаго количества (ibid. 32—33).

Эти характерныя черты нашей едва народившейся индустріи заслуживаютъ, конечно, глубокаго интереса. — Тѣмъ не менѣе движеніе ея впередъ даже въ смыслѣ увеличенія годовой производительности должно быть признано всетаки крайне слабымъ. Въ какіе нибудь

шесть лѣтъ 1880—1887 гг. число веретенъ на бумаго-прядильныхъ фабрикахъ выросло въ Сѣверной Америкѣ на 117%, а въ Индіи на 66%. Число паровыхъ лошадиныхъ силъ во всѣхъ странахъ за 25-лѣтній періодъ (1860—1885 гг.) болѣе, чѣмъ утроилось (поднялось съ $11_{,4}$ милліоновъ до $35_{,1}$ милл.). Въ Соединенныхъ Штатахъ съ 1866 по 1884 г. количество хлопка, удержаннаго для переработки, выросло съ 396 милл. фунтовъ до 900 милл. ф., а цѣнность потребляемаго ежегодно шелка съ 1860 г. по 1880 г. увеличилась въ 5 разъ [6]). Вывозъ товаровъ изъ Англіи съ 1841 г. по 1860 г. возвысился съ 51 милл. фунтовъ стерлинговъ на 164 милл., т. е. болѣе, чѣмъ утроился, а въ 1880 г. равнялся уже 414 милл., т. е. за 40 лѣтъ увеличился въ восемь разъ [7]).

Эти нѣсколько цифръ при сопоставленіи ихъ съ только что приведенными цифрами роста нашей фабрично-заводской промышленности могутъ дать понятіе о той сравнительной медленности, съ которою развивается послѣдняя.

II.

Переходимъ далѣе къ *территоріальному распространенію* фабрично-заводской промышленности (по губерніямъ). Пользуясь упомянутыми выше свѣдѣніями центр. статист. комитета, помѣщаемъ слѣдующій рядъ губерній по нисходящимъ размѣрамъ годовой производительности фабрикъ и заводовъ каждой изъ нихъ:

I. *Свыше 100 милл.*

1) Московская. 171,5
2) С.-Петербургская. 148,8

II. *100—50 милл.*

3) Петроковская 88,2
4) Кіевская. 78,5
5) Владимірская. 77,8
6) Варшавская. 58,4
7) Пермская 50,4

III. *40—20 милл.*

8) Лифляндская 40,7
9) Эстляндская 32,3
10) Харьковская. 31,9
11) Подольская. 31,5
12) Херсонская. 29,7
13) Екатеринославская 27,6
14) Тамбовская 25,8
15) Костромская. 24,4
16) Саратовская. 24,0
17) Тульская 22,8
18) Ярославская. 20,6

IV. *20—10 милл.*

19) Тверская 17,8
20) Орловская. 17,7
21) Вятская. 16,6
22) Казанская. 15,1
23) Черниговская. 15,0
24) Курская. 14,5
25) Псковская. 14,2

26) Курляндская	13,5
27) Нижегородская	13,3
28) Волынская	13,0
29) Воронежская	12,3
30) Калишская	10,8
31) Самарская	10,2

V. *10—3 милл.*

32) Рязанская	9,5
33) Полтавская	9,2
34) Симбирская	8,4
35) Минская	8,2
36) Калужская	7,8
37) Гродненская	7,7
38) Люблинская	6,7
39) Таврическая	6,5
40) Уфимская	6,2
41) Смоленская	5,8
42) Пензенская	5,7
43) Оренбургская	5,3
44) Радомская	5,2
45) Новгородская	4,4
46) Сѣдлецкая	4,2
47) Ломжинская	4,1
48) Кѣлецкая	4,0
49) Виленская	3,7
50) Могилевская	3,5
51) Ковенская	3,3
52) Витебская	3,0

VI. *3—1,2 милл.*

53) Плоцкая	2,9
54) Архангельская	2,9
55) Вологодская	2,3
56) Олонецкая	2,2
57) Астраханская	1,6
58) Бессарабская	1,2
59) Сувалкская	1,2

О 60-й Донской области и Финляндіи свѣдѣній въ указанномъ источникѣ не имѣется. Эти данныя наводятъ на слѣдующіе выводы.

Русская обрабатывающая промышленность въ весьма значительной степени концентрируется въ обѣихъ столицахъ и ихъ губерніяхъ. На первомъ планѣ стоитъ въ этомъ случаѣ Московская съ г. Москвой, далеко оставляющая за собой не только всѣ остальныя губерніи, порознь взятыя, но даже 28 губерній, составляющихъ двѣ послѣднія группы въ ихъ совокупности. Центральное географическое положеніе этого города съ прилежащей губерніей, отдаленное отъ границъ государства, устройство желѣзно-дорожной сѣти въ такомъ видѣ, что рельсовые пути въ видѣ радіусовъ соединяютъ его съ отдаленными мѣстностями Россіи, а, слѣдовательно, привлекаютъ отовсюду нужное сырье и помогаютъ сбывать фабрикаты, наконецъ, старая, установившаяся репутація его, какъ наиболѣе виднаго мѣста обмѣна товаровъ востока и запада, Азіи и Европы—все это доставило Москвѣ первенство въ развитіи русской индустріи.

Немного лишь меньше — годовая производительность Петербурга. Выгодное приморское положеніе, доставляющее ему видное торговое значеніе, и весьма сильная населенность, помогающая ему играть роль крупнаго внутренняго рынка, достаточно объясняютъ то обстоятельство, что годовая производительность индустріи этого сравнительно молодого города поднялась почти до уровня производитель-

ности Московской и оставила за собой далеко всѣ остальные старые русскіе города.

Двѣ столичныя губерніи выпускаютъ обработанныхъ издѣлій въ суммѣ на 320 милл. руб., т. е. даютъ *цѣлую четверть* таковыхъ, доставляемыхъ всею Россіею вообще. Переходъ къ другимъ губерніямъ отъ этихъ весьма рѣзокъ.

Въ составъ слѣдующей группы входятъ двѣ Привислянскія губерніи (Петроковская—88 милл. и Варшавская—58), а изъ русскихъ—Кіевская, Владимірская и Пермская. Въ первыхъ двухъ, принимая во вниманіе крайне небольшіе размѣры ихъ (какъ и Привислянскихъ губерній вообще), видно усиленное развитіе индустріи, внушающее, какъ извѣстно, своимъ соперничествомъ не мало безпокойства представителямъ московской промышленности. Русскіе покровительственные тарифы играютъ, несомнѣнно, большую роль въ привлеченіи на русскую территорію иностранныхъ капиталовъ. Пограничная полоса при этомъ, по легкости сообщенія съ западомъ, по условіямъ производства и сбыта, оказывается, понятно, наиболѣе удобной для эксплоатаціи такихъ капиталовъ. Промышленное развитіе, далѣе, трехъ упомянутыхъ русскихъ губерній едва ли требуетъ объясненія. Кіевская служитъ центромъ производства сахара, Владимірская заключаетъ въ себѣ важнѣйшія, наравнѣ съ московскими, фабрики, обработывающія волокнистыя вещества, Пермская знаменита своимъ полуфабрикатомъ—металлами, ибо въ составъ ея входитъ вся средняя часть Уральскаго хребта, заключающаго въ нѣдрахъ своихъ, какъ мы знаемъ, неисчерпаемыя подземныя богатства.

Въ составъ слѣдующей группы входятъ губерніи съ значительно меньшею годовою производительностью. Послѣдняя въ среднемъ по каждой губерніи здѣсь болѣе, чѣмъ вдвое меньше средней производительности каждой губерніи предшествующей группы (средняя второй группы $70_{,6}$, а средняя третьей—$28_{,3}$). Сюда входятъ и нѣкоторыя губерніи московской промышленной полосы (Ярославская и Костромская—обработка питательныхъ продуктовъ, волокнистыхъ веществъ и друг., Тульская—обработка металловъ, питательныхъ продуктовъ, винокуреніе, сахаро-рафинадное и проч.) и нѣкоторыя изъ черноземныхъ, въ которыхъ болѣе другихъ развита обработка продуктовъ сельскаго хозяйства — винокуреніе, мукомольное дѣло (Тамбовская, Саратовская) или къ тому же еще — сахаро-рафинадное и свекло-сахарное (Харьковская и Подольская) и нѣкоторыя изъ степныхъ съ развитой переработкой тѣхъ же продуктовъ (Херсонская) или съ прибавленіемъ еще обработки металловъ и табаку (Екатери-

нославская) и изъ остзейскихъ—Эстляндская съ бумагопрядильнымъ, бумаготкацкимъ дѣломъ и винокуреніемъ и Лифляндская, въ которой кромѣ этого развито химическое, машиностроительное, проволочное дѣло и т. д.

Минимальная годовая производительность имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ на крайнемъ сѣверѣ. Какъ и слѣдуетъ ожидать по отдаленности края отъ рынковъ, по отсутствію въ немъ путей сообщенія, по его малонаселенности, богатства его лежатъ еще безъ обработки, оставляя просторъ будущему. Губерніи Архангельская, Олонецкая и Вологодская даютъ въ сложности обработанныхъ продуктовъ всего на $7_{,5}$ милл., т. е. менѣе одной Гродненской и съ нею пяти другихъ губерній предпослѣдней группы въ отдѣльности каждой, не говоря о губерніяхъ, входящихъ въ составъ другихъ группъ. Лѣсопильное производство, естественно, захватываетъ здѣсь первенствующее мѣсто, доставляя продуктовъ почти на половинную сумму всего производства. Близко соприкасаются съ этими, по слабости развитія обработки продуктовъ, губерніи Астраханская, дѣятельность которой направлена главнымъ образомъ на рыбные промыслы по Волгѣ и Каспію, и Бессарабская. Что касается до примыкающихъ сюда двухъ привислянскихъ губерній — Плоцкой и Сувалкской, то абсолютныя сравнительно небольшія цифры ихъ производства не могутъ еще служить доказательствомъ ихъ слабаго индустріальнаго развитія въ силу ничтожныхъ размѣровъ этихъ губерній по сравненію съ размѣрами русскихъ губерній вообще и приведенныхъ въ этой группѣ окраинныхъ губерній—въ частности.

Всѣ остальныя губерніи доставляютъ нѣсколько бо̀льшее количество обработанныхъ продуктовъ, чѣмъ послѣднія, но гораздо меньшее, чѣмъ губерніи трехъ первыхъ группъ, причемъ колебаніе размѣра производительности зависитъ и отъ близости къ тому или другому промышленному центру, и отъ естественныхъ богатствъ этихъ губерній и, наконецъ, отъ ихъ величины (губерніи привислянскія).

Таково схематическое распредѣленіе русской фабрично-заводской промышленности.

III.

Пользуясь тѣмъ же источникомъ, какъ новѣйшимъ и наиболѣе полнымъ [8]), постараемся выяснить относительную важность для нашей страны разныхъ видовъ обработки продуктовъ на нашихъ фабрикахъ и заводахъ.

Сводя итоги помѣщенныхъ тамъ данныхъ и располагая ихъ въ убывающемъ порядкѣ по величинѣ годоваго производства, получаемъ для 50 губерній Европейской Россіи и Привислянскаго края (безъ Финляндіи) слѣдующія цифры:

	Сумма годов. производства въ милл. руб.	Число фаб. и заводовъ.	Число рабочихъ.
I. Обработка растительныхъ продуктовъ .	887,0	57,670	600,661
II. » животныхъ » .	158,2	9,726	132,094
III. » минеральныхъ » .	137,0	11,884	285,670
IV. «Прочіе» фабрики и заводы [9])	75,0	2,922	50,667
V. Смѣшанныя и химич. производства [10]) . .	49,8	980	65,347
Итого	1,307,0	83,182	1,134,439

Не касаясь IV группы, состоящей изъ совершенно разнородныхъ производствъ и дающей въ суммѣ небольшое количество продуктовъ, отмѣтимъ прежде всего незначительность годовой производительности группы V-й, сравнительно съ первыми тремя. Группа эта даетъ всего 3,8% цѣнности продуктовъ, доставляемыхъ русской фабрично-заводской промышленностью вообще. Это обстоятельство еще рельефнѣе сказывается при взглядѣ на отдѣльныя отрасли производства, входящія въ составъ этой группы. Такъ постройка земледѣльческихъ и иныхъ машинъ въ суммѣ выражается цифрой 31,3 милліоновъ руб. Эта отрасль въ 1866 г. (*Военно-Статист. Сборникъ*, стр. 341) характеризовалась цифрой 21,4 милл.; увеличеніе за 20 лѣтъ—всего на 46%. Припомнимъ, что въ теченіе именно этихъ 20 лѣтъ особенно усиливался спросъ на земледѣльческія машины и орудія съ одной стороны, а съ другой—и машинная крупная индустрія получала всякія поощренія къ развитію. Очевидно, требованіе машинъ разнаго рода въ весьма значительной степени могло удовлетворяться лишь привозомъ машинъ иностранныхъ. Послѣдній (ibid. стр. 278 sq.) съ незначительными колебаніями постоянно возрасталъ съ 17,8 тысячъ руб. въ 1872 г. до 51,3 тысячъ въ 1880 г. и сократился значительно лишь послѣ возвышенія таможенной пошлины на этотъ товаръ. Гораздо значительнѣе увеличеніе за тотъ же 20-лѣтній періодъ остальныхъ производствъ, входящихъ въ составъ этой группы—1) стекляннаго, зеркальнаго и хрустальнаго и 2) химическихъ продуктовъ и спичекъ. Для перваго сумма производства возросла съ 4,5 милл. въ 1866 г. на 8,9 милл. въ 1885 г.=98%, для втораго—съ 4,5 милл.

на $9_{,6}$ милл.=113%. Абсолютныя цифры этихъ производствъ однако настолько не велики, что существенной роли въ русской обрабатывающей промышленности они не играютъ.

Такимъ образомъ, наибольшее значеніе, какъ сказано, имѣютъ три первыя большія группы производства, которыя составляютъ всей фабрично-заводской индустріи:

I.	Обработка растительныхъ продуктовъ. . . .	$68_{,3}\%$
II.	» животныхъ » . . .	$12_{,2}\%$
III.	» минеральныхъ » . . .	$10_{,5}\%$
	Всѣ три въ сложности	$91_{,0}\%$

Итакъ, упомянутыя выше двѣ послѣднія группы доставляютъ лишь 9% производимыхъ въ годъ продуктовъ, а болѣе $^9/_{10}$ падаетъ на долю первыхъ трехъ. Но и онѣ далеко не равномѣрно распространены въ Россіи. Болѣе двухъ третей таковыхъ доставляются одной первой группой, обрабатывающей продукты растительные. Двѣ вторыя въ сложности даютъ продуктовъ лишь немного болѣе $^1/_3$ продуктовъ первой.

Освѣщенію вопроса о причинахъ этой неравномѣрности, можетъ быть, помогутъ нѣкоторыя сопоставленія, къ которымъ и приступаемъ теперь.

IV.

Обратимъ прежде всего вниманіе на *размѣръ* предпріятій. Попытаемся выдѣлить наиболѣе крупныя *по числу рабочихъ* въ среднемъ на каждое. Болѣе 100 рабочихъ на одну фабрику или заводъ имѣютъ:

	Число рабочихъ.	Сумма производства въ милліон. руб.
1) Сахаро-варенные	$396_{,1}$	$170_{,8}$
2) Пробочные.	$249_{,7}$	$5_{,4}$
3) Ситцевыя	$183_{,6}$	$33_{,2}$
4) Шерстяныхъ издѣлій	$109_{,1}$	$12_{,5}$
5) Фарфоровыя и фаянсовыя. . . .	$143_{,5}$	$3_{,7}$
6) Каменноугольныя копи.	$214_{,0}$	$7_{,1}$
7) Чугунно-плавильные и желѣзные .	$160_{,1}$	$29_{,9}$
8) Чугунно-литейные.	$332_{,9}$	$44_{,0}$
9) Стале-литейные.	$197_{,2}$	$4_{,1}$
10) Оружейные.	$295_{,8}$	$2_{,0}$

11)	Пушечные и снарядодѣлательные	1,169,0	1,9
12)	Механическія	142,2	21,8
13)	Зеркальныя	117,7	0,7
	Всего	—	337,1

Эта выборка представляется весьма характерной для русской индустріи. Изъ нея видно, во-первыхъ, насколько ограничено количество отраслей производства у насъ, занимающихъ въ среднемъ болѣе 100 рабочихъ на одно предпріятіе (13 изъ 69), а во-вторыхъ (и это—самое главное), насколько сравнительно невелика роль этихъ производствъ въ общей массѣ русскаго годоваго фабрично-заводскаго производства. Крупная промышленность, понимаемая въ вышеуказанныхъ размѣрахъ, доставляетъ въ годъ продуктовъ всего на 337,1 милл. руб., или лишь 25,9 % всего годового производства. Такимъ образомъ $^3/_4$ послѣдняго доставляются предпріятіями сравнительно мелкаго типа. Корни этого явленія могутъ лежать во многихъ существенно важныхъ элементахъ русскаго народнаго хозяйства.

Сюда слѣдуетъ отнести, между прочимъ, *земельное устройство массы сельскаго населенія*, живучесть общины, оказывающей посильныя препятствія развитію у насъ профессіональнаго класса фабрично-заводскаго рабочаго. Вмѣстѣ съ этимъ комбинируется и *распространенность домашней формы переработки продуктовъ* именно въ той самой (средней) полосѣ Россіи, которая является главнѣйшимъ мѣстонахожденіемъ нашихъ фабрикъ и заводовъ. И надо признать, что до сихъ поръ оба эти элемента, не смотря на множество неблагопріятныхъ условій, ихъ окружающихъ, не измѣняютъ своей роли въ данномъ вопросѣ. Количество фабричныхъ рабочихъ относительно не возрастаетъ, какъ можно было-бы думать a priori, а напротивъ, даже уменьшается. Изъ сопоставленія абсолютныхъ цифръ числа рабочихъ и общаго количества населенія по Военно-Статистическому Сборнику получаемъ, что въ 1866 г. первые составляли 1,32 % послѣдняго, а дѣлая то же сопоставленіе по Сборнику статист. свѣд. за 1885 г. получаемъ, цифру—1,24 %, т. е. менѣе на 0,08 %. Если даже сопоставить цифру рабочихъ 1885 г. съ цифрой населенія 1866 г., то мы имѣли бы всего 1,63 %, т. е. увеличеніе числа рабочихъ составляло бы всего 0,33 %. Другими словами, даже абсолютное увеличеніе этого числа, сравнительно съ общей суммой населенія, довольно слабо: принимая *за 100* населеніе и число рабочихъ 1866 года, получимъ увеличеніе для 1885 года: для перваго—100 : 134, для втораго—100 : 122. Изъ таблицъ В. И. Орлова въ вып. III, т. VII Сборн.

стат. свѣд. по Московской губ. узнаемъ, что въ этой губерніи, какъ мы видѣли, одной изъ наиболѣе промышленныхъ во всей Россіи, работой на фабрикахъ и заводахъ мѣстныхъ и въ отходѣ занято лишь 40,000 человѣкъ изъ 285,000 чел., занятыхъ вообще внѣземледѣльческими промыслами. Слѣдовательно, индустрія въ этомъ случаѣ поглощаетъ всего съ небольшимъ 13% всего числа наличныхъ рабочихъ рукъ этой категоріи.

Вторымъ элементомъ, вліяющимъ на слабое развитіе у насъ крупной индустріи, можно признать *недостаточное развитіе у насъ промышленности добывающей*, доставляющей сырье для переработки. Фабрично-заводское дѣло терпитъ въ этомъ случаѣ необходимость находиться въ зависимости отъ подвоза изъ за границы весьма многихъ даже такихъ предметовъ, добываніе которыхъ вполнѣ возможно въ нашемъ отечествѣ. У Matthaei (II, 14—15) приведена табличка, прекрасно иллюстрирующая эту сторону вопроса и относящаяся къ 1880 году. Такъ, непереработанныхъ металловъ было ввезено въ страну, обладающую Ураломъ, Донецкимъ бассейномъ, Алтаемъ и пр. въ указанномъ году — на 61,$_7$ милл. рублей; овечьей шерсти, несмотря на присутствіе у насъ необъятныхъ степей на югѣ и юго-востокѣ,—на 24,$_4$ милл., красильныхъ товаровъ—на 16,$_5$ милл. руб. (припомнимъ упадокъ у насъ производства марены); кожъ почти на 4 милл. Это все, несмотря на ввозныя пошлины, существовавшія уже тогда на упомянутые товары. А всего *только такихъ*—сырья и полуфабрикатовъ—было ввезено на сумму 242 милл. руб. Видное мѣсто занимаетъ въ этой группѣ хлопокъ - сырецъ и хлопчатобумажная пряжа (болѣе 70 милл.=немного меньше $^1/_3$), т. е. тотъ продуктъ, который имѣетъ всѣ данныя производиться въ нашихъ среднеазіатскихъ владѣніяхъ. Товаровъ, въ тотъ годъ (1880) еще не обложенныхъ пошлинами, ввезено было гораздо меньше, всего на 41 милл., изъ которыхъ 41,$_5$% (17 милл.) составлялъ каменный уголь—наше выдающееся естественное богатство. А всего для пользованія русской индустріи ввезено было сырья, полуфабрикатовъ и фабрикатовъ на сумму почти 324 милл. рублей.

Далѣе, нерѣдко указываютъ на *недостаточность капиталовъ* у насъ въ Россіи, какъ на причину медленнаго развитія фабрично-заводской промышленности. Мы не имѣемъ, къ сожалѣнію, возможности опредѣлить болѣе или менѣе точно величины основныхъ и оборотныхъ капиталовъ, которыми она располагаетъ. Недостаточное состояніе нашей статистики обусловливаетъ то обстоятельство, что мы не можемъ даже опредѣлить количество паровыхъ силъ нашихъ фабрикъ,

хотя бы для сопоставленія ихъ съ таковымъ же во Франціи, публикуемымъ въ Annuaire statistique. Поэтому провѣрить приведенное утвержденіе представляется затруднительнымъ. Позволимъ себѣ, однако, привести одно *косвенное* доказательство въ этомъ направленіи, отнюдь не придавая ему крупнаго, тѣмъ болѣе рѣшающаго значенія. Изъ обозрѣнія списка фабрикъ и заводовъ въ «Указателѣ» Орлова (а въ этомъ «Указателѣ» приведены лишь болѣе крупныя предпріятія съ производительностью не менѣе 2,000 руб. въ годъ) видно, что весьма и весьма большая часть нашей индустріи ведется иностранцами. Не замедляя изложенія цифрами, приведемъ лишь 2 примѣра. Въ машиностроительномъ дѣлѣ Московской губерніи (отбрасывая фирмы акціонерныхъ обществъ) встрѣчается 19 иностранныхъ фамилій противъ 14 русскихъ. Если такъ силенъ иностранный элементъ въ Москвѣ, тѣмъ болѣе надо ожидать его проявленія въ С.-Петербургской губерніи. Въ самомъ дѣлѣ (опять отбрасывая 13 акціонерныхъ обществъ), въ томъ же занятіи встрѣчаемъ тамъ 21 фамилію иностранную противъ 6 русскихъ. Если такъ дѣло стоитъ внутри Россіи, то на окраинѣ, главнымъ образомъ западной, вопросъ стоитъ, какъ извѣстно, гораздо острѣе. Чѣмъ выше поднимается протекціонная стѣна, тѣмъ выгоднѣе становится для иностранныхъ предпринимателей переносить свою дѣятельность на русскую территорію. Почти вся индустрія Лодзи и Сосновицъ находится въ рукахъ иноземныхъ предпринимателей. Даже рабочіе выписываются тамъ изъ-за границы. А именно тамъ, на западной окраинѣ, произошло особое развитіе индустріи. У проф. Янжула приведены слѣдующія процентныя отношенія производства Царства Польскаго въ 1879 г., по сравненію съ производствомъ 1867 г. [11]):

Бумагопрядильное	585%
Бумаготкацкое	431 »
Шерстопрядильное	678 »
Суконное	250 »
Производство неваленыхъ шерстян. тканей	397 »
Набивное, красильное, отдѣлочное	3,733 »
Въ среднемъ (безъ послѣдняго)	468%

По словамъ того же автора, $^1/_{10}$ всей территоріи Царства находится во владѣніи иностранцевъ, а число ихъ въ губерніи Петроковской (именно въ центрѣ обработывающей промышленности края) превосходитъ 40% населенія (64). Очевидно, иностранные капиталы

въ приведенной выше скромной цифрѣ производства русской индустріи играютъ крупную роль. Очевидно, роль русскихъ въ этомъ случаѣ далеко скромнѣе, чѣмъ даже это могло казаться изъ общаго изложенія дѣла. Здѣсь не мѣсто касаться больнаго вопроса о слѣдствіяхъ, вытекающихъ изъ этого факта для русской экономической политики. Мы лишь констатируемъ фактъ, косвенно доказываемый приведенными цифрами, фактъ сравнительно слабаго пока накопленія промышленныхъ капиталовъ, какъ одной изъ причинъ невысокаго уровня нашего фабрично-заводскаго дѣла. Не можемъ однако не замѣтить, что тѣ же данныя свидѣтельствуютъ и о недѣйствительности протекціонныхъ мѣръ, принимаемыхъ въ интересахъ подъема русской промышленности отъ иностранной конкурренціи. Мы видѣли, что покровительственный пограничный барьеръ не препятствуетъ переносить иноземные капиталы въ предѣлы покровительствуемой территоріи. Если бы мы предположили, что такой же барьеръ былъ бы воздвигнутъ на восточной границѣ Царства Польскаго, напримѣръ, то, вѣроятно, иностранные капиталы перемѣстились бы еще нѣсколько восточнѣе и т. д. Мы видѣли, что немало ихъ въ самомъ «сердцѣ Россіи»—въ Москвѣ.

Упомянемъ, наконецъ, еще объ одномъ элементѣ, играющемъ, по всей вѣроятности, немалую роль въ слабомъ развитіи нашей индустріи. Таковымъ является у насъ *весьма ничтожное развитіе техническихъ знаній*. Рутина, отсутствіе знакомства съ новыми пріемами болѣе быстраго, болѣе «производительнаго» производства и т. д. и т. д.—таковы естественныя послѣдствія этого элемента. Въ упомянутомъ не разъ «Указателѣ» Орлова (XIII) помѣщена въ высокой степени интересная табличка объ образовательномъ цензѣ завѣдующихъ производствомъ на фабрикахъ и заводахъ губерній Московской, С.-Петербургской, Владимірской, Кіевской, Волынской, Гродненской, Курляндской и Рязанской. Оказывается, что изъ завѣдующихъ производствами этихъ губерній, въ числѣ которыхъ состоятъ (первыя четыре) губерніи съ наибольшею производительностью обработанныхъ продуктовъ, имѣется *техниковъ* русскихъ 5% и иностранныхъ 4%, всего 9%. Остальные 91% (изъ нихъ иностранцевъ $7_{,4}$%) не получили никакого техническаго образованія, а по большей части *никакой даже элементарной научной подготовки*. Въ таблицу не вошли свѣдѣнія о завѣдующихъ производствами на заводахъ, состоящихъ подъ наблюденіемъ акцизнаго вѣдомства. Съ введеніемъ этихъ свѣдѣній указанный % научно неподготовленныхъ долженъ былъ бы въ значительной мѣрѣ усилиться, ибо винокуренные,

пивоваренные, табачные заводы довольствуются таковыми же руководителями въ огромномъ большинствѣ случаевъ.

V.

Продолжая, далѣе, знакомство съ относительною важностью для Россіи разныхъ отраслей индустріи, переходимъ къ родамъ и видамъ производствъ, входящихъ въ составъ упомянутыхъ выше большихъ группъ.

Начнемъ съ обработки растительныхъ продуктовъ, доставляющей, какъ мы видѣли, болѣе $^2/_3$ продуктовъ всей русской индустріи. По уменьшающейся величинѣ ея годоваго производства отдѣльныя ея профессіи располагаются въ слѣдующемъ порядкѣ:

1) Обработка растительнаго волокна . .	289,7 милл.
2) Химическая обработка сѣмени. . . .	239,5 »
3) Обработка корня растеній	173,3 »
4) Механическая обработка сѣмени . .	108,6 »
5) Обработка листа (табачнаго)	50,7 »
6) » древесины.	18,3 »
7) » коры и луба.	5,9 »
8) Деготь, смола, поташъ	1,0 »
Итого	887,0 милл.

Вторая группа—обработка животныхъ продуктовъ—даетъ по тому же признаку слѣдующій рядъ:

1) Обработка шерсти	81,11 милл.
2) » кожи	38,5 »
3) » сала.	23,7 »
4) «Прочая» обработка.	14,1 »
5) Обработка молока (сыроваренie) . .	0,81 »
Итого	158,23 милл.

Третья группа — обработка минеральныхъ продуктовъ — характеризуется слѣдующимъ рядомъ:

1) Обработка земель, соли, ископаемаго угля	106,7 милл.
2) Обработка желѣза и мѣди.	23,5 »
3) » прочихъ металловъ. . . .	9,8 »
Итого.	137,0 милл.

Свѣдѣнія о годахъ обработки, входящихъ въ составъ группъ IV и V, даны были выше.

Такимъ образомъ, *наиболѣе развитыми*, по цѣнности доставляемаго продукта, производствами въ Россіи являются:

Обработка волокна	289,7 милл.
Химическая и механическая обработка сѣмени.	348,1 »
(вмѣстѣ 2-я и 4-я).	
Обработка корня.	173,3 »
» земель, соли и угля	106,7 »
Всѣ 4 рода вмѣстѣ . . .	917,8 милл.
= 70,6% всего производства.	

Нѣсколько слабѣе производства:

Обработка шерсти	81,1 милл.
» табачнаго листа . . .	50,7 »
Эти 2 рода вмѣстѣ .	131,8 милл. =
= 10,1% всего производства.	

Гораздо слабѣе производства:

Обработка кожи	38,5 милл.
» сала	23,7 »
» желѣза и мѣди	23,5 »
» древесины.	18,3 »
» остальныхъ животныхъ продуктовъ	14,1 »
Эти 5 родовъ вмѣстѣ .	118,1 милл. =
= 9,1% всего производства.	

Слабо развиты производства:

Остальныхъ металловъ (кромѣ желѣза и мѣди).	9,8 милл.
Обработка коры и луба	5,9 »
Деготь, смола, поташъ	1,0 »
Обработка молока.	0,8 »

Эти 4 рода вмѣстѣ — 17,3 милл. = 1,4% всего производства. На долю группъ IV и V остается 8,8%.

Еще ближе цифры эти распредѣляются такъ:

Первая изъ нихъ—по обработкѣ волокна—охватываетъ 10 видовъ производствъ. Важнѣйшіе:

Бумагопрядильный и бумаготкацкій. .	$188_{,7}$ милл.
Льнопрядильный и льноткацкій. . . .	$38_{,2}$ »
Ситцевый	$33_{,2}$ »
Писчебумажный.	$14_{,5}$ »
Итого	$274_{,6}$ милл.

что составляетъ $94_{,8}\%$ всего производства этого рода. На долю остальныхъ 6 видовъ [12]) остается всего $5_{,2}\%$. Изъ приведенныхъ, очевидно, первенствуетъ бумагопрядильный и бумаготкацкій; продуктивность его одного $= 65_{,2}\% =$ почти $^2/_3$ всей продуктивности этого ряда.

Вторая и четвертая цифры—обработка сѣмени механическая и химическая—распадается на слѣдующія главнѣйшія:

Винокуреніе.	$166_{,6}$ милл.	$74_{,7}\%$
Мельницы, круподерни, толчеи .	$93_{,8}$ »	
Водочные заводы.	$45_{,0}$ »	
Пиво-и медоваренные заводы . .	$26_{,5}$ »	
Маслобойни.	$13_{,1}$ »	
Итого. . . .	$345_{,3}$ милл.	

что составляетъ $99_{,2}$ всей производительности этого рода производства. На долю относящихся сюда остальныхъ 4 видовъ [13]) остается лишь $0_{,8}\%$ производства. Первенствуютъ, очевидно, первые два вида, составляющіе почти $^3/_4$ всей производительности рода.

Обработка корня охватываетъ всего три вида производствъ, изъ которыхъ одинъ — сахароваренный доставляетъ продуктовъ на $170_{,8}$ милл. $= 99_{,2}\%$ производительности рода, оставляя всего на долю двухъ другихъ видовъ (цикорнаго и крахмальнаго и паточнаго) всего $0_{,8}\%$.

Цифра продуктовъ обработки земель, соли и угля въ главныхъ чертахъ распадается такъ:

Чугунно-литейное дѣло.	$44_{,0}$ милл.
Чугунно-плавильное и желѣзное . . .	$29_{,9}$ »
Кирпичное.	$12_{,3}$ »
Итого . . .	$86_{,2}$ милл.

что составляетъ $81_{,1}\%$ производительности рода, оставляя на долю 6 остальныхъ видовъ [14]) $18_{,9}\%$ продуктовъ.

Цифра обработки шерсти охватываетъ:

Суконное дѣло	$36,_6$ милл.
Шерстопрядильное	$23,_0$ »
Шерстяныя издѣлія.	$12,_5$ »
Итого	$72,_1$ милл.

что составляетъ $88,_8\%$ производительности рода, оставляя для остальныхъ 5 видовъ всего $11,_2\%$ производительности [15]).

Изъ остальныхъ выдаются:

Табачные заводы.	$50,_7$ милл.
Кожевенные заводы	$38,_5$ »
Мыловаренные и свѣчные	$18,_9$ » и т. д.

Въ концѣ концовъ, сводя все сказанное, получаемъ перечень наиболѣе выдающихся, по стоимости выпускаемыхъ продуктовъ, производствъ: 1) бумагопрядильное и бумаготкацкое; 2) сахароваренное; 3) винокуренное и 4) мельничное (съ круподернями и толчеями). Гораздо болѣе слабое развитіе имѣютъ производства: 1) табачное; 2) заводовъ водочныхъ; 3) чугуннолитейное; 4) льнопрядильное и 5) льноткацкое; 6) суконное; 7) ситцевое; 8) чугуннолавильное и желѣзное; 9) пиво и медоваренное и 10) шерстопрядильное. Наконецъ, еще гораздо дальше стоятъ промыслы: 1) писчебумажный; 2) маслобойный; 3) кирпичный; 4) шерстяныхъ издѣлій и 5) мыловаренный и свѣчной.

Не трудно замѣтить, что, слѣдовательно, гораздо меньшее развитіе имѣетъ обработка продуктовъ горнаго дѣла и животноводства. Обработка рудъ, глины, шерсти и льна занимаетъ въ этомъ перечнѣ весьма скромное мѣсто. Много промысловъ, близкихъ къ названнымъ, даже и не попали съ него, а значатся выше въ рубрикѣ «прочихъ» видовъ обработки животныхъ и минеральныхъ продуктовъ, въ силу ничтожности своей годовой продуктивности. Сюда относятся производства роговое, клееварное, костяное, рыбное, восковое, гончарное, изразцовое, черепичное и пр. Невелика производительность и лѣсопильнаго дѣла и всѣхъ другихъ такъ называемыхъ лѣсныхъ промысловъ.

Такимъ образомъ, нельзя не прійти къ заключенію, что огромныя естественныя богатства подземныя и надземныя остаются въ настоящее время еще почти безъ обработки. Наибольшимъ развитіемъ пользуются: 1) бумагопрядильное дѣло, чуждое намъ, ибо не представляетъ собой мѣста сбыта продуктамъ мѣстнаго хозяйства, работающее на иноземномъ сырьѣ; 2) сахароваренное, имѣющее чисто

мѣстный характеръ, представляющее также малый сбытъ продуктамъ мѣстнаго хозяйства массы населенія, ибо сахарные заводы въ весьма значительной степени пользуются собственными свекловичными плантаціями; 3) винокуренное—выгодное въ фискальномъ отношеніи, но невыгодное въ народохозяйственномъ или, вѣрнѣе, въ соціальномъ смыслѣ и 4) мукомольное, единственное изъ перечисленныхъ, доставляющее сбытъ продуктамъ полеводства безъ ущерба, подобнаго предыдущему.

Все это свидѣтельствуетъ о громадномъ несоотвѣтствіи между добывающею и обработывающею промышленностію въ нашемъ отечествѣ, и, слѣдовательно, указываетъ на неправильное направленіе, принятое послѣднею.

Бросимъ, въ заключеніе, взглядъ на главнѣйшія указанныя производства.

VI.

Хлопчатобумажная промышленность [16]) начала появляться въ Россіи еще ранѣе XVI ст. Царь Алексѣй Михайловичъ стремился обставить ее такимъ образомъ, чтобы въ государствѣ производился и самый хлопокъ сырецъ. Попытки разводить «на Москвѣ» хлопчатныя плантаціи остались, однако, тщетными. Но и безъ туземныхъ плантацій дѣло мало по малу развивалось около Москвы, особенно съ XVII столѣтія, въ которомъ уже цѣлыя деревни, преимущественно подмосковныя, занимались какимъ либо относящимся сюда ремесленнымъ производствомъ. Явились и ткачи, и красильщики. Немало пользы принесли въ этомъ случаѣ и иностранные мастера, которыхъ вызывали и Алексѣй Михайловичъ, и Петръ Великій. Къ концу XVIII в., число мелкихъ крестьянскихъ заведеній значительно умножилось. Бумаготкачество изъ заграничной пряжи въ губерніяхъ Московской и Владимірской быстро распространялось по деревнямъ, гдѣ на ручныхъ станкахъ въ крестьянскихъ свѣтелкахъ вытѣсняло тканье полотенъ. Первоначальныя бумажныя фабрики получали отъ крестьянъ готовыя ткани, которыя лишь окрашивались, набивались и отдѣлывались на этихъ фабрикахъ.

Новое теченіе въ интересующемъ насъ производствѣ началось съ первыми признаками водворившейся у насъ съ 1783 г. и съ 1797 г., а затѣмъ развившейся, покровительственной системы. Положено было прочное основаніе фабрично-заводскимъ предпріятіямъ. Еще около половины XVIII вѣка въ Московской губерніи не было ни одной

хлопчато-бумажной фабрики, а въ 1811 г. въ одной Москвѣ было уже 27 ситцевыхъ фабрикъ. Въ этомъ центрѣ началось преимущественное развитіе этого дѣла. Онъ пріобрѣталъ почти монопольное значеніе. Пожаръ 1812 года облегчилъ другимъ мѣстностямъ возможность насаждать и у себя этотъ видъ фабрикъ. Серпуховъ, Суздаль, особенно Шуя и Иваново, стали промышленными городами именно съ этого времени. Рядъ покровительственныхъ тарифовъ послѣдующаго времени—1815, 1819, 1822 гг.—хотя и не носилъ столь запретительнаго характера, какъ тарифъ 1810 г., рѣшительно способствовалъ, однако, вящшему укрѣпленію этого вида индустріи на капиталистическихъ началахъ. Онъ вызвалъ къ жизни болѣе солидныя фабричныя предпріятія и обратилъ многихъ капиталистовъ къ бумагопряденію (въ 1824 г. основаны бумагопрядильни въ С.-Петербургѣ—Ренненкампфа, въ Москвѣ—Похвиснева. Въ 30-хъ годахъ уже упоминается о фирмѣ Киселевыхъ, торговавшихъ капиталомъ до $3^1/_2$ милл. руб., уплачивавшихъ за потребляемый ими сырецъ однихъ таможенныхъ пошлинъ 400—500 тысячъ руб. ежегодно. Въ 1835 г. учредилась въ Петербургѣ первая акціонерная бумагопрядильня. Позже возникли мануфактуры бар. Штиглица, Мальцова и друг. Одновременно росло и число красильныхъ и набивныхъ заведеній).

Вліяніе этого направленія на домашнее производство понять не трудно. Примѣрно, съ 1825 года отношенія между фабричной и кустарной формой производства рѣзко измѣнились. Сельскіе ремесленники занимались до сихъ поръ самостоятельно ткачествомъ, отчасти набивкой миткаля дома и за свой счетъ; на фабрикахъ сосредоточивалось прежде все производство во всей его цѣлости, отъ первыхъ до послѣднихъ операцій. Теперь фабрики отдѣлили отъ себя нѣкоторыя операціи производства и сдѣлали ремесленниковъ своими работниками. Началась раздача пряжи хлопчатобумажными фабрикантами деревенскимъ ткачамъ для работы за задѣльную плату. Ткачество миткалей, какъ занятіе легкое, вызвало большое предложеніе рабочихъ рукъ, результатомъ чего было пониженіе рабочей платы и усиленіе невыгодности этого промысла [17]).

Намѣченная основная тенденція осталась въ силѣ и впослѣдствіи и наложила свою печать, какъ сейчасъ будетъ указано, и на современное его состояніе.

Въ 1885 году [18]) по стоимости производимыхъ продуктовъ бумагопрядильными и бумаготкацкими фабриками русскія губерніи располагались въ слѣдующемъ порядкѣ:

	Милл. руб.		Милл. руб.
1) Владимірская	44,7	12) Казанская	въ каждой 0,2
2) Московская	43,3	13) Калужская	
3) Петроковская	41,1	14) Лифляндская	
4) С.-Петербургская	21,4	15) Саратовская	
5) Костромская	10,3	16) Тульская	
6) Эстляндская	9,3	17) Херсонская	
7) Тверская	5,4	18) Тамбовская	0,018
8) Ярославская	4,5	19) Вятская	0,014
9) Рязанская	3,6	20) Могилевская	0,006
10) Смоленская	2,8	21) Волынская	0,0007
11) Калишская	0,7	Всего на сумму	188,7

Эта табличка характеризуетъ отчетливо географическое распространеніе производства. Послѣднее находится въ 21 губерніи Россіи, но въ 11 изъ нихъ — въ совершенно ничтожныхъ размѣрахъ. Каждая изъ этихъ губерній доставляетъ продукта менѣе, чѣмъ на 1 м. р., а въ 10 изъ нихъ—менѣе, чѣмъ на 300,000 руб.

Изъ остальныхъ десяти губерній, съ болѣе развитымъ производствомъ этого вида, особенно выдаются три губерніи, хотя и значительно отличающіяся одна отъ другой въ пространственномъ отношеніи, но доставляющія почти одно и то же количество продуктовъ—Владимірская, Московская и Петроковская (41,1—44,7 милл.). Цѣнность послѣднихъ, обрабатываемыхъ указанными тремя губерніями, въ суммѣ составляетъ 129,1 милл. руб., т. е. почти 130 милл.= 68,7% всего бумагопрядильнаго и бумаготкацкаго производства въ Россіи, или болѣе $^2/_3$. На половину меньше производство С.-Петербургской губерніи; за этой съ еще гораздо меньшимъ, но еще замѣтнымъ производствомъ, слѣдуютъ губерніи Костромская, Эстляндская, Тверская и Ярославская.

Такимъ образомъ, интересующая насъ отрасль индустріи имѣетъ у насъ три центра, имѣющихъ далеко не одинаковое значеніе по стоимости производимыхъ продуктовъ. *Первый*—Москва-Владиміръ, около котораго группируются части сосѣднихъ губерній московской промышленной полосы — Костромской, Ярославской, Тверской и въ меньшей степени — Рязанской, Смоленской, Калужской, Тульской. *Второй* — Петроковская, къ которой примыкаетъ съ небольшимъ производствомъ Калишская. *Третій* — С.-Петербургская съ небольшимъ производствомъ въ сосѣдней Эстляндской и еще меньшимъ въ Лифляндской. Происхожденіе *перваго* намѣчено на предшествующихъ страницахъ. Оно кроется въ довольно отдаленныхъ временахъ, когда

существовалъ въ центральной Россіи внѣшній обмѣнъ исключительно въ одномъ направленіи съ востокомъ. Въ XVI вѣкѣ развитію промысла помогло начало оживленныхъ торговыхъ сношеній съ Англіей черезъ Бѣлое море. Производство это съ тѣхъ поръ въ теченіе почти двухъ вѣковъ служило именно въ этомъ районѣ видимъ полемъ приложенія народнаго ремесленнаго труда. *Второй* центръ народился уже на нашихъ глазахъ. Причины происхожденія его, какъ указано выше, кроются въ тѣхъ условіяхъ русской индустріи, которыя дѣлаютъ выгоднымъ помѣщеніе иностранныхъ капиталовъ на русской территоріи. Понятно, что этотъ центръ носитъ вполнѣ капиталистическій характеръ производства съ самаго его начала. По изслѣдованію проф. И. И. Янжула [19]), изъ 132 фабрикъ, время основанія которыхъ точно извѣстно, составляютъ:

1)	Основанныя до 1850 года.	$18,_1$%
2)	» 1850—1860 г.	$6,_8$ »
3)	» 1860—1870 »	$13,_6$ »
4)	» 1870—1880 »	$29,_0$ »
5)	» послѣ 1880 »	$32,_3$ »

Такимъ образомъ, $61,_3$%, т. е. болѣе $^3/_5$ всѣхъ этихъ фабрикъ основаны были только въ теченіе послѣднихъ 16 лѣтъ съ 1870 г. Происхожденіе *третьяго* центра по времени занимаетъ середину между первыми двумя и относится къ развитію торгово-промышленнаго значенія Петербурга. Едва ли можетъ быть сомнѣніе въ томъ, что капиталистическая форма этого вида обработки, возникшаго здѣсь искусственно стараніями правительства — вообще создать промышленность — было здѣсь всегда преобладающей.

Если мы сложимъ указанную цѣнность продуктовъ всѣхъ губерній, относящихся къ каждому изъ вышеупомянутыхъ районовъ, то относительная важность по этому признаку выразится слѣдующими цифрами:

1)	Московская промышленная полоса. . . .	$60,_3$%
2)	Петроковъ—Калишъ	$22,_3$ »
3)	Петербургская и остзейскія губерніи. .	$16,_4$ »
	Итого	$99,_0$%

Итакъ,—прежде всего—на долю остальныхъ, разбросанныхъ въ географическомъ отношеніи, губерній (Казанской, Саратовской, Херсонской, Тамбовской, Вятской, Могилевской и Волынской) остается всего лишь 1% производимыхъ продуктовъ. Московская промышлен-

ная полоса занимаетъ доминирующее значеніе и доставляетъ ихъ $^3/_5$ (60%), Привислянскія губерніи—почти въ 3 раза меньше, а Балтійское побережье—почти въ 4 раза меньше.

Закончимъ этотъ коротенькій очеркъ слѣдующимъ характернымъ отзывомъ составителя вышеупомянутаго «Обзора» (стр. 117), касающимся современнаго состоянія интересующей насъ отрасли индустріи въ нашемъ отечествѣ. «Сосредоточеніе всѣхъ операцій по выдѣлкѣ тканей на болѣе крупныхъ фабрикахъ, говоритъ онъ, таково явленіе, замѣчаемое нынѣ въ нашей хлопчато бумажной промышленности. Если это сосредоточиваніе не идетъ быстро, то только потому, что его останавливаетъ относительная дешевизна ручнаго труда, въ которомъ начинаютъ принимать замѣтное участіе женщины и малолѣтніе [20]). Примѣненіе техническихъ усовершенствованій распространяется слабо; въ фабрикантахъ не замѣчается стремленія удешевить свое производство, приспособляться ко вкусамъ потребителей и искать новыхъ рынковъ для сбыта. Выдѣлка тонкаго тканья у насъ незначительна, такъ какъ для этого наши фабрики не имѣютъ необходимой туземной пряжи и соотвѣтствующихъ механизмовъ». Словомъ, прибавимъ мы отъ себя, промышленность не совершенствуется, между прочимъ, и потому, что корни ея не лежатъ въ мѣстныхъ условіяхъ, сырье не доставляется мѣстнымъ хозяйствомъ, а техническія познанія, научное движеніе, къ тому же, игнорируются. Не доставляя поэтому сбыта продуктамъ добывающей промышленности на мѣстѣ, русская хлопчато-бумажная крупная индустрія, не смотря на покровительство, не можетъ выбиться на болѣе высокую ступень развитія, конкуррируетъ съ домашней промышленностію, губительно вліяетъ этимъ на послѣднюю и тѣмъ наноситъ существенный ущербъ народному хозяйству страны.

VII.

Винокуреніе имѣетъ, какъ извѣстно, гораздо болѣе фискальное, чѣмъ народохозяйственное значеніе. Сбытъ сельско-хозяйственныхъ продуктовъ, открываемый винокуренными заводами окружающимъ ихъ районамъ и пользованіе отбросами производства въ видѣ корма скоту—таковы дѣйствительныя выгоды этого вида переработки. Продукты же послѣдней должны быть признаны имѣющими гораздо болѣе отрицательное, чѣмъ положительное, вліяніе на общую экономію страны. Косвенный же налогъ, которымъ они обложены, достигаетъ у насъ значительно болѣе четверти всѣхъ доходовъ государства. Статья 4

прихода бюджета 1885 г. показываетъ питейный доходъ 231,$_2$ милл. руб., при общей суммѣ бюджета въ 837,$_0$ милл. = 27,$_8$% [21]). Поэтому изъ общей стоимости продуктовъ этого годоваго производства извлекаетъ гораздо болѣе выгоды фискъ, чѣмъ даже сами заводчики. При продажной цѣнѣ на заводахъ градуса спирта 10¼—11 коп. акцизъ равняется 9 коп. съ градуса [22]). Слѣдовательно, послѣдній захватываетъ отъ 87,$_8$% до 81,$_8$% продажной стоимости продукта, оставляя предпринимателю въ видѣ валоваго дохода лишь 18 — 12% цѣны. Очевидно, при такой постановкѣ дѣла вниманіе фиска издавна было обращено на эту отрасль промышленности. Уже въ XVI в. существовали въ городахъ казенные питейные дома, а въ XVII в. встрѣчается даже затрудненіе «курить вино на продажу», причемъ продажа вина и «винокуреніе для продажи» оставались въ казенномъ управленіи, содержались или «на вѣрѣ», или отдавались на откупъ [23]). Со временъ Петра откупная система водворилась и продолжалась, съ коротким перерывомъ (1817—1826 г.), до эпохи реформъ Александра II. Въ теченіе этого періода слѣдовалъ длинный рядъ послѣдовательнаго расширенія монополій и привиллегій откупщиковъ. Промышленность была стѣснена до крайнихъ предѣловъ, а интересы фиска страдали отъ крупныхъ злоупотребленій. Введенная въ 1863 г. акцизная система, въ свою очередь, не лишена существенныхъ стѣсненій въ производствѣ спирта, обусловливаемыхъ тщательнымъ контролемъ агентовъ акцизнаго управленія всѣхъ деталей переработки продукта съ цѣлями охраненія интересовъ казны, не могущихъ, однако, способствовать усиленію и развитію самаго производства. Такъ, было выкурено милліоновъ ведеръ спирта въ великороссійскихъ губерніяхъ:

Въ 1866—67 г.	16,$_3$	Въ 1874—75 г.	17,$_1$
» 1867—68 »	15,$_1$	» 1875—76 »	16,$_8$
» 1868—69 »	18,$_1$	» 1876—77 »	14,$_5$
» 1869—70 »	16,$_3$	» 1877—78 »	14,$_3$
» 1870—71 »	14,$_7$	» 1878—79 »	17,$_3$
» 1871—72 »	19,$_1$	» 1879—80 »	17,$_5$ [24])
» 1872—73 »	17,$_9$	» 1882—83 »	16,$_0$ [25])
» 1873—74 »	17,$_0$	» 1884—85 »	15,$_0$ [26])

Приведенныя цифры не показываютъ, очевидно, никакого движенія впередъ. Можно даже замѣтить нѣкоторое уменьшеніе винокуренія въ настоящее время, если сопоставить съ приведенными цифрами слѣдующія: выкурено въ тѣхъ же великороссійскихъ губерніяхъ милліоновъ ведеръ [27]):

Въ 1851 г.	15,6	Въ 1859 г.	22,8
» 1854 »	16,5	» 1860 »	18,9
» 1858 »	21,3		

Однако ясно выраженной постоянной тенденціи къ паденію производства въ цитованныхъ данныхъ также найти нельзя. Понятіе «застой» будетъ болѣе подходящей характеристикой динамики этого вида промышленности.

Для ознакомленія съ территоріальнымъ распредѣленіемъ этого производства воспользуемся группировкой губерній по полосамъ, помѣщенной въ Отчетѣ департамента неокладныхъ сборовъ за 1887 г. по относительному количеству винокуренныхъ заводовъ. Таковыхъ было (стр. 22) въ упомянутомъ году:

Въ губерніяхъ	привислянскихъ	19,11%
» »	сѣверо-западныхъ	17,83 »
» »	прибалтійскихъ.	15,66 »
» »	юго-западныхъ.	12,20 »
» »	среднихъ черноземныхъ. .	11,73 »
» »	малороссійскихъ	6,86 »
» »	среднихъ промышленныхъ.	5,72 »
» »	восточныхъ	3,15 »
» »	сѣверныхъ (съ Петербур.).	2,65 »
» »	южныхъ.	2,37 »
» Сибири и Туркестанскомъ краѣ. . . .		2,37 »
» Закавказскомъ краѣ.		0,05 »

Расположенныя въ такомъ порядкѣ эти полосы даютъ освѣщеніе вопросу. Очевидно, максимальное количество продуктовъ получается въ губерніяхъ западныхъ, привислянскихъ и прибалтійскихъ. Въ этой области заключается огромная страна, занимающая весь западъ и юго-западъ Европейской Россіи, и характеризующаяся и абсолютнымъ, и относительнымъ широкимъ распространеніемъ частнаго землевладѣнія. Не трудно замѣтить связь между этими явленіями. Винокуренными заводчиками чаще всего являются и еще чаще являлись въ недалекомъ прошломъ частные землевладѣльцы и именно тѣ, которыхъ земельныя владѣнія позволяютъ имъ имѣть средства для капитальныхъ затратъ по винокуренію. Рядомъ съ этимъ или, вѣрнѣе, именно поэтому губерніи всей названной западной области (кромѣ привислянскихъ) состояли по праву винокуренія на особомъ привилегированномъ положеніи, т. е. въ то время какъ въ Великороссіи право это открывалось только тѣмъ заводчикамъ, которые имѣли подряды для казны, въ этихъ было допущено свободное винокуреніе

со взносомъ въ пользу казны и городовъ (въ остзейскихъ) извѣстной пошлины.

Указанная область вмѣщаетъ въ себѣ $64,_8{}^0/_0$ всего количества винокуренныхъ заводовъ всей Россіи. На долю всѣхъ остальныхъ ея частей, съ сравнительно большимъ, чѣмъ на западѣ, развитіемъ общиннаго землевладѣнія, остается всего только $35,_2{}^0/_0$, т. е. немного болѣе $^1/_3$ числа заводовъ.

Слѣдуетъ, однако, прибавить, что *по количеству выкуриваемаго вина* вышеуказанныя полосы располагаются въ *обратномъ* порядкѣ. На каждый винокуренный заводъ приходится вина въ 40 градусовъ:

Въ среднихъ черноземныхъ	82,3 тыс.
» восточныхъ.	79,0 »
» южныхъ	68,6 »
» сибирскихъ.	53,1 »
» малороссійскихъ.	37,6 »
» среднихъ промышленныхъ	34,1 »
» юго-западныхъ.	31,1 »
» прибалтійскихъ.	28,1 »
» Царствѣ Польскомъ	22,8 »
» сѣверныхъ	19,8 »
» сѣверо-западныхъ.	12,9 »

Кромѣ губерній сѣверныхъ, послѣднія мѣста таблички заняты именно полосами, характеризуемыми наибольшимъ количествомъ заводовъ (стр. 24). Такимъ образомъ, *количество это растетъ одновременно съ уменьшеніемъ величины годовой ихъ производительности.*

VIII.

О производствѣ *мукомольномъ* (мельницы, круподерни, толчеи) намъ, по необходимости, приходится говорить весьма мало. По самой цѣли своей—обращать зерно въ муку и крупу—этотъ видъ промышленности, очевидно, долженъ быть распространенъ повсемѣстно, колеблясь лишь по степени торговой развитости каждой данной мѣстности. Въ нашемъ матеріалѣ [28]), однако, мы не встрѣчаемъ свѣдѣній объ этомъ производствѣ по 8 губерніямъ. «Указатель» Орлова проливаетъ свѣтъ на неточность цифръ центральнаго статист. комитета въ этомъ случаѣ. По 4 изъ этихъ губерній онъ даетъ поименный списокъ мукомоловъ, годовая производительность которыхъ, слѣдовательно, превышаетъ 2000 руб. Но для остальныхъ 4 (Вологодской, Донской, Калужской и Симбирской) такого списка не имѣется и у

Орлова. Впрочемъ, это лишь значитъ, что въ этихъ губерніяхъ не числится такихъ заведеній съ годовой производительностью *выше* указаннаго размѣра, а не даетъ никакихъ указаній о предпріятіяхъ меньшаго размѣра. Вмѣстѣ съ тѣмъ, находимъ у того же автора (изд. 2, стр. 379) характерное примѣчаніе, изъ котораго явствуетъ, что получаемыя департаментомъ торговли и мануфактуръ свѣдѣнія по производствамъ, близко соприкасающимся съ сельскимъ хозяйствомъ, страдаютъ большою неполнотой: по многимъ уѣздамъ, даже по цѣлымъ губерніямъ, вовсе не оказывается установленныхъ вѣдомостей. А этимъ источникомъ именно и пользовался авторъ при составленіи своего «Указателя». Очевидно, вышеупомянутые пропуски могутъ лишь указывать на неточность первоисточника, но отнюдь не на отсутствіе интересующаго насъ вида производства въ той или другой губерніи.

Годовая производительность тѣхъ 52 губерній Европейской Россіи и Царства Польскаго, въ которыхъ такая показана, мукомольнаго дѣла, какъ уже упомянуто, равняется почти 94 милл. руб. Эта сумма распредѣляется слѣдующимъ образомъ:

	Милл. руб.		Милл. руб.
1) Саратовская губернія. . .	12,7	13) Подольская губернія. . . .	2,9
2) Херсонская » . .	6,8	14) Орловская » . . .	2,7
3) Варшавская » . .	6,136	15) Полтавская » . . .	2,5
4) Казанская » . .	6,152	16) Ярославская » . . .	2,4
5) Нижегородская » . .	5,6	17) Тульская » . . .	2,1
6) Пермская » . .	4,2	18) Воронежская » . . .	1,8
7) Самарская » . .	3,7	19) Таврическая » . . .	1,77
8) Кіевская » . .	3,4	20) Калишская » . . .	1,66
9) Курская » . .	3,3	21) Костромская » . . .	1,39
10) Петроковская » . .	3,215	22) Оренбургская » . . .	1,32
11) Тверская » . .	3,228	23) Люблинская » . . .	1,51
12) Екатеринославская губ. .	3,0	24) Ломжинская » . . .	1,0

Остальныя 28 губ. имѣютъ готовую производительность менѣе 1 милл. руб. въ годъ. Поименованныя губерніи доставляютъ продукта на 85 милл. руб. = 90,4 % производства, оставляя на долю тѣхъ менѣе 10%. Въ бумагопрядильномъ дѣлѣ три доминирующія губерніи даютъ почти 70% продукта; въ винокуреніи также три даютъ 30%; въ мукомольномъ 90% продукта доставляютъ 24 губерніи, а 30% даютъ первыя 4 губерніи. Изъ сказаннаго видно, что этотъ видъ производства распространенъ *гораздо болѣе равномѣрно* террито-

ріально, чѣмъ бумагопрядильное дѣло, но почти такъ же, какъ винокуреніе. Находится это, очевидно, въ зависимости отъ того, что оба эти производства питаются въ видѣ сырья продуктами сельскаго хозяйства, равно первенствующаго занятія по всей поверхности Россіи. Но это свойство распространенія производства имѣетъ немалое значеніе для потребителей въ смыслѣ большей легкости полученія нужнаго продукта и удешевленія его доставки на рынокъ. Понятно, однако, съ народохозяйственной и соціальной точки зрѣнія это свойство мукомольнаго дѣла гораздо важнѣе, нежели таковое же въ винокуреніи.

Упомянутая особенность послѣднихъ двухъ видовъ производства должна быть поставлена въ связь съ размѣрами ихъ сравнительно съ таковыми же въ двухъ другихъ наиболѣе крупныхъ видахъ русской индустріи, что выясняется изъ слѣдующей таблички:

	Число рабоч. въ среднемъ на 1 заводѣ.	Число заводовъ.
1) Сахароваренное	396,1	269
2) Бумагопрядальное	44,5	4,522
3) Винокуренное	16,2	2,330
4) Мукомольное	2,1	22,488

Такимъ образомъ, интересующее насъ теперь мукомольное дѣло характеризуется весьма мелкими и многочисленными предпріятіями. Они въ среднемъ мельче винокуренныхъ въ 8 разъ, бумагопрядильныхъ—въ 22 раза, сахароваренныхъ—почти въ 200 разъ. Отсюда и число ихъ больше числа первыхъ въ 10 разъ, вторыхъ—въ 5 разъ, а третьихъ—почти во 100 разъ. Ясно, что этотъ промыселъ доступенъ гораздо большей массѣ производителей, а, слѣдовательно, и *доходность его распредѣляется равномѣрнѣе* въ массѣ населенія.

Бросая, наконецъ, еще разъ взглядъ на приведенный списокъ губерній, замѣчаемъ, что первыми въ немъ (кромѣ Варшавской) стоятъ губерніи—съ одной стороны, Саратовская, Казанская, Нижегородская, Пермская, Самарская, съ другой—Херсонская и Кіевская. Такое распредѣленіе, естественно, заставляетъ предположить, что *примѣненіе паровой силы въ русскомъ мукомольномъ дѣлѣ не играетъ еще большой роли.* Вліяніе его еще слабо, слабѣе вліянія двигателя водянаго. Въ самомъ дѣлѣ — первыя пять названныхъ губерній расположены по Волгѣ и Камѣ, Кіевская тянется вдоль берега Днѣпра во всю свою

длину, Херсонская имѣетъ на своей юговосточной границѣ Днѣпръ, по всей западной—Днѣстръ, а въ серединѣ перерѣзывается Бугомъ.

Очевидно, приволжскій бассейнъ имѣетъ въ изслѣдуемомъ дѣлѣ первенствующую важность для Россіи. По изслѣдованіямъ Клопова [29]), пшеничная мука составляетъ весьма видный предметъ торговли на низовьяхъ и верховьяхъ Волги, по Камѣ, Вяткѣ, Бѣлой, Окѣ, не только наполняя внутренніе рынки, но направляясь въ Москву, Петербургъ и даже за границу. Продукты же, получаемые въ передѣланномъ видѣ изъ ржи, потребляются по большей части на мѣстахъ. Переработка этихъ двухъ хлѣбовъ имѣетъ мѣсто главнымъ образомъ въ районѣ между Рыбинскомъ и Камышинымъ. Въ этомъ отношеніи дѣятельность района Рыбинскъ-Тверь значительно слабѣе (1—3 милл. руб.), района Маріинской системы—еще гораздо слабѣе, а въ районѣ южной Волги (Астрахань) она лишь начала проявляться съ 1885 года. О переработкѣ зерна въ районѣ бассейновъ Камы, Бѣлой и Вятки свѣдѣній у упомянутаго автора не имѣется. Переработка Окскаго бассейна нѣсколько больше предшествующихъ, но во всякомъ случаѣ, невелика: она равняется приблизительно 9,0 милл. пудовъ. Продуктъ этого района почти исключительно наполняетъ внутренніе рынки и направляется, между прочимъ, въ Москву и Петербургъ.

Дѣятельность крупнаго и наиболѣе важнаго сказаннаго района Рыбинскъ-Камышинъ выражается слѣдующими данными:

Выдѣлываетъ въ годъ.	Милл. пуд.	Выдѣлываетъ въ годъ.	Милл. пуд.
Самара	12,5	Балаково	1,2
Саратовъ	10,5	Городецъ	1,0
Нижній-Новгородъ	10,0	Камышинъ	0,9
Рыбинскъ	3,4	Сенгелей	0,6
Кострома	3,2	Вольскъ	0,5
Казань	3,0	Кинешма	0,4
Ярославль	1,5	Хвалынскъ	0,15
		Всего	48,85

Изъ этой таблички очевидна сравнительная важность для мукомольнаго производства отдѣльныхъ приволжскихъ мѣстностей. Три пункта—Самара, Саратовъ и Нижній—выдѣляются изъ нихъ особенно крупной производительностью, доставляя въ годъ почти 70% продукта, доставляемаго вообще всѣмъ этимъ важнѣйшимъ по данному признаку райономъ Россіи. Въ названныхъ 3-хъ городахъ имѣется 64 мельницы, изъ которыхъ лишь 16 паровыхъ, а 48 водяныхъ. 12 па-

ровыхъ мельницъ Самары и Саратова перемалываютъ болѣе 11 милл. пуд. зерна=почти по 1 милл. пуд., въ среднемъ, на каждую, оставляя на долю 36 водяныхъ почти столько же милліоновъ пудовъ=$0_{,3}$ милл. пуд. на каждую. Другими словами — первыя въ среднемъ въ три раза *крупнѣе* послѣднихъ. Свойство матеріаловъ не позволяетъ прослѣдить это отношеніе въ остальныхъ указанныхъ мѣстностяхъ.

Средній размѣръ этого рода предпріятій, *безъ различія двигателя*, представляется въ слѣдующемъ видѣ:

	Перемолъ въ милл. пудовъ.	Число мельницъ.	Всего число пудовъ въ м.	Въ среднемъ на каждую
Въ первыхъ 3 городахъ.	10 и выше	64	33	$0_{,5}$ милл.
» слѣдующихъ 6 городахъ. . .	$3_{,1}$—$1_{,0}$	58	$13_{,3}$	$0_{,2}$ »
» послѣднихъ 5 » . . .	ниже $1_{,0}$	96	$2_{,5}$	$0_{,02}$ »

или—*относительные размѣры ихъ растутъ съ увеличеніемъ абсолютной цифры годоваго производства каждой мѣстности.*

---

1) Читано въ засѣданіи Статистическаго Отдѣленія Московскаго Юридическаго Общества 1 марта 1889 года.

2) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Россіи за $188^4/_5$ годы, — стр. 138 и слѣд.

3) Данныя книги Ignatius'a, очевидно, относятся къ еще болѣе отдаленному времени.

4) Введеніе,—стр. IV перваго изданія и стр. III втораго изданія.

5) «Статистическій Ежегодникъ» по Московской губерніи за 1885 г. — «Фабричная и заводская промышленность Московской губ. 1871—1881»,—стр. 28.

6) *Чупровъ.* О характерѣ и причинахъ современнаго промышленнаго кризиса—passim.

7) *Янжулъ.*—Англійская свободная торговля II, 402.

8) Сборникъ стат. свѣд. о Россіи за $188^4/_5$ г.

9) Въ эту группу вошла большая масса заводовъ, встрѣчающихся лишь въ ничтожныхъ количествахъ по каждой спеціальности. Списокъ ихъ помѣщенъ ibid., стр. 140 и sq.

10) Въ эту группу вошло производство земледѣльческихъ машинъ, механическое, стеклянное, хрустальное, зеркальное, химическое и спичечное.

11) Очеркъ исторіи развитія фабрично-заводской промышленности въ Царствѣ Польскомъ, стр. 5.

12) 1) обойный; 2) канатный; 3) хлопчато-бумажный: 4) льно-и пенькотрепальный; 5) чулочный и 6) красильный.

13) 1) макаронный промыселъ; 2) пряничный; 3) солодовенный; 4) уксусный.

14) 1) изразцовое и черепичное; 2) гончарное; 3) фарфоровое и фаянсовое; 4) известковое, алебастровое и цементное; 5) солеваренное и 6) каменноугольное.

15) 1) шерстомойни, чесальни, сортировочные заводы; 2) шерстобитные, войлочные, поярковые; 3) щетинные и щеточные; 4) ковровые и 5) обработка шкуры съ шерстью.

16) Эти и послѣдующія историческія данныя — см. «Историко-статистическій обзоръ промышленности Россіи», т. II.

17) Статья Голубева о хлопчато-бумажной промышленности, op. cit., стр. 76 и слѣд.

18) Сборникъ статистическихъ свѣдѣній по Россіи за 1884—85 г. 132—133.

19) Op cit. 39.

20) «Вмѣсто самостоятельныхъ кустарныхъ производителей, говоритъ тотъ же авторъ въ другомъ мѣстѣ (119), крестьяне все болѣе и болѣе становятся лишь исполнителями нѣкоторыхъ операцій крупнаго фабричнаго производства. Вмѣсто предпринимательской выгоды они ограничиваются лишь полученіемъ задѣльной платы». Изъ приведеннаго затѣмъ разсчета выясняется, что въ теченіе 70-хъ годовъ заработки ихъ изъ году въ годъ понижались.

21) Сборникъ статист. свѣд. по Россіи за 1884—85 г.

22) *Орловъ*. Указатель фабрикъ и заводовъ, изд. 2, стр. 497.

23) «Обзоръ»—т. II, статья Раппа.

24) Ibid.—passim.

25 и 26) Цифры Сборн. свѣд. по Европ. Россіи за 1883 и 1884—85 гг.

27) «Обзоръ» loc. cit.

28) Сборн. стат. свѣд. по Россіи 1884—85 г. 134—135.

29) Матеріалы для изученія хлѣбной торговли на Волгѣ — 166 seqq.

Н. Карышевъ.

НАРОДНОЕ ОБРАЗОВАНІЕ ВЪ СИБИРИ.

I.

Необходимо сказать нѣсколько предварительныхъ словъ касательно матеріала, который послужилъ основою настоящей статьи.

Почти всѣ цифровыя данныя заимствованы нами изъ оффиціальныхъ источниковъ, а именно изъ отчетовъ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, отчетовъ мѣстныхъ дирекцій начальныхъ школъ и трудовъ губернскихъ статистическихъ комитетовъ. Къ сожалѣнію, оффиціальная статистика въ этомъ отношеніи оказалась гораздо ниже своего назначенія. Вся масса данныхъ о ходѣ народнаго образованія, которая ежегодно по разъ заведенному порядку собирается мѣстнымъ учебнымъ начальствомъ и губернскими статистическими комитетами, обыкновенно не идетъ дальше разныхъ канцелярій, не публикуется во всеобщее свѣдѣніе. Очень часто данныя оффиціальной статистики публикуются въ такомъ несуразномъ видѣ, который почти совершенно исключаетъ всякую возможность пользованія ими. Чтобы наши обвиненія не показались читателю голословными, укажемъ хотя на слѣдующіе факты.

Въ Иркутскѣ съ 1881 г. издается «Циркуляръ по Восточно-Сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія», въ которомъ ежегодно печатаются извлеченія изъ отчетовъ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири. И что же? Пересмотрѣвъ это изданіе за шесть лѣтъ его существованія, только за одинъ годъ мы нашли болѣе или менѣе подробныя данныя о народномъ образованіи, да и то въ двухъ губерніяхъ. Въ отчетахъ за остальные годы приводится лишь валовая цифра всѣхъ одноклассныхъ начальныхъ училищъ, сельскихъ и городскихъ вмѣстѣ, и учащихся въ нихъ, т. е.

цифра, ни мало не выясняющая интересующаго насъ вопроса. Отчеты мѣстныхъ дирекцій печатаются въ «Циркулярѣ» крайне не регулярно. По всему видно, что статистика народнаго образованія ведется спустя рукава, безъ всякаго строго продуманнаго и обязательнаго для всѣхъ плана. Между тѣмъ въ томъ же самомъ «Циркулярѣ», который такъ скупъ на свѣдѣнія относительно народнаго образованія, помѣщаются самыя подробныя, иногда даже черезчуръ подробныя данныя о ходѣ дѣла въ среднеучебныхъ заведеніяхъ, уѣздныхъ и городскихъ училищахъ. Такъ, напр., въ немъ ежегодно печатаются вѣдомости о числѣ пропущенныхъ каждымъ преподавателемъ гимназій, прогимназій и пр., уроковъ, съ указаніемъ причинъ манкированія. Такое отношеніе къ дѣлу намъ кажется тѣмъ болѣе страннымъ, что самое изданіе «Циркуляра» предпринято почти спеціально для народныхъ училищъ, дабы избавить ихъ отъ обязательства выписывать «Журналъ Министерства Народнаго Просвѣщенія», журналъ довольно дорогой и обременительный по своей цѣнѣ для народныхъ школъ. Далѣе. По распоряженію главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, были изданы «Памятныя книжки по Восточно-Сибирскому учебному округу за 1880 и 1881 гг.» Въ этихъ книжкахъ имѣются очень подробныя свѣдѣнія о томъ, есть ли у учителя школы чинъ, а у законоучителя камилавка или наперсный крестъ. А между тѣмъ о числѣ учащихся нѣтъ ни слова.

Что касается до губернскихъ статистическихъ комитетовъ, трудами которыхъ мы также отчасти пользовались при составленіи предлагаемой статьи, то они всѣ, за очень рѣдкими исключеніями, ровно ничѣмъ не проявляютъ своей дѣятельности. Изданіе ими памятныхъ книжекъ ведется Богъ знаетъ какъ: въ Енисейской губ., напр., послѣдняя книжка была издана въ 1866 г.

Не малымъ препятствіемъ къ изученію положенія народнаго образованія въ Сибири служило и то обстоятельство, что сырой матеріалъ по этому вопросу разбросанъ по цѣлой массѣ разныхъ оффиціальныхъ изданій, достать которыхъ мы не имѣли возможности, хотя и пользовались одною изъ лучшихъ сибирскихъ библіотекъ. Правда и то, что нѣкоторыя изъ этихъ изданій, напр. «Приложенія къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ губернаторовъ», не совсѣмъ то доступны для частнаго лица вообще.

Несмотря однако на скудость фактическаго матеріала, мы, тѣмъ не менѣе, рѣшаемся познакомить читателя съ положеніемъ народнаго образованія тѣхъ губерній и областей Сибири, относительно которыхъ намъ удалось собрать мало мальски пригодныя данныя.

Смѣлость свою въ настоящемъ случаѣ мы оправдаемъ почти совершеннымъ незнакомствомъ русскаго образованнаго общества съ этимъ вопросомъ, а также и тѣмъ обстоятельствомъ, что при теперешнемъ положеніи вещей очень трудно разсчитывать на сколько нибудь серьезное улучшеніе школьной статистики въ Сибири. Тѣмъ болѣе, что намъ кажется, что и находящійся въ нашемъ распоряженіи матеріалъ всетаки до нѣкоторой степени выясняетъ общую картину народнаго образованія въ Сибири [1]).

II.

До 1856 г. въ Томской губ. вовсе не было сельскихъ приходскихъ школъ. Хотя мѣстная администрація и пыталась было завести ихъ еще задолго до этого времени, но благія намѣренія ея такъ и остались одними намѣреніями, не перешли въ область дѣйствительности. Еще въ 1824 г. правительствующій сенатъ издалъ указъ, которымъ предписывалъ набирать волостныхъ писарей изъ среды грамотныхъ крестьянъ своихъ волостей. Въ 1827 г., во исполненіе этого указа, рѣшено было завести на счетъ земскихъ повинностей въ Томской и Тобольской губерніяхъ 40 волостныхъ школъ. Такимъ образомъ, открытіе волостныхъ народныхъ училищъ предполагалось въ цѣляхъ исключительно административнаго характера. Несмотря на то, что къ 1839 году были составлены штаты имѣвшихъ открыться волостныхъ училищъ, и было уже собрано на этотъ предметъ съ крестьянъ 40 т. руб., ни одной школы, тѣмъ не менѣе, не было открыто. Томская казенная палата ограничилась только тѣмъ, что въ этомъ же году издала указъ о выборѣ двухъ мальчиковъ съ каждой волости для помѣщенія ихъ въ уѣздныя училища, съ цѣлью подготовки къ должности волостныхъ писарей. Въ 1843 г. новая попытка завести приходскія школы въ селеніяхъ государственныхъ крестьянъ, и опять безъ всякаго ощутительнаго результата.

Наконецъ, въ 1856 г. министерство народнаго просвѣщенія разсылаетъ положеніе о новыхъ школахъ. И въ этомъ же году, согласно предписанію генералъ-губернатора Западной Сибири, въ Томской губ. было открыто 8 сельскихъ училищъ—въ Томскомъ, Каинскомъ и Бійскомъ округахъ.

Мотивы основанія училищъ на сей разъ были нѣсколько иные, чѣмъ прежде, болѣе высшаго порядка. «Училища учреждаются, говорится въ новомъ положеніи, съ цѣлью распространенія и утвержденія между государственными крестьянами религіозно-нравствен-

наго образованія и первоначальныхъ, болѣе или менѣе для каждаго сословія нужныхъ, свѣдѣній». Отмѣтимъ наиболѣе существенные пункты этого положенія.

1) Училища содержатся на счетъ земскаго сбора, обученіе въ нихъ безплатное.

2) Обученіе въ нихъ ввѣряется сельскому духовенству; учителями могутъ быть, по избранію епархіальнаго архіерея, священники, діаконы, причетники и достойнѣйшіе ученики духовныхъ семинарій.

3) Опредѣленіе дѣтей въ училища должно быть добровольное; начальство должно только способствовать добрыми совѣтами и убѣжденіями; оно заботится о помѣщеніи сиротъ и объ ихъ обезпеченіи и содѣйствуетъ въ помѣщеніи на квартиры учениковъ изъ другихъ селеній.

4) Продолжительность занятій зависитъ отъ наставника, но она не можетъ быть менѣе 6 часовъ ежедневно, кромѣ праздниковъ.

5) Тѣлесное наказаніе безъ согласія родителей не допускается. Предметами преподаванія были указаны: Законъ Божій — наиболѣе употребительныя молитвы и краткій катихизисъ, грамматическое чтеніе книгъ гражданской и церковной печати, чистописаніе и ариѳметика, въ размѣрѣ четырехъ дѣйствій надъ простыми и именованными числами. Полный курсъ въ училищахъ былъ назначенъ трехлѣтній.

Вслѣдствіе того обстоятельства, что обученіе во вновь открытыхъ школахъ было предоставлено исключительно сельскому духовенству, онѣ въ первое время своего существованія мало чѣмъ отличались отъ церковно-приходскихъ училищъ. Что такое представляли изъ себя въ то время эти послѣднія, очень хорошо видно изъ отвѣта директора училищъ Томской губ., даннаго на запросъ губернатора о томъ, какіе именно учебники, рукописи, книги, прописи и проч. находятся въ употребленіи въ церковно-приходскихъ училищахъ. «Въ семи существующихъ нынѣ церковно-приходскихъ школахъ, пишетъ директоръ училищъ въ своемъ рапортѣ губернатору, сколько мнѣ извѣстно, ни книгъ, ни рукописей не находится, да и самыя училища, кажется, существуютъ только на бумагѣ, какъ я имѣлъ случай удостовѣриться въ селѣ Болотномъ, гдѣ по вѣдомости, доставленной изъ духовной консисторіи, значится училище, на самомъ же дѣлѣ оно оказалось въ недѣйствіи».

Въ весьма непродолжительномъ времени послѣ открытія новыхъ училищъ очень рельефно выяснилось, насколько удачно было предоставленіе преподаванія въ нихъ одному сельскому духовенству. Почти тотчасъ-же по открытіи приходскихъ училищъ, отъ крестьянъ стали

поступать къ начальству жалобы на нерадивое отношеніе учителей-священниковъ къ своимъ новымъ обязанностямъ. Такъ, булатовцы жаловались архіерею, что священникъ совсѣмъ не занимается съ дѣтьми въ школѣ. Въ виду того, что за все время учительства священника ни одинъ мальчикъ не кончилъ полнаго курса, булатовцы на отрѣзъ отказались отдавать своихъ дѣтей въ школу. Въ Смоленской волости крестьяне жаловались исправнику, что священникъ нисколько не занимается обученіемъ дѣтей, и тоже отказались посылать своихъ ребятишекъ въ школу. Крестьяне села Покровскаго въ 1864 г. заявили, что они до тѣхъ поръ не станутъ посылать своихъ дѣтей въ училище, пока не будетъ назначенъ новый учитель, не священникъ. Боготольскій волостной сходъ въ 1868 г. постановилъ приговоръ о желаніи имѣть учителемъ лицо не духовнаго званія.

Что подобныя явленія были далеко не исключительными, ясно доказываютъ отзывы томской казенной палаты и директора народныхъ училищъ о педагогической дѣятельности священниковъ. «Изъ наставниковъ, мѣстныхъ священниковъ, пишетъ казенная палата, одни мало вникаютъ въ насущныя требованія крестьянъ и смотрятъ на училища, какъ на средство увеличить свое матеріальное состояніе полученіемъ 100 руб. въ годъ; у другихъ же, болѣе сочувствующихъ дѣлу просвѣщенія, исполненіе своихъ прямыхъ обязанностей занимаетъ почти все время, вслѣдствіе чего образованіе дѣтей послѣ двухъ-трехъ лѣтъ завершается плохимъ, безтолковымъ разбираніемъ печатной грамоты и умѣніемъ кое-какъ написать свое имя и фамилію». Директоръ народныхъ училищъ въ своемъ отчетѣ за 1872 г. констатируетъ, «что сельскія училища въ большинствѣ случаевъ составляютъ только доходную статью священниковъ и поддерживаются ими настолько, чтобы не лишиться дохода». «Полная безконтрольность и узаконенное обязательство завѣдыванія и преподаванія священниковъ въ школахъ казенныхъ крестьянъ, пишетъ онъ далѣе, ставитъ эти школы въ безвыходное положеніе и сильно подрываетъ довѣріе крестьянъ къ пользѣ школъ вообще». Относительно Парабельскаго училища директоромъ было дознано, что въ 1871 г. мѣстный священникъ поручилъ сначала преподаваніе школьному сторожу, а потомъ и совсѣмъ закрылъ школу, продолжая, тѣмъ не менѣе, получать слѣдуемое ему жалованье изъ волостнаго управленія. Священникъ села Булатовскаго нанялъ вмѣсто себя учителемъ поселенца за 3 рубля въ мѣсяцъ. Изъ отчета директора училищъ за 1873 г. видно, что подобная неурядица въ школьномъ дѣлѣ происходила и во многихъ другихъ мѣстахъ. Между священниками встрѣчались даже и такіе, которые открыто съ цер-

ковной каѳедры возставали противъ училищъ. Такъ, въ 1867 г. священникъ села Тисульскаго говорилъ между прочимъ въ проповѣди, что «крестьянамъ нужно молиться, заниматься хлѣбопашествомъ и работать, а не о школахъ думать, ибо ученье не просвѣщаетъ человѣка».

Статистическія данныя, относящіяся къ этому періоду времени, въ высшей степени ярко свидѣтельствуютъ, что крестьяне дѣйствительно были крайне недовольны преподаваніемъ священниковъ въ школахъ, а вмѣстѣ съ тѣмъ настолько же ярко указываютъ и на то, что жалобы крестьянъ на священниковъ-учителей были гласомъ вопіющаго въ пустынѣ. Открытіе училищъ новаго типа вначалѣ почти совсѣмъ не отразилось на числѣ учащихся. Въ теченіе первыхъ пяти лѣтъ ихъ существованія число учащихся все колебалось около 1500. Въ 1861 г. цифра учащихся сразу понизилась до 1137, а въ 1866 г. учащихся числилось всего 780, т. е. почти вдвое меньше противъ 1856 и 1860 гг.

По всей вѣроятности, и высшее начальство не было особенно довольно результатами педагогической дѣятельности священниковъ во вновь открытыхъ училищахъ, такъ какъ уже въ 1864 г. генералъ-губернаторъ Западной Сибири разрѣшилъ преподаваніе въ сельскихъ школахъ лицамъ свѣтскаго званія. Хотя положеніе объ училищахъ и не было оффиціально измѣнено въ этомъ смыслѣ, но генералъ-губернатору было очень хорошо извѣстно частнымъ образомъ, что министръ народнаго просвѣщенія ничего не имѣетъ противъ замѣны священниковъ учителями свѣтскаго званія, если этого желаютъ сами крестьяне, съ тѣмъ только непремѣннымъ условіемъ, чтобы преподаваніе закона Божія по прежнему оставалось за священниками. Развитіе народнаго образованія въ Томской губ. въ общихъ чертахъ видно изъ слѣдующей таблицы [2]):

Годы.	Число школъ.	Учащихся.			1 школа приходится на душъ населенія обоего пола.	1 учащ. на дѣтей школ. воз.	1 мальч. на мальч. школ. воз.	1 дѣвоч. на дѣвоч. школ. возраста.
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.				
1856 . . .	8	136	—	136	80,815	713	366	—
1870	52	1,178	93	1,271	14,888	91	—	—
1874 . . .	91	1,889	279	2,168	9,311	59	34	225
1883 . . .	148	2,789	644	3,433	6,746	33	27	114

Сравнимъ теперь между собой цифры каждыхъ двухъ послѣдовательныхъ годовъ нашей таблички. Въ промежутокъ времени отъ

1856 г. до 1870 г. число школъ абсолютно увеличилось на 550% и учащихся на 834%, среднее годовое 39% и 59,5%; относительно число школъ повысилось на 443% и учащихся 680%, среднее годовое 31,6% и 48,6%. Для періода 1870—1874 гг. имѣемъ слѣдующія цифры, выраженныя нами также въ процентахъ: 75%, среднее годовое 18,7% и 71%, среднее годовое 17,6% для абсолютнаго приращенія школъ и учащихся и 60%, среднее годовое 14,9%, и 56%, среднее годовое 14% для относительнаго. Наконецъ, въ теченіе времени отъ 1874 г. до 1883 г. абсолютное приращеніе школъ равнялось 63%, среднее годовое 7% и учащихся 58%, среднее годовое 6,4%, и относительное 38%, среднее годовое 4,2% и 36%, среднее годовое 4%.

Пріемъ дѣвочекъ въ новыя училища былъ разрѣшенъ министерствомъ государственныхъ имуществъ, въ вѣдѣніи котораго они находились въ то время, только въ 1862 г. Въ 1870 г. дѣвочки составляли всего 7,3% общаго числа учащихся, въ 1874 г. 12,9%, а въ 1883 г. уже 18,8%.

Относительно 1881 г. и 1885 г. мы имѣемъ болѣе подробныя данныя. Распредѣленіе школъ и учащихся по округамъ губерніи за эти годы видно изъ помѣщаемой ниже таблицы.

Округа.	1881 г.				1885 г.			
	Число шк.	Обучалось.			Число шк.	Обучалось.		
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Томскій. . . .	44	673	210	883	52	780	310	1,090
Маріинскій . . .	28	607	156	763	28	641	172	813
Каинскій. . . .	24	330	102	432	25	570	89	659
Барнаульскій. .	19	387	33	420	19	740	90	830
Кузнецкій. . . .	10	274	27	301	11	285	56	341
Бійскій.	13	300	59	359	25	718	97	815
Горно-заводскій .	11	312	15	327	11	304	8	312
Итого по губ.	149	2,913	602	3,515	171	4,038	822	4,860

Въ этотъ четырехлѣтній промежутокъ времени число школъ значительно возросло лишь въ одномъ Бійскомъ округѣ, именно, на 92,3%; въ Томскомъ округѣ оно увеличилось на 18,2%; въ Каинскомъ и Кузнецкомъ округахъ прибавилось всего по одной школѣ, а въ остальныхъ число ихъ осталось прежнее. Общее число учащихся за исключеніемъ однихъ горнозаводскихъ школъ вездѣ увеличилось. Первое мѣсто опять таки занимаетъ Бійскій округъ, въ которомъ

число учащихся возросло на 127%, за нимъ слѣдуетъ Барнаульскій округъ 97,6%, далѣе Каинскій 52,5%, Томскій 23,4%, Кузнецкій 13,3% и, наконецъ, Маріинскій 6,6%. Въ горнозаводскихъ школахъ число учащихся уменьшилось на 4,6%. По всей губерніи число школъ возросло на 14,8% и учащихся на 38,3%, въ частности мальчиковъ на 38,3% и дѣвочекъ на 36,5%. Процентное отношеніе дѣвочекъ нѣсколько понизилось: въ 1881 г. онѣ составляли 17,1%, а въ 1885 г. 16,9%. Наибольшій процентъ обучавшихся дѣвочекъ падаетъ на Томскій округъ, гдѣ онѣ составляли 28,4%, и наименьшій на горнозаводскія, гдѣ ихъ числилось всего 2,6%.

Въ 1885 г. въ Томской губ. 1 школа приходилась на 5,181 д. об. п., 1 учащійся на 27 дѣтей школьнаго возраста, въ частности 1 мальчикъ на 16 и 1 дѣвочка на 78. Относительное положеніе народнаго образованія по округамъ губерніи представляется въ слѣдующемъ видѣ [3]):

Округа.	1 школа на душъ населенія об. пола.	1 учащійся на дѣтей школ. воз.	1 мальчикъ на мальчик. школ. воз.	1 дѣвочка на дѣвоч. школ. возраста.
Томскій	2,533	18	14	29
Маріинскій. . . .	3,167	16	10	37
Каинскій.	4,152	24	14	87
Барнаульскій . .	10,807	37	21	172
Кузнецкій	11,664	57	33	174
Бійскій	8,323	38	21	156

По относительному числу школъ первое мѣсто занимаетъ Томскій округъ, а по относительному числу учащихся Маріинскій округъ. Въ этихъ двухъ округахъ распредѣленіе обучавшихся по поламъ болѣе равномѣрно, чѣмъ во всѣхъ остальныхъ. Во всѣхъ округахъ относительное число обучавшихся дѣвочекъ значительно меньше, чѣмъ мальчиковъ. Кузнецкій округъ относительно положенія образованія занимаетъ безспорно послѣднее мѣсто.

По вѣроисповѣданію учащіеся распредѣлялись слѣдующимъ образомъ:

	Правосл.	Католик.	Іудеевъ.	Магомет.	Прочихъ вѣроисп.
1881 г.	3,356	53	66	35	5
1885 »	4,667	17	71	53	52

Въ 1881 г. православные составляли 95,5%, католики 1,5%, іудеи 1,9%, магометане 1% и остальныя вѣроисповѣданія 0,2%. Въ 1885 г. православныхъ считалось 96%, католиковъ 0,3%, іудеевъ 1,5%, магометанъ 1,1% и остальныхъ вѣроисповѣданій 1,1%.

Въ 1881 г. дѣтей крестьянскаго сословія обучалось 3,240 д. об. п., или 92,2%, городскихъ сословій 164 д. об. п. или 4,7%, духовнаго званія 52 д. об. п., или 1,5% и дѣтей дворянъ и чиновниковъ 59 д. об. п., или 1,7%. Въ 1885 г. число обучавшихся изъ сельскаго сословія относительно нѣсколько уменьшилось, они составляли всего 88,7%. Подобное же уменьшеніе замѣтно среди дѣтей духовнаго званія и привилегированныхъ сословій, первыя составляли 1,3%, вторыя 1,5%. Процентное отношеніе обучавшихся дѣтей городскихъ сословій нѣсколько увеличилось на счетъ всѣхъ остальныхъ категорій, ихъ считалось въ 1885 г. 8,4%.

Распредѣленіе учащихся по сословіямъ въ округахъ губерніи видно изъ прилагаемой таблицы:

Округа.	1881 г.				1885 г.				
	Дворянъ и чиновниковъ.	Духов. звап.	Город. сосл.	Крестьянъ.	Дворянъ и чиновниковъ.	Духов. звап.	Город. сосл.	Крестьянъ.	Инородцевъ.
Томскій. . .	8	18	74	783	11	19	105	955	—
Маріинскій. . .	9	17	62	675	5	8	85	715	—
Каинскій. . . .	8	10	18	396	—	17	23	619	—
Барнаульскій. .	6	4	6	404	11	5	68	742	4
Кузнецкій. . .	—	—	—	389	12	8	70	725	—
Бійскій	—	—	—	301	5	5	48	283	—
Горно-зав. шк.	28	3	4	292	27	4	9	272	—
Всего по губ.	59	52	164	3,240	71	66	408	4,311	4

Въ 1881 г. въ Кузнецкомъ и Бійскомъ округахъ учащіеся принадлежали исключительно къ крестьянскому сословію; въ Барнаульскомъ округѣ они составляли 96,2%, въ Каинскомъ 91,7%, въ Томскомъ 88,7% и Маріинскомъ 88,5%; въ горнозаводскихъ школахъ дѣтей сельскаго сословія обучалось 89,3%. Въ 1885 г. только въ одномъ Каинскомъ округѣ процентъ обучавшихся изъ крестьянъ нѣсколько повысился, они составляли 93,9%; во всѣхъ остальныхъ округахъ онъ немного понизился. Такъ, въ Барнаульскомъ округѣ ихъ считалось 89,4%, Бійскомъ 88,9%, Маріинскомъ 87,9%, Томскомъ 87,6% и Кузнецкомъ 83%. Дѣти дворянъ и чиновниковъ

только въ однѣхъ горнозаводскихъ школахъ составляли около 10%, вообще же число ихъ крайне ничтожно.

III.

Въ Енисейской губ. всѣ сельскія школы существуютъ на основаніи указа 1828 г. и по настоящее время находятся въ вѣдѣніи министерства государственныхъ имуществъ. До 1861 г. народныя школы существовали только въ слѣдующихъ трехъ округахъ губерніи: Енисейскомъ, Ачинскомъ и Канскомъ; обучавшихся въ нихъ числилось всего 121. Движеніе школъ и учащихся съ 1864 г. по 1885 г. включительно видно изъ слѣдующей таблицы:

ГОДЫ.	Число школъ.	Обучалось.			1 школа на душъ населенія об. пола.	1 учащійся на дѣтей школьн. воз.	1 мальчикъ на мальчика шк. возраста.	1 дѣвочка на дѣвоч. школ. возраста.
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.				
1864	28	453	27	480	10,595	93	52	783
1879	36	689	124	813	—	—	—	—
1881	39	900	133	1,033	9,426	53	35	181
1882	39	756	136	892	9,565	63	42	181
1883	40	874	259	1,133	9,436	50	36	96
1884	42	868	297	1,165	9,200	50	38	85
1885	43	957	303	1,260	9,047	46	34	85

Съ 1864 г. по 1879 г. число школъ абсолютно увеличилось всего на 28,6%, среднее годовое 1,9%, и учащихся на 69,4%, среднее годовое 4,6%. Съ 1879 г. по 1885 г. число первыхъ возросло на 16,7%, среднее годовое 2,8%, и вторыхъ на 52,5%, среднее годовое 8,8%. За время отъ 1864 г. по 1885 г. число школъ абсолютно повысилось на 53,6%, среднее годовое 2,6%, и учащихся на 162,5% среднее годовое 7,7%; и относительно школъ 17,1%, среднее годовое 0,8%, и учащихся 102,2%, среднее годовое 4,9%:

Число учащихся дѣвочекъ постоянно увеличивается, число учащихся мальчиковъ въ 1882 г. замѣтно понизилось сравнительно съ 1881 г. Въ 1864 г. дѣвочки составляли 5,6%, а въ 1884 г. 25,5%.

Распредѣленіе школъ и учащихся по округамъ губерніи за 1883 г. и 1884 г. представляется въ слѣдующемъ видѣ [4]):

Округа.	Число школъ.	Обучалось.			Число школъ.	Обучалось.		
		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.		Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.
Красноярскій .	7	137	48	185	7	140	61	201
Канскій . . .	8	172	76	248	8	176	68	244
Ачинскій. . .	4	100	32	132	4	123	49	172
Минусинскій .	14	271	84	355	14	362	102	474
Енисейскій . .	7	157	6	163	7	92	17	109
Всего по губ.	40	837	246	1,083	40	893	297	1,190

Число школъ во всѣхъ округахъ осталось прежнее. Общее число учащихся въ Канскомъ и Енисейскомъ округахъ понизилось даже абсолютно, въ первомъ на $1,_{6}\%$, во второмъ на $33,_{1}\%$. Это зависѣло отъ того, что въ Канскомъ округѣ число обучавшихся дѣвочекъ уменьшилось на $10,_{3}\%$, а въ Енисейскомъ округѣ число мальчиковъ понизилось на $41,_{4}\%$. Въ Минусинскомъ округѣ учащихся увеличилось на $30,_{7}\%$, въ частности мальчиковъ на $33,_{6}\%$ и дѣвочекъ на $21,_{4}\%$; въ Ачинскомъ на $30,_{3}\%$, мальчиковъ на 23% и дѣвочекъ на $53,_{1}\%$ и, наконецъ, въ Красноярскомъ округѣ число учащихся увеличилось на $8,_{6}\%$, почти исключительно на счетъ дѣвочекъ.

Въ 1884 г. наибольшій процентъ учащихся дѣвочекъ приходится на Красноярскій округъ, гдѣ онѣ составляли $30,_{3}\%$, наименьшій на Минусинскій округъ, гдѣ ихъ числилось 22%.

Слѣдующая таблица даетъ намъ матеріалъ для относительнаго сравненія учащихся по округамъ за 1883 и 1884 гг.

Округа.	1883 г.			1884 г.		
	1 учащійся на дѣтей школьнаго возраста.	1 мальчикъ на мальч. школьнаго возраста.	1 дѣвочка на дѣвоч. школьнаго возраста.	1 учащійся на дѣтей школьнаго возраста.	1 мальчикъ на мальч. школьнаго возраста.	1 дѣвочка на дѣвоч школьнаго возраста.
Красноярскій. . .	62	46	108	59	47	87
Канскій.	38	33	50	39	33	54
Ачинскій	82	59	152	64	50	101
Минусинскій. . .	47	33	93	37	26	77
Енисейскій. . . .	50	30	555	75	53	193

Въ Енисейскомъ округѣ общее число учащихся относительно понизилось на 50%, мальчиковъ на $76,_{7}\%$; въ Канскомъ оно также уменьшилось на $2,_{6}\%$, дѣвочекъ на 8%. Въ Ачинскомъ округѣ оно возросло на $28,_{1}\%$, въ Минусинскомъ на 27% и Красноярскомъ на

5,,1 %. Первое мѣсто по образованію занимаетъ Минусинскій округъ; далѣе округа слѣдуютъ въ такомъ порядкѣ: Канскій, Красноярскій, Ачинскій и Енисейскій. По относительному числу обучавшихся мальчиковъ округа занимаютъ тѣ же самыя мѣста; по отношенію къ дѣвочкамъ первое мѣсто выпадаетъ на Канскій округъ, а остальные округа слѣдуютъ въ прежнемъ порядкѣ.

Огромное большинство учащихся въ 1884 г., именно 96,,4 %, было православнаго вѣроисповѣданія; католиковъ числилось 0,,6 %, іудеевъ 2,,9 % и магометанъ 0,,1 %.

Изъ общаго числа учащихся въ этомъ же году дѣти крестьянскаго сословія вмѣстѣ съ инородцами составляли 82,,8 %, городскихъ сословій 12,,3 %, духовнаго званія 3,,3 % и дворянъ и чиновниковъ 1,,5 %. Распредѣленіе учащихся по сословіямъ въ округахъ видно изъ помѣщаемой ниже таблицы.

Округа.	Дворянъ и чиновниковъ.	Духов. зван.	Город. сосл.	Крестьянъ.	Инородцевъ.
Красноярскій	4	9	22	166	—
Канскій	3	10	23	208	—
Ачинскій.	1	4	28	139	—
Минусинскій.	10	14	55	328	57
Енисейскій	—	2	20	87	—
Итого по губерніи .	18	39	148	928	57

Наибольшій процентъ учащихся изъ крестьянскаго сословія приходится на Канскій округъ, гдѣ они составляли 85,,2 %; въ Минусинскомъ вмѣстѣ съ инородцами ихъ считалось 82,,9 %, въ Красноярскомъ 82,,2 %, Ачинскомъ 80,,8 % и Енисейскомъ 79,,8 %. Учащіеся изъ городскихъ сословій въ Енисейскомъ округѣ составляли 18,,3 %, въ Ачинскомъ 16,,3 %, въ Минусинскомъ 11,,8 %, въ Красноярскомъ 10,,9 % и въ Канскомъ 9,,4 %.

IV.

Свѣдѣнія наши о положеніи народнаго образованія въ Иркутской губ. и Забайкальской области значительно скуднѣе, чѣмъ по Томской и Енисейской губ. Движеніе школъ и учащихся въ Иркутской губ. за время отъ 1877 г. до 1883 г. видно изъ прилагаемой таблицы.

ГОДЫ.	Число школъ.	Обучалось. Мальчиковъ.	Дѣвочекъ.	Всего.	1 школа на душъ населенія об. пола.	1 учащійся на дѣтей школьнаго возраста.	1 мальчикъ на мальч. школ. возраста.	1 дѣвочка на дѣвоч. школ. возраста.
1877 . .	—	1,167	178	1,345	—	37	22	137
1879 . .	44	1,432	344	1,776	7,787	29	19	72
1882 . .	55	1,149	354	1,503	6,342	35	24	71
1883 . .	56	—	—	1,558	6,461	35	—	—

Въ промежутокъ времени отъ 1877 г. до 1879 г. число учащихся абсолютно возросло на 32%, мальчиковъ на 22,7% и дѣвочекъ на 93,2%; относительное приращеніе учащихся за эти года равнялось 27,6%, для мальчиковъ 15,8% и для дѣвочекъ 90,3%. Въ теченіе 1879—1882 гг. число школъ абсолютно увеличилось на 25% и относительно на 22,7%, а число учащихся абсолютно уменьшилось на 15%, мальчиковъ на 19,8% и относительно на 20,7%, мальчиковъ на 26,2%. Число обучавшихся дѣвочекъ за этотъ же періодъ времени увеличилось абсолютно на 2,9% и относительно на 1,4%. Если мы сравнимъ между собой соотвѣтствующія цифры этой таблицы за пять лѣтъ, отъ 1877 г. до 1882 г., то увидимъ, что общее число учащихся абсолютно возросло на 158 чел., или на 11,7%, въ частности же мальчиковъ уменьшилось на 18, или на 1,5%, и дѣвочекъ увеличилось на 176, или на 99%. Относительно число учащихся увеличилось на 6,5%, мальчиковъ уменьшилось на 9%, а дѣвочекъ увеличилось на 93%.

Въ 1877 г. дѣвочки составляли 13,2%, въ 1879 г. 19,3% и въ 1882 г. 22,9%.

По округамъ школы распредѣлялись слѣдующимъ образомъ [5]):

Округа.	1879 г.	1880 г.	1883 г.	1884 г.
Иркутскій. . .	10	11	15	15
Балаганскій . . .	10	10	17	21
Верхоленскій . .	8	8	7	8
Нижнеудинскій.	8	8	9	9
Киренскій. . . .	8	8	9	9
Итого по губ. .	44	45	57	62

Отсюда видно, что болѣе или менѣе значительное возрастаніе числа школъ произошло въ 1883—1884 гг. въ двухъ округахъ. Въ Иркутскомъ округѣ оно увеличилось на 50% и въ Балаганскомъ на 110%. Въ Нижнеудинскомъ и Киренскомъ округахъ прибавилось за

пять лѣтъ по одной школѣ, а въ Верхоленскомъ округѣ число ихъ осталось прежнее.

Для того, чтобы дать читателю хотя приблизительное понятіе—точныхъ не имѣется въ нашемъ распоряженіи,—о распредѣленіи учащихся по округамъ, приводимъ табличку, въ которой данныя относятся ко всѣмъ начальнымъ одноклассным училищамъ, сельскимъ и городскимъ вмѣстѣ.

Округа.	1883 г.			1864 г.		
	Мальчик.	Дѣвочекъ.	Всего.	Мальчик.	Дѣвочекъ.	Всего.
Иркуcкій	645	180	825	747	283	1,030
Балаганскій. . .	400	129	529	509	152	661
Верхоленскій. . .	155	32	187	191	44	235
Нижнеудинскій. .	286	87	383	307	70	377
Киренскій. . . .	181	23	204	224	40	264
Итого по губ. .	1,677	451	2,128	1,978	589	2,567

Въ 1884 — 85 учебномъ году въ 11 одноклассныхъ приходскихъ школахъ г. Иркутска обучалось 570 душъ обоего пола, въ томъ числѣ 330 мальчиковъ и 240 дѣвочекъ. Вычтя эти цифры изъ табличныхъ, получимъ число учившихся въ сельскихъ школахъ: 417 мальчиковъ и 43 дѣвочки, всего 460.

Въ Балаганскомъ округѣ два городскихъ начальныхъ училища, мужское и женское, въ Верхоленскомъ также два, въ Нижнеудинскомъ и Киренскомъ по одному, для обоихъ половъ вмѣстѣ. Къ сожалѣнію, намъ неизвѣстно число обучавшихся въ этихъ школахъ въ 1884 г. Въ 1881 — 82 учебномъ году въ балаганскомъ мужскомъ училищѣ числилось 45 мальчиковъ; въ томъ же году въ Михайловскомъ городскомъ Нижнеудинскаго округа обучалось 47 мальчиковъ. Мы думаемъ, что не много погрѣшимъ противъ дѣйствительности, если примемъ число учащихся въ городскихъ школахъ по 40, а гдѣ онѣ смѣшанныя, по 30 мальчиковъ и по 20 дѣвочекъ. Считая такимъ образомъ, получимъ слѣдующія приблизительныя цифры учащихся въ округахъ:

Балаганскій	469 м.	112 д.	581 об. пола
Верхоленскій	151 »	4 »	155 » »
Нижнеудинскій округъ .	277 »	50 »	327 » »
Киренскій	194 »	20 »	214 » »

Въ 1884 году въ 9 инородческихъ школахъ Иркутской губерніи обучалось 219 дѣтей инородцевъ. Въ Иркутскомъ округѣ считалось 2 школы съ 65 учащимися, въ Балаганскомъ 3 школы съ 87 учениками и въ Верхоленскомъ 4 школы, въ которыхъ обучалось 67 дѣтей.

Распредѣленіе учащихся по вѣроисповѣданію и сословіямъ извѣстно намъ лишь за 1884 г. и то относительно всѣхъ вообще одноклассныхъ училищъ.

Округа.	По вѣроиспов.				По сословіямъ.							
	Православн.	Католиковъ.	Іудеевъ.	Язычниковъ.	Дворянъ и чиновниковъ.	Город. сослов.	Духовныхъ.	Крестьянъ.	Инородцевъ.	Козаковъ.	Солдатъ.	Поселенцевъ.
Иркутскій . . .	965	1	25	39	64	305	11	381	65	44	83	77
Балаганскій. . .	566	—	31	64	25	106	20	341	87	5	13	64
Верхоленскій. .	169	2	5	59	6	8	19	121	67	—	1	13
Нижнеудинскій. .	359	—	18	—	9	58	7	253	4	—	—	46
Киренскій. . . .	258	—	6	—	4	42	10	203	1	—	—	4
Итого по губ. .	2,317	3	85	162	108	519	67	1,299	224	49	97	204

V.

Въ Забайкальской области до 1872 г. школьное дѣло находилось въ вѣдѣніи областнаго войсковаго правленія. Казачьи школы въ то время были трехъ видовъ: бригадныя, полковыя и поселковыя; содержаніе всѣхъ этихъ училищъ было обязательнымъ для казацкаго населенія области. Въ 1870 г. въ Забайкальской области считалось 295 школъ, въ которыхъ обучалось 9,460 дѣтей обоего пола; 1 училище приходилось на 1,460 душъ обоего пола и 1 учащійся на 7 дѣтей школьнаго возраста. На долю собственно казачьяго населенія приходилось 259 школъ, 1 учащійся на $2_{,4}$ дѣтей школьнаго возраста.

Въ 1872 г. было издано новое положеніе объ управленіи Забайкальскимъ казачьимъ войскомъ и всѣ сельскія школы перешли въ вѣдѣніе министерства народнаго просвѣщенія. Переходъ этотъ чрезвычайно невыгодно отозвался на положеніи школьнаго дѣла въ области: 252 училища было закрыто самими казаками. Къ 1 января 1873 г. въ области числилось всего 13 сельскихъ школъ съ 533 учащихся. Такимъ образомъ за одинъ годъ число школъ уменьшилось на $95_{,6}\%$ и учащихся на $94_{,4}\%$.

Дальнѣйшій ходъ дѣла виденъ изъ таблицы.

ГОДЫ.	Число школъ.	Обучалось. Мальчик.	Дѣвочекъ.	Всего.	1 школа на душъ насел.	1 учащійся на дѣтей школ. возраста.
1878 . . .	42	1,126	75	1,201	—	—
1881 . .	78	—	—	2,065	4,305	25
1882 . . .	79	1,680	97	1,777	—	38

За періодъ времени отъ 1872 г. до 1878 г. число школъ абсолютно увеличилось на 223%, среднее годовое 37,$_2$%, и учащихся на 125%, среднее годовое 20,$_8$%. За 1878 — 1881 гг. число школъ также повысилось въ весьма значительной степени, именно, 85,$_7$%, среднее годовое 28,$_6$%; число учащихся тоже увеличилось на 72%, среднее годовое 24%. Въ послѣдующемъ году число школъ увеличилось на 1, а учащихся уменьшилось абсолютно на 14% и относительно на 52%. Относительное число учащихся дѣвочекъ крайне ничтожно: въ 1878 г. онѣ составляли всего только 6,$_2$%, а въ 1882 г. ихъ числилось еще меньше, именно, 5,$_5$%.

По округамъ школы распредѣлялись такимъ образомъ:

Округа.	1879 г.	1880 г.	1884 г.
Верхнеудинскій.	10	9	10
Селенгинскій.	6	8	6
Баргузинскій	3	3	3
Троицкосавскій. . . .	6	6	8
Акшинскій	8	10	9
Нерчинскій.	16	17	21
Читинскій.	5	6	7
Нерч.-Заводскій.	11	11	12
Итого по губерніи . .	65	70	76

Въ 1880 г. на 152 т. инородцевъ приходилось 7 школъ съ 194 мальчиками и 5 дѣвочками, на 140 т. казачьяго населенія 39 училищъ, въ которыхъ обучалось 1,077 мальчиковъ и 38 дѣвочекъ и, наконецъ, на 118 т. крестьянъ 21 школа съ 420 мальчиками и 10 дѣвочками. У казаковъ 1 школа приходилась на 3,590 душъ обоего пола, у крестьянъ на 5,619 душъ обоего пола и у инородцевъ на

на 21,714 душъ обоего пола. Среди казачьяго населенія 1 учащійся приходился на 19 дѣтей школьнаго возраста, у крестьянъ 1 на 41 и у инородцевъ 1 на 115.

VI.

Въ Якутской области всѣ сельскія школы открыты въ 1870 годахъ по распоряженію мѣстной администраціи. Въ 1883 г. въ области считалось 13 сельскихъ училищъ, въ которыхъ обучалось 187 мальчиковъ; дѣвочекъ въ числѣ учащихся вовсе не было. Такимъ образомъ, 1 школа приходилась на 17,823 души обоего пола и 1 учащійся на 197 дѣтей школьнаго возраста, 1 мальчикъ на 100.

Въ Якутскомъ округѣ числилось 8 школъ съ 111 учащимися; 1 школа приходилась на 17,058 д. обоего пола, 1 учащійся на 184, 1 мальчикъ на 92. Въ Олекминскомъ округѣ, съ населеніемъ въ 11,540 душъ обоего пола, была 1 школа съ 30 учащимися, 1 учащійся на 58 и 1 мальчикъ на 38. Наконецъ въ Вилюйскомъ округѣ считалось 4 училища съ 46 учениками, 1 учащійся приходился на 199 дѣтей школьнаго возраста, 1 мальчикъ на 108; 1 школа на 16,042 души обоего пола.

Въ Верхоянскомъ и Среднеколымскомъ округахъ сельскихъ школъ вовсе не было.

Изъ 187 учащихся инородцы составляли 85%, крестьяне 7%, мѣщане $3,_8\%$, духовенство $3,_8\%$ и дворяне $0,_5\%$. Въ Вилюйскомъ округѣ инородцевъ обучалось $97,_8\%$, въ Олекминскомъ $93,_3\%$ и въ Якутскомъ $77,_5\%$.

VII.

Изъ статистическихъ данныхъ, приведенныхъ нами въ предыдущихъ главахъ, видно, что народное образованіе въ Сибири стоитъ на весьма низкомъ уровнѣ развитія. Такъ, въ Томской губ., которая по относительному числу обучавшихся занимаетъ первое мѣсто въ ряду разсмотрѣнныхъ нами, изъ дѣтей школьнаго возраста обучалось всего $3,_7\%$. Въ Иркутской губ. обучавшіеся составляли $2,_9\%$, въ Забайкальской об. $2,_7\%$, въ Енисейской губ. $2,_2\%$ и въ Якутской обл. $0,_5\%$.

Итоги народнаго образованія въ Сибири еще менѣе удовлетворительны, чѣмъ въ Европейской Россіи, которая, какъ извѣстно, также

не можетъ похвастаться надлежащей постановкой этого дѣла. По переписи народныхъ училищъ, произведенной въ Европейской Россіи въ 1880 г., оказалось, что не было ни одной губерніи, гдѣ учащіеся составляли бы менѣе 5%; во многихъ губерніяхъ ихъ считалось отъ 15% до 20%, въ Царствѣ Польскомъ отъ 15% до 35% и въ Остзейскомъ краѣ 50% и болѣе.

Какъ ни печально само по себѣ положеніе народнаго образованія въ Сибири, еще менѣе утѣшительно то, что движеніе школъ и учащихся идетъ впередъ съ необычайной медленностью. Въ Забайкальской обл. за время отъ 1872 г. по 1882 г. ежегодно прибавлялось по $6,_6$ школъ и по $124,_4$ учащихся, въ Томской губ. съ 1856 г. на 1883 г. по $5,_2$ училищъ и по 122 учащихся, въ Енисейской съ 1864 г. до 1885 г. по $0,_7$ школы и по 37 учениковъ и, наконецъ, въ Иркутской губ. въ періодъ времени съ 1877 г. до 1883 г. по 3 училища и по $35,_5$ ученика.

По мнѣнію главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири, причинами такого медленнаго возрастанія школъ являются: во первыхъ, отсутствіе отдѣльныхъ лицъ, имѣющихъ своей спеціальной задачей содѣйствовать распространенію начальныхъ училищъ и, во вторыхъ, индифферентное отношеніе къ школѣ крестьянъ. Мѣропріятія, предлагаемыя главнымъ инспекторомъ, очень просты и вполнѣ естественно вытекаютъ изъ самыхъ причинъ, обусловливающихъ настоящее положеніе школьнаго дѣла. Мало начальства—нужно увеличить его составъ, крестьянство индифферентно относится къ школѣ—слѣдуетъ энергически воздѣйствовать на него при помощи «высшаго и низшаго начальства».

Чтобы читатель могъ судить, насколько вѣрно понятъ нами основной характеръ мѣръ, предлагаемыхъ главнымъ инспекторомъ, приводимъ слѣдующую выдержку изъ отчета инспектора за 1882 г. «Въ Забайкальской области, пишетъ онъ, гдѣ существуетъ особый инспекторъ народныхъ училищъ, дѣло прироста начальныхъ училищъ могло бы идти гораздо быстрѣе, если бы встрѣтило больше сочувствія и содѣйствія въ мѣстномъ обществѣ. Фактическимъ тому доказательствомъ служитъ то, что на *устройство гимназіи* въ Забайкальѣ, при энергическомъ отношеніи высшихъ и низшихъ властей къ этому послѣднему дѣлу, былъ собранъ въ короткое время почти двухсотъ тысячный капиталъ, *образовавшійся преимущественно изъ мелочныхъ пожертвованій низшаго слоя забайкальскаго населенія, главнымъ образомъ инородческаго*.... Поэтому учрежденіе отдѣльныхъ органовъ, которые бы, имѣя больше средствъ и времени для заботъ

о начальномъ образованіи, пользовались бы большой автономіей, большой поддержкой и сочувствіемъ мѣстной власти, есть мѣра весьма желательная» (Цир. 1883 г., № 10 и 11, стр. 36, 37; курсивъ вездѣ нашъ).

Итакъ, инородцы жертвуютъ послѣдній грошъ на алтарь классическаго образованія, въ существованіи котораго они нисколько не заинтересованы! И все благодаря «энергическому отношенію высшихъ и низшихъ властей»! А народная школа въ Сибири еле влачитъ свое жалкое существованіе. Что касается до учрежденія особаго инспектората для надзора за ходомъ народнаго образованія, то оно имѣетъ довольно серьезное значеніе, хотя, какъ увидимъ въ своемъ мѣстѣ, совсѣмъ не въ томъ смыслѣ, какъ это предполагаетъ главный инспекторъ. Г. Савенковъ, директоръ Красноярской учительской семинаріи, стоитъ гораздо ближе къ истинѣ, хотя, какъ говорится, не взялъ быка за рога, не объялъ ея во всей полнотѣ. Очень можетъ быть, впрочемъ, что, преслѣдуя въ своей брошюрѣ о народномъ образованіи въ Енисейской губ. чисто практическія цѣли настоящей минуты, онъ не счелъ нужнымъ выяснить свое принципіальное отношеніе къ данному вопросу. По мнѣнію г. Савенкова, незначительный приростъ училищъ зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что въ деревнѣ почти вовсе нѣтъ людей, болѣе или менѣе интеллигентныхъ и иниціативныхъ, которые путемъ частнаго воздѣйствія могли бы вліять на крестьянъ въ желаемомъ направленіи. Мысль безспорно вѣрная, но вмѣстѣ съ тѣмъ слишкомъ частная, не охватывающая сути дѣла во всемъ его объемѣ. Какъ ни была бы сама по себѣ почтенна и полезна дѣятельность частныхъ лицъ и обществъ, нужды сельской школы настолько многочисленны и серьезны, что нѣтъ никакой возможности разсчитывать на полное удовлетвореніе ихъ путемъ частной помощи.

Небольшая историческая справка о развитіи народнаго образованія въ Европейской Россіи, какъ намъ кажется, довольно отчетливо выясняетъ дѣйствительную причину медленнаго приращенія школъ и учащихся. До 1864 г. въ 50 губерніяхъ Европейской Россіи считалось 5,887 сельскихъ школъ. Съ 1864 г. по 1874 г., т. е., въ теченіе перваго десятилѣтія существованія земскихъ учрежденій было вновь открыто 7,123 сельскихъ школы, среднимъ числомъ по 14,$_2$ училищъ на каждую губернію ежегодно. Съ 1874 г. по 1880 г. было основано 5,894 народныхъ школы, въ среднемъ по 19,$_6$ училищъ на губернію ежегодно. Въ первый періодъ времени на каждую губернію петербургскаго учебнаго округа приходилось по 8,$_5$ ежегодно, москов-

скаго $13,_{8}$, харьковскаго $15,_{8}$, кіевскаго $18,_{9}$ и казанскаго $14,_{4}$. Въ послѣдующій періодъ ежегодное приращеніе школъ въ каждой губерніи петербургскаго учебнаго округа въ среднемъ равнялись 19_{2}, московскаго $23,_{9}$, харьковскаго $22,_{1}$, кіевскаго $23,_{6}$ и казанскаго $22,_{6}$.

Намъ кажется поэтому, что только одно предоставленіе сибирскому обществу права вполнѣ самодѣятельной организаціи народнаго образованія и можетъ сколько нибудь серьезно измѣнить къ лучшему ходъ школьнаго дѣла въ Сибири.

---

[1]) Во избѣжаніе пестроты въ ссылкахъ, приводимъ полный списокъ изданій, которыми мы пользовались при составленіи нашей статьи:

1) Циркуляръ по восточно-сибирскимъ учебнымъ заведеніямъ министерства народнаго просвѣщенія за 1881—86 гг.

2) Памятная книжка восточно-сибирскаго учебнаго округа 1880 г.

3) Памятная книжка восточно-сибирскаго учебнаго округа 1881 г.

4) Памятная книжка Томской губ. 1885 г.

5) Вторая памятная книжка Енисейской губ. 1866 г.

6) Памятная книжка Иркутской губ. 1881 г.

7) Обзоръ Енисейской губерніи, приложеніе къ всеподданнѣйшему отчету за 1879 г. и 1881—85 гг.

8) Восточно-сибирскій календарь на 1885 г.

9) Ядринцевъ. Сибирь какъ колонія. 1882 г.

10) Чудновскій. Описаніе Енисейской губ.

11) Савенковъ. Къ вопросу о народномъ образованіи въ Енисейской губер.

12) Сибирь, «Сибирская Газета», «Восточное Обозрѣніе» и «Сибирскій Вѣстникъ» за все время изданія, по 1886 г. включительно.

[2]) По вычисленіямъ академика Буняковскаго, дѣти школьнаго возраста отъ 7 до 14 лѣтъ въ Европейской Россіи составляютъ $16,_{14}\%$ всего населенія. При нашихъ вычисленіяхъ мы вездѣ брали 15%.

[3]) Населеніе округовъ взято нами за 1883 г. изъ памятн. книжки на 1885 г. Въ статьѣ г. Ефимова (Народная школа въ Томской губ. «Сибирская Газета» 1883 г., № 21), изъ которой мы заимствовали свѣдѣнія за 1881 годъ, сдѣланы подобныя же вычисленія. Не приводимъ ихъ, такъ какъ намъ кажется, что цифры населенія, приводимыя г. Ефимовымъ, весьма сомнительнаго достоинства. По статьѣ г. Ефимова, православное населеніе Томской губ. въ 1879 г. составляло 873,562 д. об. пола. По памятной книжкѣ Томской губ. на 1885 г. оно равнялось всего 865,903 дѣт. об. пола. Не можетъ быть, чтобы населеніе Томской губ. въ 1883 г. было меньше, чѣмъ въ 1879 г., такъ какъ населеніе ежегодно увеличивается отъ естественнаго прироста на два процента съ небольшимъ. А переселенцы, а ссылка, которые въ 1883 г. увеличили населеніе на 4,000 человѣкъ?

4) Валовыя цифры этой таблицы нѣсколько разнятся отъ приведенныхъ выше. Для первой таблицы данныя взяты нами изъ приложеній къ всеподданнѣйшимъ отчетамъ енисейскаго губернатора, для второй изъ отчета главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири.

5) Первая таблица этой главы составлена на основаніи свѣдѣній, опубликованныхъ иркутскимъ губернскимъ статистическимъ комитетомъ; настоящая—на основаніи отчетовъ главнаго инспектора училищъ Восточной Сибири.

П. Соловой.

(*Окончаніе слѣдуетъ*).

КОМИТЕТЪ МИНИСТРОВЪ ВЪ НАЧАЛѢ ЦАРСТВОВАНІЯ АЛЕКСАНДРА I.

(Журналы Комитета министровъ, т. I: 1802—1810 гг. Спб. 1888 г.).

Въ послѣднее время историческая наука обогатилась массою весьма любопытныхъ документовъ, извлеченныхъ изъ архивовъ и изданныхъ или на средства ученыхъ обществъ, или на средства правительства. Большая часть этихъ документовъ относится къ послѣднему періоду русской исторіи, именно къ XVIII и XIX ст. и касается преимущественно исторіи государственныхъ учрежденій Россіи за это время. Сюда относятся журналы засѣданій государственнаго совѣта конца XVIII и начала XIX ст., изданные покойнымъ Калачевымъ, документы, относящіеся до исторіи Екатерининской законодательной коммиссіи 1767 г. (издававшіеся прежде Полѣновымъ, а теперь В. И. Сергѣевичемъ), протоколы верховнаго тайнаго совѣта, издаваемые подъ редакціей г. Дубровина, указы сената въ царствованіе Павла I, изданные недавно, наконецъ, многіе документы XVIII ст., относящіеся до исторіи государственнаго устройства и управленія Россіи въ императорскую эпоху, изданные архивомъ министерства юстиціи въ Москвѣ (напр., два тома «Внутренняго быта Россіи» въ царствованіе Ивана Антоновича, гдѣ помѣщены документы, относящіеся до исторіи кабинета, сената и синода) и т. д., и т. д. Въ послѣднее время эта коллекція документовъ обогатилась еще однимъ изданіемъ, названіе котораго выписано нами выше, чему нельзя не порадоваться, въ виду, во-первыхъ, того любопытства, которое возбуждаетъ изученіе первой эпохи царствованія Александра I и, во-вторыхъ, въ виду недоступности для историческихъ изслѣдованій дѣятельности комитета министровъ, представляющей однако большой интересъ, вслѣдствіе того, что названное учрежденіе съ самаго момента своего возникновенія заняло первенствующее мѣсто въ ряду органовъ управленія, сконцентрировавъ въ себѣ всѣ функціи законодательства, администраціи и отчасти суда.

Исторія этого изданія слѣдующая. Бывшій предсѣдатель комитета ми-

нистровъ статсъ-секретарь Рейтернъ, 17 мая 1885 г. испросилъ Высочайшее соизволеніе на изданіе тѣхъ изъ журналовъ комитета министровъ за 1802—1826 гг., которые не подлежатъ безусловной тайнѣ. Означенная работа была возложена на статсъ-секретаря А. Н. Куломзина, извѣстнаго уже изданіемъ финансовыхъ смѣтъ и отчетовъ за первые 25 лѣтъ нынѣшняго столѣтія, исполненнымъ имъ по порученію Русскаго Историческаго Общества (см. т. XXVIII Сборн. назв. Общества). Одновременно съ этимъ былъ разрѣшенъ отпускъ необходимой на изданіе суммы. Напечатанный первый томъ разсматриваемаго изданія заключаетъ въ себѣ журналы комитета министровъ за первые 8 лѣтъ его существованія (1802—1810 гг.), причемъ журналы за первые 6 лѣтъ дѣятельности комитета изданы въ томъ самомъ видѣ, въ какомъ они изложены въ подлинныхъ дѣлахъ архива; журналы же за 1808 и 1809 гг., вслѣдствіе увеличенія своего размѣра, что находилось въ связи съ увеличеніемъ числа заслушанныхъ комитетомъ дѣлъ, напечатаны «въ краткихъ извлеченіяхъ или перечняхъ». Нельзя не пожалѣть, что почтенный редакторъ разсматриваемаго изданія сдѣлалъ подобное исключеніе для журналовъ за послѣдніе два года. Всякій историческій памятникъ представляетъ большой интересъ не только по тѣмъ свѣдѣніямъ, которыя въ немъ заключены, но и самъ по себѣ, такъ сказать, an und für sich, поэтому всякая передѣлка его, напр., извлеченіе изъ него, значительно утрачиваетъ свой интересъ для изслѣдователя, являясь въ сущности ничѣмъ инымъ, какъ порчею памятника. Впрочемъ, во всѣхъ остальныхъ отношеніяхъ изданіе вполнѣ безукоризненно. Журналы напечатаны въ хронологическомъ порядкѣ, что исключаетъ примѣненіе систематическаго способа изложенія, болѣе удобнаго для научно-историческихъ изысканій. Редакція мотивируетъ слѣдующимъ образомъ свое рѣшеніе придерживаться хронологическаго порядка изложенія: «неопредѣленность компетенціи комитета министровъ и крайнее разнообразіе вносившихся на его обсужденіе вопросовъ и дѣлъ устраняли возможность группировки послѣднихъ по ясно очерченнымъ рубрикамъ и отдѣламъ; независимо отъ сего, хронологическій способъ изложенія представлялъ и то преимущество, что съ примѣненіемъ его долженъ былъ нагляднѣе обнаружиться тотъ путь, по которому шло развитіе дѣятельности комитета министровъ. Значеніе комитета въ ряду другихъ высшихъ государственныхъ учрежденій слагалось и упрочивалось постоянно и, такъ сказать, фактически, безъ заранѣе начертаннаго плана. Не имѣя при первоначальномъ образованіи точно опредѣленнаго круга обязанностей, комитетъ съ теченіемъ времени самъ установилъ для себя какъ порядокъ разсмотрѣнія и разрѣшенія дѣлъ, такъ и предѣлы власти, и выработанныя такимъ способомъ правила получили затѣмъ значеніе постоянной организаціи комитета». Въ виду того, что въ концѣ тома помѣщены нѣсколько указателей и въ томъ числѣ *предметный*, а во введеніи напечатано «Обозрѣніе главнѣйшихъ предметовъ обсужденія комитета министровъ въ первые 8 лѣтъ его существованія», чѣмъ уничтожено не-

удобство, вытекающее изъ хронологическаго способа изложенія и заключающееся въ отсутствіи «группировки» предметовъ компетенціи комитета «по ясно очерченнымъ рубрикамъ и отдѣламъ», изслѣдователю можно очень легко оріентироваться среди массы напечатанныхъ документовъ и разобраться въ нихъ безъ всякаго труда и лишней затраты времени.

I.

Учрежденіе комитета министровъ находилось въ тѣснѣйшей связи съ учрежденіемъ министерствъ вообще. Еще въ извѣстномъ «неоффиціальномъ комитетѣ», состоявшемъ изъ гр. В. П. Кочубея, Н. Н. Новосильцева, кн. А. Чарторыжскаго и гр. П. А. Строганова, въ шутку прозваннаго императоромъ Александромъ «Comité du salut public», былъ возбужденъ вопросъ о названномъ учрежденіи. Такъ, въ засѣданіи 18 ноября 1801 г., при обсужденіи вопроса объ организаціи непремѣннаго совѣта (впослѣдствіи получившаго названіе Государственнаго), членами комитета была высказана мысль (подробно мотивированная гр. Воронцовымъ и Новосильцевымъ даже со ссылками на Англію), что всѣ важнѣйшія государственныя дѣла должны разсматриваться въ совѣтѣ, дѣла же, требующія особенной тайны, необходимо обсуждать *въ особомъ комитетѣ*. Государь повидимому одобрилъ эту мысль и, имѣя въ виду облегчить распредѣленіе дѣлъ между совѣтомъ и комитетомъ, обѣщалъ дать росписаніе своихъ занятій съ обозначеніемъ докладчиковъ по дѣламъ (Богдановичъ, Исторія царствованія императора Александра I, т. I, стр. 132; см. также Вѣстникъ Европы 1866 г., т. I, гдѣ приведены извлеченія изъ «засѣданій комитета», изложенныхъ гр. П. А. Строгановымъ).

Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, именно 21 апрѣля 1802 г., въ неоффиціальномъ комитетѣ снова былъ возбужденъ вопросъ о разсматриваемомъ нами учрежденіи. Въ этомъ засѣданіи Новосильцевъ читалъ свой проектъ о раздѣленіи министерства (въ немъ предполагалось образовать одно министерство съ подраздѣленіемъ его на части, подвѣдомственныя отдѣльнымъ министрамъ), причемъ относительно способа составленія докладовъ государю высказалъ слѣдующую мысль: доклады «долженствовали подвергаться обсужденію *комитета*, составленнаго изъ всѣхъ министровъ, и въ случаѣ несоблюденія сей формальности, каждый изъ нихъ имѣлъ бы право дѣлать отъ себя представленія по предмету доклада». Въ виду того, что государь изъявилъ нѣкоторое сомнѣніе относительно пользы подобнаго установленія, то члены комитета постарались убѣдить его въ его цѣлесообразности, заявляя, что «всѣ отрасли управленія составляютъ какъ бы звенья цѣлаго; слѣдовательно, всякое новое распоряженіе должно быть обсуждаемо совокупно всѣми лицами, участвующими въ управленіи, дабы дѣйствія одного изъ нихъ не мѣшали другому и чтобы всѣ части государственной администраціи были направлены къ общей цѣли. Мѣры

сіи могли также предупредить, чтобы министры не вводили въ заблужденіе государя и, будучи связаны между собою взаимною отвѣтственностью, оставались въ точныхъ предѣлахъ своихъ обязанностей». Государь согласился съ этими доводами. Затѣмъ члены комитета снова высказались за то, «чтобы текущія дѣла рѣшались въ комитетѣ министровъ, а важнѣйшіе вопросы вносились на обсужденіе въ совѣтъ». Государь при этомъ спросилъ, почему бы не вносить въ совѣтъ всѣ дѣла? Ему отвѣчали, что «отъ воли Его Величества зависѣло отсылать туда на разсмотрѣніе дѣла, которыя по его мнѣнію того потребуютъ. Но, если бы пришлось вносить въ совѣтъ всякое дѣло, то это потребовало бы много времени, замедлило бы ходъ управленія и затруднило бы министровъ, которые, кромѣ того, подлежатъ важной отвѣтственности». Государь согласился и съ этимъ доводомъ.

Наконецъ, въ засѣданіи 12 мая 1802 г., при обсужденіи указа объ учрежденіи министерствъ, члены комитета снова высказали мысль, одобренную и государемъ, что «всякая новая мѣра должна разсматриваться въ комитетѣ министровъ».

Такимъ образомъ, изъ сказаннаго видно, что съ точки зрѣнія членовъ неоффиціальнаго комитета, къ которой присоединился и государь, вновь проектированный комитетъ министровъ долженъ былъ (выражаясь словами редактора разсматриваемаго нами изданія) явиться такимъ учрежденіемъ, въ которомъ всѣ новыя распоряженія или предположенія отдѣльныхъ министровъ, предварительно представленія ихъ на Высочайшее утвержденіе, подвергались бы совокупному со стороны всѣхъ министровъ обсужденію, для достиженія полнаго по отношенію къ нимъ соглашенія всѣхъ вѣдомствъ, и который вмѣстѣ съ тѣмъ служилъ бы гарантіей противъ возможности нарушенія отдѣльными министрами путемъ единоличныхъ докладовъ необходимаго единства въ направленіи и образѣ дѣйствій правительства. Въ этомъ стремленіи къ установленію солидарности въ дѣйствіяхъ и распоряженіяхъ отдѣльныхъ органовъ правительственной власти и къ централизаціи этой власти заключается вся сущность совершившагося въ то время административнаго переустройства; эти два начала—централизація власти и единство ея дѣйствій—должны считаться главнѣйшими основами вновь введенной системы министерскаго управленія (журналы комитета министровъ, стр. 9).

Если мы обратимся къ манифесту 8 сентября 1802 г. объ учрежденіи министерствъ, явившемуся продуктомъ дѣятельности неоффиціальнаго комитета, то убѣдимся въ истинности только что приведеннаго мнѣнія, хотя и не вполнѣ исчерпывающаго задачи комитета. На основаніи ст. 15 манифеста «всѣ министры суть члены совѣта», который «не иначе приступаетъ къ разсмотрѣнію дѣлъ, какъ въ присутствіи по меньшей мѣрѣ 5 министровъ»; «дѣла же обыкновенныя трактуются въ комитетѣ, составленномъ единственно изъ нихъ» (т. е. министровъ). Затѣмъ на основаніи ст. 10 и 11 манифеста выясняется еще другое назначеніе

комитета, а именно, въ случаѣ представленія государю со стороны кого либо изъ министровъ доклада, осуществленіе котораго на практикѣ сопряжено «съ отмѣною существующихъ законовъ» или вызоветъ необходимость изданія «новыхъ узаконеній», «каждый министръ, прежде поднесенія государю таковаго доклада, долженъ предварительно его предложить прочимъ министрамъ для надлежащаго соображенія со всѣми государственными частями». Такимъ образомъ, задача комитета заключалась: во 1-хъ, въ разсмотрѣніи «дѣлъ обыкновенныхъ», къ сожалѣнію, болѣе точно не опредѣленныхъ манифестомъ, и, во 2-хъ, въ «соображеніи со всѣми государственными частями» министерскихъ докладовъ, имѣющихъ цѣлью видоизмѣненіе существующаго законодательства. Почтенный редакторъ разсматриваемаго изданія, какъ мы видѣли, опредѣляя задачи комитета, обращаетъ вниманіе только на дѣятельность его во второмъ направленіи, совершенно игнорируя тотъ фактъ, что, кромѣ функцій въ этомъ «второмъ направленіи», комитетъ былъ еще обязанъ заниматься «дѣлами обыкновенными», какъ выражался манифестъ, или «текущими», а также «требовавшими особенной тайны», какъ называли эти дѣла члены неоффиціальнаго комитета. Давъ такое, не совсѣмъ соотвѣтствующее дѣйствительности опредѣленіе задачамъ комитета, редакторъ разсматриваемаго изданія высказываетъ еще одно мнѣніе, съ которымъ также трудно согласиться. А именно, выяснивъ положеніе комитета по манифесту 8 сентября, онъ заявляетъ, что «такимъ образомъ комитетъ не былъ *особымъ государственнымъ установленіемъ*, но лишь собраніемъ министровъ». Не говоря уже о томъ, что это мнѣніе находится въ противорѣчіи съ высказаннымъ на стр. 9, гдѣ комитетъ называется «учрежденіемъ», позволительно спросить, что же такое «собраніе министровъ» и почему оно не можетъ быть подведено подъ понятіе «государственнаго установленія», разъ оно обладаетъ извѣстнымъ юридическимъ положеніемъ, т. е. разъ опредѣленъ въ законѣ его составъ, организація, компетенція и отношенія къ другимъ учрежденіямъ? Намъ кажется, что въ данномъ случаѣ редакторъ разсматриваемаго изданія слишкомъ довѣрился словамъ Сперанскаго, относительно комитета министровъ, а именно, что «комитетъ не былъ ни мѣсто, ни особое установленіе — онъ былъ только образъ доклада» (см. Архивъ историческихъ и практическихъ свѣдѣній, относящихся до Россіи, Калачова 1859 г., № 5). Но приведенное опредѣленіе комитета, хотя и данное такимъ авторитетомъ въ этомъ дѣлѣ, какъ Сперанскій, не можетъ быть принято, въ виду несоотвѣтствія его съ постановленіями манифеста 8 сентября и съ мнѣніями, высказанными въ неоффиціальномъ комитетѣ при обсужденіи названнаго манифеста.

Два дня спустя послѣ своего учрежденія, комитетъ министровъ, въ составѣ всѣхъ своихъ членовъ, т. е. министровъ, ихъ товарищей и государственнаго казначея, имѣлъ первое свое засѣданіе, спеціально назначенное для выслушанія манифеста 8 сентября и для разработки основаній и правилъ будущихъ своихъ собраній. Между прочимъ, въ этомъ же за-

сѣданіи комитетъ постановилъ «всеподданнѣйше испросить у Его Императорскаго Величества, не благоугодно ли будетъ Ему удостоить комитетъ министровъ своимъ присутствіемъ», что имѣло, какъ увидимъ ниже, огромное значеніе въ исторіи комитета, служа факторомъ увеличенія его власти и сконцентрированія въ немъ всѣхъ важныхъ государственныхъ дѣлъ.

Государь согласился съ постановленіемъ комитета и рѣдко когда не посѣщалъ его засѣданій. Такъ, въ 1802 г. изъ 23 засѣданій—20 происходили въ присутствіи государя; въ 1803 г. императоръ Александръ присутствовалъ на всѣхъ 42 засѣданіяхъ, бывшихъ въ томъ году; въ 1804 г. изъ 31 засѣданія только 5 происходило безъ государя, и т. д. Несмотря однако на это, первыя правила, регулирующія дѣятельность комитета, были изданы въ 1805 г. Онѣ, въ сущности говоря, только формально утвердили то, что было выработано практикою. Правила были изданы по случаю отъѣзда государя изъ Петербурга. Въ нихъ мы находимъ опредѣленіе предметовъ вѣдомства комитета, а именно, дѣла, подлежащія разсмотрѣнію послѣдняго, были раздѣлены на три категоріи: а) «дѣла, по которымъ министры обязаны были подносить всеподданнѣйшіе доклады; б) изъ текущихъ тѣ, которыя угодно будетъ государю особымъ повелѣніемъ къ тому назначить, и в) которыя министры для разрѣшенія собственныхъ сомнѣній сочтутъ за нужное туда представить». Кромѣ того, комитету было предоставлено во время отсутствія государя изъ Петербурга «давать подъ отвѣтственностью всѣхъ его членовъ разрѣшеніе министрамъ на исполненіе не терпящихъ отлагательства мѣръ, не испрашивая на то Высочайшаго соизволенія».

Названными правилами установлялся также порядокъ дѣлопроизводства въ комитетѣ. Онъ былъ очень простъ, такъ какъ комитетъ не имѣлъ своей канцеляріи. Каждому засѣданію велся краткій журналъ, что было возложено на одного изъ товарищей министра. Журналъ подписывался всѣми членами комитета и представлялся на утвержденіе государя. Предсѣдателемъ считался государь, а въ его отсутствіе «министры, начиная со старшаго въ чинѣ, по очереди, каждый, въ теченіи 4 собраній комитета, занимаютъ въ ономъ первое мѣсто». Дѣла рѣшались большинствомъ голосовъ.

Въ 1808 г., по случаю отъѣзда императора Александра въ Эрфуртъ, комитету даны были новыя правила, еще болѣе расширившія предѣлы его власти. Этими правилами повелѣно было, чтобы «на время Высочайшаго отсутствія, комитетъ министровъ, кромѣ обыкновенно подлежавшихъ его вѣдѣнію дѣлъ, имѣлъ также въ особомъ своемъ попеченіи дѣла той части высшей полиціи, которой цѣль есть сохраненіе всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и обезпеченія народнаго продовольствія». Вслѣдствіе этого, всѣ вѣдомства должны были представлять комитету свѣдѣнія, относящіяся до благосостоянія и безопасности государства, причемъ принятіе чрезвычайныхъ, нетерпящихъ отлагательства мѣръ въ

этомъ отношеніи было предоставлено собственной власти комитета. Кромѣ того, къ дѣламъ, подлежащимъ его разсмотрѣнію, были отнесены также тѣ текущія дѣла, «кои министры въ докладные ихъ дни обыкновенно представляютъ Его Величеству для полученія Высочайшихъ резолюцій». Затѣмъ, на засѣданія комитета разрѣшено было приглашать постороннихъ лицъ (губернаторовъ, оберъ-полицеймейстера, начальниковъ разныхъ вѣдомствъ и т. п.) «для объясненія и совокупнаго соображенія того дѣла, по которому кто приглашается».

Изъ всего сказаннаго видно, что положеніе комитета министровъ, хотя и было неоднократно опредѣлено закономъ, начиная съ манифеста 1802 г. и кончая правилами 1808 г., въ сущности оставалось крайне неопредѣленнымъ. Въ особенности этой неопредѣленностью отличалась компетенція разсматриваемаго учрежденія. Какъ «дѣла обыкновенныя» манифеста 1802 г., такъ и различныя «категоріи дѣлъ» правилъ 1805 и 1808 гг. требовали дальнѣйшаго разъясненія въ законодательномъ порядкѣ, тѣмъ болѣе, что рядомъ съ комитетомъ функціонировали еще сенатъ и непремѣнный совѣтъ, въ составъ компетенціи которыхъ также входило вѣдѣніе различныхъ «дѣлъ», почти совершенно не разграниченныхъ отъ «дѣлъ» комитета. Между тѣмъ, несмотря на эту юридическую неопредѣленность своего положенія, комитетъ министровъ вскорѣ занялъ вполнѣ опредѣленное въ фактическомъ отношеніи мѣсто, чему главнымъ образомъ способствовало постоянное присутствіе государя на его засѣданіяхъ. Не будучи ограниченъ въ своей дѣятельности никакими законодательными предѣлами и благодаря присутствію государя на его засѣданіяхъ, комитетъ въ самомъ скоромъ времени сталъ средоточіемъ всего государственнаго управленія и «верховнымъ мѣстомъ имперіи», узурпировавъ такимъ образомъ права сената и совѣта. Власть и значеніе этихъ послѣднихъ превратились въ ничто, тѣмъ болѣе, что министры, получивъ возможность дѣйствовать на основаніи Высочайшихъ повелѣній, этимъ самымъ освободились изъ подъ контроля и надзора сената, какъ то было установлено указомъ о правахъ и обязанностяхъ сената 1802 г. Такое ненормальное положеніе комитета вызывало сѣтованія со стороны не только такихъ принципіальныхъ противниковъ министерскаго управленія, какъ Трощинскій и Карамзинъ, но и со стороны такого приверженца названнаго управленія, какъ Сперанскій. «Всѣ принятыя въ манифестахъ 1802 года Его Императорскимъ Величествомъ къ ограниченію власти министровъ мѣры, писалъ Трощинскій, сдѣлались недѣйствительными. Правительствующій сенатъ, возстановленный во всѣхъ его правахъ, лишился способа дѣйствовать во всѣхъ его частяхъ, кромѣ судебной; самыми сильными сенаторами по своему вліянію были министры» (Сборн. Русск. Истор. Общ., т. III, стр, 40 и 42). Еще болѣе рѣзко о власти министровъ выражался Карамзинъ въ своей запискѣ о древней и новой Россіи, представленной имъ императору Александру I. Что же касается Сперанскаго, то свои воззрѣнія по этому предмету онъ

высказалъ въ статьѣ о государственныхъ установленіяхъ (Архивъ Калачова 1859 г., № 5, стр. 43). Говоря объ организаціи министерствъ на основаніи манифеста 1802 г., онъ замѣчаетъ, что «три главныя неудобства опытомъ обнаружены въ семъ установленіи: 1) смѣшеніе дѣлъ и власти между сенатомъ и министерствами. Какое мѣсто въ порядкѣ государственныхъ установленій должны были занимать министерства? Съ одной стороны они равнялись сенату, ибо независимо отъ него управляли и получали Высочайшія разрѣшенія. Съ другой — они были подчинены сенату и по отчетамъ и потому, что стояли на той же чредѣ, гдѣ были прежнія коммиссіи и потому, что сенатъ, яко установленіе правительствующее, оставленъ былъ въ своей силѣ. Если же они были равны сенату, то они или первый департаментъ сената были излишни, ибо и въ нихъ и въ семъ департаментѣ дѣла были однородныя. Если они подчинены были сенату, то отъ него или черезъ него должны были получать окончательныя разрѣшенія; 2) причины, по коимъ прежнія коллегіи были введены въ составъ министерствъ и отмѣнены коллегіальные обряды, были весьма уважительны, но если симъ преобразованіемъ, съ одной стороны, усилены скорость и единство управленія, то съ другой—ничѣмъ не прегражденa самопроизвольность дѣйствій и неудостовѣрена зрѣлость соображеній; 3) неопредѣленность власти и недостатокъ отвѣтственности. По общему закону министръ не можетъ дать никакого разрѣшенія въ поясненіе или дополненіе существующихъ правилъ. Отсюда необходимость испрашивать на всѣ случаи, даже и маловажные, Высочайшихъ повелѣній; получивъ же сіи послѣднія, отвѣтственность министра становится не только излишнею, но даже и невозможною».

Столь ненормальное положеніе государственныхъ учрежденій вообще и комитета министровъ въ частности вынудило правительство императора Александра приступить къ реформамъ. Дѣйствительно, съ учрежденіемъ Государственнаго Совѣта въ 1810 г., съ преобразованіемъ министерствъ въ 1811 и 1812 гг. и съ изданіемъ «учрежденія комитета министровъ» 1812 г. прекратилась неопредѣленность положенія высшихъ органовъ управленія и дѣятельность комитета министровъ была введена въ очерченные закономъ предѣлы, но разсмотрѣніе этого періода въ исторіи комитета не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ документы, относящіеся до него, еще не опубликованы и составятъ второй томъ разсматриваемаго изданія.

II.

Матеріаломъ для выясненія дѣйствительнаго значенія комитета министровъ и характера дѣятельности въ первый періодъ его существованія (читаемъ въ разсматриваемомъ изданіи) служатъ не столько тѣ формальныя и довольно неопредѣленныя постановленія, которыя положены

были въ основаніе устройства комитета, сколько самое содержаніе вопросовъ и дѣлъ, поступавшихъ въ теченіе означеннаго періода на разсмотрѣніе комитета и показывающихъ его фактическую компетенцію. Время съ 8 сентября 1802 г. и до 1 января 1810 г. составляетъ совершенно особый въ исторіи комитета періодъ, въ продолженіе котораго значеніе комитета достигло наибольшей степени развитія, а предметы его вѣдомства отличались наибольшимъ разнообразіемъ. Ближайшее разсмотрѣніе журналовъ комитета показываетъ, что компетенція его, не имѣя ясно очерченныхъ предѣловъ, обнимаетъ въ это время самые разнородные предметы и задачи. Наряду съ важнѣйшими вопросами высшей государственной, финансовой и даже дипломатической и военной политики, на обсужденіе или для свѣдѣнія комитета представлялись и разныя второстепенныя по значенію предположенія и распоряженія отдѣльныхъ министровъ, а также чрезъ нихъ и предположенія мѣстныхъ представителей правительственной власти. Кромѣ того, въ комитетѣ сосредоточивалось разсмотрѣніе подносимыхъ на Высочайшее имя прошеній и жалобъ. Словомъ, комитетъ въ началѣ своего существованія совмѣщалъ въ себѣ одновременно значеніе и законодательнаго учрежденія, и совѣта министровъ, и коммиссіи прошеній, и высшей административной инстанціи, а въ нѣкоторыхъ случаяхъ даже и судебной власти (стр. 55).

Разсмотримъ въ отдѣльности разнообразную дѣятельность комитета. Хотя на основаніи манифеста 1802 г. и правилъ 1805 и 1808 гг. названное учрежденіе должно было фигурировать исключительно въ качествѣ административнаго органа, подчиненнаго на основаніи указа о правахъ и обязанностяхъ сената этому послѣднему, «яко верховному мѣсту имперіи», однако на практикѣ комитетъ въ самомъ скоромъ времени присвоилъ себѣ даже законодательныя функціи, что уже являлось ни съ чѣмъ несообразнымъ. Дѣло въ томъ, что въ это время для отправленія законодательныхъ функцій существовало особое учрежденіе, организованное по мысли Трощинскаго 30 марта 1801 г. Мы говоримъ о «непремѣнномъ» совѣтѣ, учрежденномъ имп. Александромъ взамѣнъ прежняго «императорскаго» совѣта, созданнаго еще Екатериной II и пришедшаго въ состояніе крайняго упадка при имп. Павлѣ. На обязанности непремѣннаго совѣта, согласно съ наказомъ, данномъ ему 5 апрѣля 1801 г., было «обсужденіе» и «уваженіе» дѣлъ государственныхъ, «составляющихъ все то, что принадлежитъ къ постановленіямъ *временнымъ* или *кореннымъ* и *непреложнымъ*». Подъ временными же постановленіями разумѣлись тѣ, «кои опредѣляютъ какое либо обстоятельство государственное, по существу своему перемѣнѣ подлежащее, напр., воспрещеніе или разрѣшеніе извѣстнаго рода торговли, наложеніе пошлины, установленіе тарифа, разныя учрежденія по строительной части и пр.; сюда же относятся всѣ трактаты и постановленія, заключаемыя съ иностранными державами». Напротивъ, коренныя и непреложныя постановленія «суть тѣ, коихъ предметы постоянны и непремѣнны и которыя

объемлютъ въ себѣ всѣ времена и узаконяются на вѣки, таковы: грамота дворянству, городовое положеніе, особенныя привиллегіи городамъ и мѣстамъ, навсегда даруемыя, общіе гражданскіе законы и т. п. установленія». Иначе говоря, подъ «временными постановленіями» понимаются административныя распоряженія, подъ «коренными» и «непреложными» же — законодательные акты. Опредѣливъ такимъ образомъ *законодательный* характеръ непремѣннаго совѣта, наказъ неоднократно возвращается къ этому, постоянно подчеркивая тотъ фактъ, что «дѣла, порученныя совѣту, относятся главнымъ образомъ *къ части законодательной*, исполнительная же предоставляется сенату и мѣстамъ, ему подвластнымъ» (Даневскій, Исторія образованія государственнаго совѣта, стр. 46—49). И однако, несмотря на это, комитетъ, благодаря постоянному присутствію въ немъ государя и вслѣдствіе крайней неопредѣленности своего положенія въ юридическомъ отношеніи, вскорѣ присвоилъ себѣ законодательныя функціи и, узурпировавъ такимъ образомъ права совѣта, оставилъ за послѣднимъ только одну тѣнь власти и значенія.

Уже съ самаго начала своей дѣятельности комитетъ занялся разрѣшеніемъ многихъ вопросовъ, относившихся до организаціи государственныхъ учрежденій и до устройства разныхъ сторонъ государственнаго управленія, т. е. вопросовъ вполнѣ законодательнаго свойства и подлежавшихъ, въ силу этого, вѣдѣнію непремѣннаго совѣта. Такъ, продуктомъ дѣятельности комитета явились штаты департаментовъ многихъ министровъ, новыя положенія мануфактуръ-коллегіи, главной соляной конторы, экспедиціи государственнаго хозяйства, медицинскаго совѣта и т. д., уставы многихъ учебныхъ заведеній, напр., училища корабельной архитектуры, горнаго и лѣснаго училищъ и т. д. Кромѣ того, продуктомъ законодательной дѣятельности комитета были такіе законы, какъ указы объ устройствѣ крестьянъ, уволенныхъ помѣщиками въ свободные землепашцы, постановленія о порядкѣ описи и отдѣленія крестьянскихъ лѣсовъ отъ казенныхъ, постановленія о переселенцахъ и колонистахъ, постановленія о правахъ старообрядцевъ и т. п. Наконецъ, въ комитетѣ состоялось также не мало узаконеній, относившихся до мѣстнаго управленія, и т. д.

Лучшей иллюстраціей сказаннаго относительно законодательной дѣятельности комитета можетъ служить изложеніе содержанія журнала засѣданія отъ 3 февраля 1809 г. Въ этомъ засѣданіи комитету по иниціативѣ государя была предложена цѣлая программа вопросовъ по разнымъ частямъ управленія, разрѣшеніе которыхъ могло произойти не иначе, какъ въ законодательномъ порядкѣ. Первый вопросъ касался изданія закона, долженствовавшаго регулировать порядокъ принятія и разсмотрѣнія жалобъ на губернскія начальства. Въ мотивахъ къ изданію этого закона выставлялась необходимость гарантировать ненарушеніе интересовъ жалобщиковъ со стороны губернаторовъ путемъ объясненій послѣднихъ на

жалобы. Предполагалось впредь постановить, чтобы подобныя объясненія представлялись не иначе, какъ за подписью всѣхъ членовъ губернскаго правленія и за скрѣпою секретаря. Второй вопросъ касался учрежденія волостныхъ правленій, благодаря которымъ являлась возможность устраненія злоупотребленій и притѣсненій, происходившихъ отъ самовластныхъ дѣйствій и распоряженій земскихъ судовъ и исправниковъ. Функціи волостныхъ правленій должны были состоять, во-первыхъ, въ завѣдываніи всѣми казенными и земскими сборами, во-вторыхъ, въ отправленіи словеснаго суда, и, въ-третьихъ, въ изданіи полицейскихъ распоряженій касательно «внутренняго распорядка квартиръ, починки дорогъ и мостовъ, распорядка въ пожарахъ» и т. п. «Все сіе нынѣ, читаемъ въ журналѣ засѣданія, правится сотскими, бурмистрами и головами безъ всякихъ правилъ, по единому произволу исправника, который назначаетъ и отрѣшаетъ всѣхъ по своему усмотрѣнію. Хотя же для обряду и дѣлаются мірскіе выборы, но порядочные люди отъ нихъ отклоняются, зная, что староста есть только орудіе самовластія и притѣсненій исправника и всегда долженъ быть виноватъ или предъ нимъ, или предъ міромъ. Учредивъ сіи правленія и давъ имъ приличную степень власти, должно будетъ постановить, чтобъ нигдѣ и ни въ какомъ случаѣ земскіе суды не имѣли къ крестьянамъ прикосновенія иначе, какъ посредствомъ ихъ правленій». Третій вопросъ касался мірскихъ сборовъ, причемъ, предлагая его на разрѣшеніе комитета, государь снова имѣлъ въ виду интересы крестьянъ. «Видимый предлогъ сихъ сборовъ, читаемъ въ журналѣ, есть содержаніе при судахъ сотскихъ и разсыльщиковъ, починка и постройка общественныхъ зданій и т. п., а истинный предметъ—пріемъ, угощеніе и подарки земскимъ чиновникамъ. Расходы сіи не подчинены никакому правилу и никѣмъ не ревизуются, а составляютъ въ тягость народу многія сотни тысячъ. Были дѣла, когда тетради таковыхъ расходовъ являлись наружу и тутъ открывались великія злоупотребленія. При установленіи волостныхъ правленій не трудно будетъ и сіи расходы привести въ порядокъ и подчинить ихъ надлежащей ревизіи». Четвертый вопросъ касался земской стражи, причемъ государь, опять имѣя въ виду интересы крестьянъ, предлагалъ комитету уничтожить повинность содержанія стражи со стороны деревень, возложивъ ее на губерніи. «Учрежденіе сіе, сказано здѣсь, во всѣхъ почти просвѣщенныхъ государствахъ давно уже существующее, будетъ совершеннымъ для поселянъ благодѣяніемъ, когда сложится съ нихъ бремя провожанія колодниковъ и подобные сему наряды». Пятый вопросъ затрогивалъ жалобы по дѣламъ суднымъ, предлагая нѣкоторыя реформы въ области апелляціоннаго судопроизводства. Шестой предлагалъ заняться исправленіемъ рекрутскаго устава. «Съ 1801 г., читаемъ здѣсь, дѣломъ симъ особенно занимались и главная часть его приведена была къ концу, но, бывъ доставлена въ нѣкоторыя губерніи для опыта, понынѣ дѣйствія своего не воспріяла; нужно дѣлу сему дать движеніе и назначить срокъ

его окончанія». Седьмой вопросъ касался сельскихъ магазиновъ, причемъ государь высказалъ свое желаніе «дѣло сіе такъ устроить, чтобъ оно было не въ отягощеніе, но въ дѣйствительную подмогу поселянамъ». Восьмой вопросъ касался дорогъ, причемъ государь энергично настаивалъ на необходимости выработки «общаго плана дорожнаго управленія», такъ какъ «часть сія у насъ, можно сказать, почти не существуетъ, какъ только по имени». Девятый вопросъ относился до суда надъ чиновниками, который предполагалось раздѣлить на два вида: на судъ дисциплинарный и судъ уголовный. «Всѣ уголовныя палаты, сказано въ мотивахъ реформы, наполнены дѣлами въ упущеніи должностей разныхъ низшихъ чиновниковъ. Дѣла сіи тянутся, длятся и большею частію кончаются или оправданіемъ, или штрафомъ, или же отрѣшеніемъ. За всякую вину, за всякій проступокъ судъ. Отъ сего суды сдѣлались не страшны и только убыточны. Между тѣмъ служба терпитъ: половина чиновниковъ, бывъ удалена отъ должностей, мѣста ихъ остаются праздными или занимаются кандидатами, кои, не проча себѣ мѣстъ и пополняя ихъ противъ воли, стараются только отбывать, а не отправлять службу». Въ виду подобнаго порядка вещей государь предлагалъ рядомъ съ уголовнымъ судомъ создать особый «судъ исправленія» изъ губернатора, двухъ предсѣдателей палатъ и прокурора, въ составъ юрисдикціи котораго должно войти вѣдѣніе мелкихъ проступковъ чиновниковъ въ дисциплинарномъ отношеніи. Десятый вопросъ касался уравненія земскихъ повинностей. Въ мотивахъ къ этой реформѣ снова выступаетъ забота объ интересахъ низшихъ разрядовъ населенія. «При умѣренности общихъ казенныхъ податей, читаемъ здѣсь, обыватели нѣкоторыхъ губерній крайне отягощаются земскими повинностями. Сборъ сей не уравнительный и большею частію отъ произвольнаго мѣстнаго распорядка зависящій, простирается по государству до многихъ милліоновъ, безъ всякаго почти общаго счета и соображенія. Губерніи обильныя и многолюдныя подвержены ему несравненно менѣе, нежели скудныя. Отъ сего бѣдность обывателей въ сихъ послѣднихъ возрастаетъ. Свѣдѣнія давно уже собираются и, вѣроятно, собраны, но время протекаетъ, а дѣло сіе, въ отношеніи народныхъ нуждъ весьма важное, къ концу не приходитъ. Нужно дать ему движеніе, назначить самый краткій и послѣдній срокъ его окончанію». Одиннадцатый вопросъ, объ измѣненіи экономическаго управленія казенныхъ крестьянъ, предлагаетъ ввести въ этой области порядокъ, введенный въ удѣльныхъ имѣніяхъ. Наконецъ, двѣнадцатый вопросъ касается видоизмѣненія системы погашенія государственнаго долга, причемъ государь высказывается за примѣненіе теоріи постепеннаго погашенія долга, въ виду «ясности» и «освѣщенія примѣрами и практикой, принятой во всѣхъ просвѣщенныхъ государствахъ».

Намъ неизвѣстно, какъ отнесся комитетъ министровъ къ разсмотрѣннымъ вопросамъ и какія резолюціи положилъ онъ по поводу ихъ. Но это въ сущности не важно, такъ какъ главная наша задача состояла въ

томъ, чтобъ показать, въ чемъ выразилась дѣятельность комитета въ качествѣ законодательнаго учрежденія и иллюстрировать нашу мысль о важности его значенія въ этомъ отношеніи надлежащими примѣрами.

Являясь въ качествѣ законодательнаго органа, комитетъ былъ въ то же время и высшимъ административно-исполнительнымъ учрежденіемъ, сосредоточивая въ себѣ всѣ административныя функціи въ государствѣ. Какъ въ области законодательства онъ узурпировалъ права непремѣннаго совѣта, такъ въ области управленія онъ узурпировалъ права сената, ставшаго «правительствующимъ» только по имени. Освободившись изъ подъ контроля и надзора сената, благодаря Высочайшимъ повелѣніямъ, на основаніи которыхъ министры получили возможность дѣйствовать, комитетъ вскорѣ сталъ во главѣ всей администраціи въ государствѣ и фактически превратился въ «верховное мѣсто имперіи». Не ошибаясь можно сказать, что ни одна отрасль, ни одна сторона управленія не избѣгла его вліянія и не получила возможности находиться внѣ сферы этого послѣдняго.

Для иллюстраціи нашей мысли снова обратимся къ фактамъ, которые имѣются въ изобиліи въ разсматриваемомъ изданіи.

Въ составъ компетенціи комитета входило вѣдѣніе дѣлъ, относившихся не только до внутренней, но и до внѣшней политики, что уже одно можетъ служить показателемъ его власти въ эту эпоху. Въ журналахъ его засѣданій имѣется не мало подобныхъ дѣлъ. Такъ, 7 октября 1802 г. государственный канцлеръ графъ Воронцовъ прочелъ «для свѣдѣнія» комитета два письма короля сардинскаго Виктора-Эммануила къ императору Александру, въ которыхъ онъ проситъ оказать ему поддержку и защиту противъ притѣсненій перваго консула французской республики Бонапарте. Одновременно съ этимъ графъ Воронцовъ представилъ проектъ отвѣтнаго письма государя на ту часть письма короля сардинскаго, въ которой онъ проситъ у императора Александра совѣта, что ему предпринять, и, за невозможностью возвратиться въ Туринъ, какое избрать мѣсто жительства. Государь предлагалъ королю сардинскому поселиться на время въ предѣлахъ Россіи, предоставляя на его усмотрѣніе избрать себѣ мѣстомъ пребыванія или Митаву или Кіевъ. Комитетъ единогласно одобрилъ представленный ему проектъ письма.

Въ томъ же году, нѣсколько мѣсяцевъ спустя, комитетъ разсматривалъ одинъ изъ пограничныхъ инцидентовъ, возникшій на шведско-русской границѣ и чуть не вовлекшій оба государства въ войну. Въ чемъ состоялъ этотъ инцидентъ, изъ журнала не видно; можно только понять, что рѣчь шла о какомъ то «опрометчивомъ поступкѣ» шведскаго короля относительно «моста и острововъ», нарушившемъ положеніе вещей, существовавшее въ продолженіи 59 лѣтъ и бывшемъ въ несоотвѣтствіи ни «со славой государя императора», ни «съ честью и достоинствомъ россійскаго народа». Послѣ долгихъ преній, комитетъ большинствомъ голосовъ (въ меньшинствѣ были Воронцовъ, Кочубей, Мордвиновъ и

Румянцевъ) постановилъ послать шведскому королю ультиматумъ, въ которомъ «потребовать» и «настоять», чтобы шведскій король «далъ съ своей стороны повелѣнія поставить дѣло немедленно въ то положеніе, въ которомъ оно до сего времени черезъ цѣлые 59 лѣтъ находилось» и одновременно съ этимъ «сдѣлать нѣкоторыя военныя оказательства, объявивъ нѣсколькимъ полкамъ походъ въ россійскую Финляндію».

Для иллюстраціи дѣятельности комитета въ области внѣшней политики приведемъ еще одинъ примѣръ. 27 октября 1809 г. графъ Воронцовъ внесъ въ комитетъ письмо императора Наполеона къ императору Александру изъ Вѣны, въ которомъ первый извѣщаетъ послѣдняго, что «мирные переговоры между Франціею и Австріею приведены почти къ окончанію» и что «онъ примиряется съ императоромъ Францемъ вообще на самыхъ умѣренныхъ условіяхъ, зная, что сіе послужитъ къ благоугодности Его Величества». Одновременно съ этимъ письмомъ гр. Воронцовъ внесъ также и письмо, полученное имъ отъ французскаго министра иностранныхъ дѣлъ графа Шампальи съ приложеніемъ копіи съ трактата между Франціей и Австріей. Въ этомъ письмѣ Шампальи писалъ, что его государь (т. е. Наполеонъ) «не только не намѣренъ питать надежды о возстановленіи бывшаго королевства Польскаго и не имѣетъ о томъ никакого помышленія, но расположенъ даже содѣйствовать, дабы память онаго изгладилась въ умахъ прежнихъ польскихъ подданныхъ и что императоръ Наполеонъ, согласуясь, чтобы названіе Польши и поляковъ уничтожилось не только въ публичныхъ актахъ, но и въ самой исторіи, употребитъ всякое со стороны своей содѣйствіе, дабы укоренить между жителями бывшей Польши тишину, спокойствіе и повиновеніе властямъ существующимъ». По прочтеніи этихъ писемъ гр. Воронцовъ заявилъ, что «основываясь на столь положительныхъ увѣреніяхъ о расположеніи французскаго императора, онъ не сомнѣвается, что Франція не замедлитъ приступить къ особому съ нами постановленію, по которому навсегда изчезнутъ надежды и мечты людей легкомысленныхъ о возстановленіи королевства Польскаго и пресѣкутся всѣ нелѣпыя о томъ разглашенія».

Въ ближайшей связи съ дѣлами внѣшней политики стояло завѣдываніе дѣлами военными. Эти послѣднія могутъ быть раздѣлены на три категоріи: 1) дѣла военно-административныя, 2) дѣла военно-хозяйственныя и 3) вопросы, относящіеся до военныхъ дѣйствій. Къ первой категоріи принадлежатъ дѣла объ административномъ устройствѣ разныхъ частей арміи. Такъ, въ засѣданіи 26 сентября 1802 г. комитетъ одобрилъ докладъ военнаго министра о составѣ чиновъ донскаго войска, о службѣ и окладахъ содержанія его, причемъ призналъ необходимымъ увеличить число полковъ. Въ 1807 г. въ комитетѣ были разсмотрѣны предположенія оренбургскаго военнаго губернатора о преобразованіи уральскаго войска. Но комитетъ не согласился со взглядами губернатора и нашелъ болѣе удобнымъ ограничиться принятіемъ нѣкоторыхъ времен-

ныхъ мѣръ по отношенію къ войсковой организаціи, а именно назначить особаго войсковаго начальника и содержать внѣ войска два полка въ отдаленныхъ отъ Уральска мѣстахъ. Къ этой же категоріи дѣлъ должны быть отнесены дѣла о рекрутскомъ наборѣ и вообще о порядкѣ исполненія рекрутской повинности. Наконецъ, сюда же долженъ быть отнесенъ цѣлый рядъ мѣръ касательно постройки казармъ и постойной повинности.

Что касается до второй категоріи дѣлъ, то они имѣли своимъ предметомъ военное хозяйство, т. е. касались порядка и условій заготовленія различныхъ припасовъ и матеріаловъ для арміи и флота, какъ то: провіанта и фуража, аммуничныхъ вещей, а равно и оружія.

Наконецъ, комитетъ былъ уполномоченъ принимать участіе въ обсужденіи и разрѣшеніи вопросовъ, относившихся до военныхъ дѣйствій. Такъ, во время войны со Швеціей высочайшимъ рескриптомъ отъ 31 августа 1808 г. было предоставлено военному министру «распечатывать донесенія о военныхъ дѣйствіяхъ, получаемыя изъ финляндской арміи и вносить ихъ къ свѣдѣнію въ комитетъ министровъ, дабы послѣдній могъ въ случаяхъ, не терпѣвшихъ замедленія, дѣлать, въ ожиданіи Высочайшаго разрѣшенія (государь былъ въ это время въ Эрфуртѣ), общее свое заключеніе подъ собственною своею отвѣтственностью». Въ силу этого рескрипта рѣдкое изъ засѣданій комитета въ сентябрѣ и октябрѣ 1808 г. проходило безъ чтенія донесеній и рапортовъ изъ дѣйствующей арміи и безъ соотвѣтствующихъ распоряженій комитета. Приведемъ одинъ изъ примѣровъ дѣятельности комитета въ этомъ направленіе. Въ засѣданіи 25 сентября комитету было доложено о заключеніи перемирія между главнокомандующимъ русскихъ войскъ графомъ Буксгевденомъ и шведскимъ фельдмаршаломъ Клингспорномъ. Члены комитета единогласно осудили заключеніе этого перемирія и основываясь на томъ: 1) «что армія фельдмаршала Клингспорна находится въ разстроенномъ состояніи»; 2) что Клингспорнъ «предложилъ перемиріе тогда, какъ отретировавшись у Гамле-Карлеби за широкую рѣку и истребя на оной всѣ переправы, устроилъ батареи и избралъ лучшую позицію, что еще болѣе доказываетъ разстроенное его положеніе»; 3) что «предполагаемую выгоду отъ перемирія мы уже имѣемъ, ибо Тайваса еще 18 сентября нами занята, а 20 числа войска генерала Тучкова находились у Алапитки» и 4) «что единственный способъ къ прекращенію военныхъ дѣйствій въ Финляндіи есть быстрое движеніе корпуса генерала Тучкова къ Улеаборгу, дабы отрѣзать ретираду остатковъ арміи Клингспорна, которая во время перемирія можетъ отступить за воды улеаборгскія и быть намъ опять вредною», постановили: «объявить именемъ его величества графу Буксгевдену, чтобы онъ перемиріе немедленно разрушилъ и причиненную онымъ въ дѣйствіяхъ остановку вознаградилъ бы поспѣшнымъ движеніемъ корпуса ген. Тучкова». Одновременно съ этимъ комитетъ рѣшилъ послать пять батальоновъ войскъ въ видѣ подкрѣпленія Буксгевдену. Однако послѣд-

ній, получивъ предписаніе комитета, рѣшилъ настаивать на продолженіи перемирія, ссылаясь на недостатокъ продовольствія и на утомленіе войскъ. Тогда комитетъ въ засѣданіи 4 октября снова подтвердилъ свое прежнее рѣшеніе и постановилъ объявить гр. Буксгевдену, «чтобы онъ не отступалъ отъ Высочайшаго повелѣнія, объявленнаго ему о прекращеніи перемирія, замѣтивъ ему, что дѣйствія арміи нашей въ Финляндіи нужны и потому, что союзныя датскія войска начали уже также наступательныя дѣйствія изъ Норвегіи къ Стокгольму». Получивъ это предписаніе, Буксгевденъ подалъ въ отставку, которая и была принята комитетомъ. На его мѣсто былъ назначенъ генералъ Кнорингъ.

Весьма важныя функціи принадлежали комитету въ области финансовъ. На его разсмотрѣніе вносились не только главнѣйшіе финансовые вопросы и мѣропріятія общаго характера, напр., смѣта государственныхъ доходовъ и расходовъ, но и вопросы чисто частнаго свойства, напр., ассигнованіе суммъ на тѣ или другія государственныя потребности, взаимные денежные разсчеты отдѣльныхъ вѣдомствъ и т. п.

Изъ журналовъ комитета мы видимъ, что роспись государственныхъ доходовъ и расходовъ, по составленіи ея министромъ финансовъ, вносилась въ комитетъ, гдѣ и разсматривалась, а затѣмъ уже утверждалась государемъ. Затѣмъ установленіе налоговъ и податей также находилось въ вѣдѣніи комитета. Для иллюстраціи только что сказаннаго приведемъ нѣсколько примѣровъ. Такъ, въ засѣданіи 31 марта 1809 г. министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ нѣсколько предложеній касательно установленія новыхъ налоговъ. Во первыхъ, министръ высказался за установленіе особаго сбора въ $^1/_{10}\%$ со всѣхъ разрѣшительныхъ опредѣленій по гражданскимъ дѣламъ по цѣнѣ дѣла, опредѣленной при его производствѣ. Комитетъ не согласился съ министромъ и призналъ такой сборъ излишнимъ, въ виду того, что казна уже имѣетъ различные доходы отъ производства дѣлъ въ гражданскихъ судахъ и, кромѣ того, несправедливымъ, такъ какъ въ случаѣ взысканія сбора съ лица, выигравшаго дѣло, «спокойный владѣлецъ, къ собственности котораго сдѣлано будетъ напрасное притязаніе, долженъ былъ бы заплатить иногда весьма значительную сумму за то лишь, что онъ отразилъ неправильную претензію, защитилъ себя закономъ и остался въ правахъ своихъ». По мнѣнію комитета установленіе такого налога могло бы повести также и къ тому, что «неблагонамѣренные и безпокойные люди будутъ вчинять умышленные процессы, чтобы довести другихъ до разоренія». Во-вторыхъ, министръ внесъ предположеніе о новомъ образованіи дохода съ питейной части, которое, по опредѣленію комитета, рѣшено было передать на разсмотрѣніе особаго комитета для производства торговъ на питейный откупъ. Въ-третьихъ, министръ высказался за увеличеніе подати, взимаемой на содержаніе по губерніямъ судей и присутственныхъ мѣстъ (съ 18 к. до 50 к. съ души). Комитетъ нашелъ, что «по причинѣ разныхъ тягостей, понесенныхъ народомъ отъ военныхъ обстоятельствъ, несовмѣстно было бы

приступить къ подобному умноженію подати и что, впрочемъ, при удобномъ времени надлежитъ, сообразивъ всѣ по государству сего рода надобности, сдѣлать общее объ удовлетвореніи ихъ распоряженіе, которое было бы столько достаточно, чтобы не было уже затѣмъ надобности заниматься сборами на какую-либо часть отдѣльно», и поэтому заключилъ оставить это предположеніе безъ исполненія. 19 марта 1807 г. комитетъ, имѣя въ виду увеличить почтовые доходы, принялъ предложеніе министра внутреннихъ дѣлъ объ измѣненіи почтовой таксы. 18 сентября 1808 г. комитетъ утвердилъ правила министра внутреннихъ дѣлъ относительно упорядоченія сбора акциза съ пивоваренъ и т. д.

Чтобы покончить съ финансовыми функціями комитета, необходимо еще сказать, что, анализируя содержаніе его журналовъ, мы должны придти къ тому выводу, что въ этомъ отношеніи предметы вѣдомства его были очень разнообразны. Такъ, онъ вѣдалъ и лѣсное и горное и соляное дѣло, сельское хозяйство, торговлю и промышленность, онъ разрѣшалъ вопросы, касающіеся монеты, ассигнацій, банковъ и другихъ кредитныхъ учрежденій, государственныхъ займовъ, таможенныхъ пошлинъ, всевозможнаго рода повинностей и т. п.; причемъ функціонируя въ качествѣ высшаго финансоваго учрежденія, онъ очень часто обходился безъ высочайшихъ разрѣшеній (во время отсутствія государя изъ Россіи), дѣйствуя такимъ образомъ совершенно самостоятельно.

Что касается до полиціи, то и въ этомъ отношеніи комитетъ игралъ весьма видную роль. Мы уже видѣли, что правила 1808 г. возложили на комитетъ важныя полицейскія обязанности, предписавъ ему имѣть «въ особомъ своемъ попеченіи дѣла той части высшей полиціи, которой цѣль есть сохраненіе всеобщаго спокойствія и тишины гражданъ и обезпеченіе народнаго продовольствія». Но и до изданія этихъ правилъ, какъ видно изъ журналовъ комитета, онъ функціонировалъ въ качествѣ высшаго полицейско-административнаго органа. Приведемъ примѣры этой его дѣятельности.

Вслѣдствіе присоединенія Россіи въ 1807 г. къ континентальной системѣ и разрыва между нею и Англіею, министръ внутреннихъ дѣлъ внесъ въ сентябрѣ 1808 г. въ комитетъ записку, въ которой, между прочимъ, объяснялъ слѣдующее: «государь императоръ, обращая вниманіе на то, что, несмотря ни на какія наблюденія, не только не исполняются съ должною точностью постановленныя правила въ разсужденіи пресѣченія съ Англіею торговыхъ сношеній, но и нарушаются они подъ разными видами, и товары англійскіе привозятся въ Россію на корабляхъ другихъ государствъ, равно какъ и наши произведенія, особенно предметы первой для Англіи потребности, какъ то: пенька, ленъ, сало, желѣзо, поташъ и пр. выпускаются изъ портовъ нашихъ въ Англію, соизволяетъ, чтобы къ надежному прекращенію на будущее время подобныхъ злоупотребленій приняты были слѣдующія рѣшительныя мѣры: 1) строжайше вездѣ подтвердить воспрещеніе на впускъ въ порты наши

не только англійскихъ судовъ съ какимъ бы то ни было грузомъ или безъ груза, но и на судахъ другихъ государствъ англійскихъ товаровъ; 2) воспретить безъ малѣйшаго изъятія выпускъ изъ портовъ нашихъ россійскихъ произведеній подъ какимъ бы то ни было предлогомъ, на чьихъ бы то ни было корабляхъ и въ какія бы мѣста они ни были отправлены, и 3) учинивъ на сихъ основаніяхъ повсемѣстно кому слѣдуетъ точныя предписанія, наблюдать, чтобы они безъ всякаго послабленія исполнены были и чтобы виновные въ нарушеніи оныхъ были подвергаемы въ примѣръ другимъ строгому наказанію». Однако комитетъ, разсмотрѣвъ эту записку и признавъ въ принципѣ необходимость подобныхъ рѣшительныхъ мѣръ, нашелъ, что эти послѣднія окажутся въ результатѣ еще болѣе стѣснительными для насъ самихъ. Не смотря на это, министръ внутреннихъ дѣлъ продолжалъ настаивать на принятіи своей записки и предложилъ издать декларацію, въ которой объявить, что правительство рѣшается на упомянутыя мѣры и приведетъ ихъ въ исполненіе съ открытія навигаціи слѣдующаго года, «дабы тѣмъ отнять у Англіи всякую надежду на полученіе необходимыхъ для нея товаровъ». Комитетъ и съ этимъ не согласился, возразивъ, что изданіе подобной декларації было бы неудобно, такъ какъ, «ежели политическія обстоятельства не перемѣнятся, то надобно будетъ или вопреки сей декларації отступить отъ своихъ правилъ, что было бы несоотвѣтственно достоинству государства, или исполнить ихъ къ крайнему для народа стѣсненію». Въ виду всего этого, комитетъ постановилъ поручить министру коммерціи сообразить всѣ высказанныя мнѣнія и придумать средство къ лучшему достиженію предположенной цѣли. Нѣсколько мѣсяцевъ спустя, а именно 12 мая 1809 года, министръ коммерціи внесъ въ комитетъ проектъ правилъ, на основаніи которыхъ нейтральные суда могли впредь допускаться въ наши порты, если докажутъ надлежащими документами свою принадлежность и находящихся на нихъ грузовъ нейтральнымъ государствамъ. Этотъ проектъ былъ утвержденъ комитетомъ, и черезъ два дня (14 мая) обнародованъ въ формѣ высочайшаго указа. Проектъ министра коммерціи имѣлъ то преимущество предъ «запиской» министра внутреннихъ дѣлъ, что, нанося ущербъ англійскимъ интересамъ, онъ въ то же время менѣе посягалъ на интересы русской торговли, чѣмъ «записка».

Въ томъ же 1809 г., комитетъ занимался обсужденіемъ записки министра иностранныхъ дѣлъ относительно каперовъ. Записка содержала въ себѣ правила, которымъ должны были слѣдовать таможни въ случаѣ входа въ наши порты каперъ-ботовъ. Правила эти состояли въ слѣдующемъ: 1) таможни могли дозволить входъ въ гавань только тѣмъ изъ французскихъ и датскихъ каперъ-ботовъ, которые предъявятъ виды на корсарство, выданные имъ отъ ихъ правительствъ; 2) въ случаѣ непредъявленія подобныхъ видовъ, а также въ случаѣ производства ими какихъ либо насилій и безпорядковъ, таможни обязаны поступать съ ними, какъ

съ морскими разбойниками; 3) въ случаѣ привода каперомъ своей добычи таможни должны наблюдать за взиманіемъ надлежащихъ пошлинъ за товары и за недопущеніемъ англійскихъ товаровъ въ наши гавани. Комитетъ, обсудивъ названную записку, постановилъ: имѣя въ виду, что «допущеніе въ наши гавани датскихъ и французскихъ каперовъ не нарушаетъ ни мало системы вооруженнаго нейтралитета, потому что Данія по положенію своему въ оную входитъ, а Франція также по принадлежности ей Помераніи и по власти императора надъ всѣми ганзеатическими городами есть прибрежная держава», допустить каперовъ помянутыхъ государствъ, съ соблюденіемъ вышеизложенныхъ правилъ.

Къ области полиціи безопасности относятся также постановленія комитета, касавшіяся народныхъ волненій. Для иллюстраціи дѣятельности комитета въ этомъ отношеніи, приведемъ примѣръ его мѣропріятій относительно прекращенія безпорядковъ, возникшихъ въ Астрахани въ 1807 г. Дѣло въ томъ, что въ засѣданіи комитета 18 мая этого года министръ внутреннихъ дѣлъ сдѣлалъ слѣдующее сообщеніе: въ виду того, что въ одномъ изъ предмѣстій Астрахани констатированъ фактъ появленія чумы, мѣстный губернаторъ распорядился учредить въ городѣ карантинъ, благодаря чему опасность распространенія заразы устранена. Но, вслѣдствіе строгаго исполненія карантинныхъ правилъ, «возникли между жителями разныя неудовольствія и волненія, до самой дерзости достигшія». Народъ неоднократно стекался толпою къ дому губернатора и жаловался, что «промышляя обыкновенно работами, нынѣ, по закрытіи хозяевами фабрикъ, лишается продовольствія». «Внушенія о подлинности существованія заразы, о предстоящей опасности и о пособіи отъ казны хлѣбомъ и деньгами не произвели никакого дѣйствія надъ сими людьми, учинившими буйство». Далѣе губернаторъ констатировалъ фактъ наущенія народа со стороны самихъ фабрикантовъ, которые «по корыстнымъ своимъ видамъ», не желая подвергаться карантиннымъ правиламъ и «въ томъ исканіи, чтобъ отправлять товары свои въ верховые города свободно и безъ очищенія, стараются увѣрить, что заразительная болѣзнь есть только мнимая и вовсе не существуетъ». Послѣднее мнѣніе о мнимости болѣзни «подкрѣплялось» также и начальникомъ порта, генераломъ Пѣвцовымъ, неоднократно заявлявшимъ, что принятыя предосторожности имѣютъ только одну цѣль: стѣснить жителей. Одновременно съ этимъ, въ городѣ распространились слухи, что въ хлѣбъ кладутся какіе то порошки, что хлѣбникамъ запрещено дѣлать хлѣбъ безъ свидѣтельства полиціи и лѣкарей и «все сіе для того, чтобы удостовѣрить въ существованіи заразы». Такимъ образомъ, волненіе, начавшееся среди армянъ, распространилось на татаръ и на персіянъ. Губернаторъ, опасаясь строгими мѣрами еще болѣе ожесточить народъ, вынужденъ былъ смягчить суровость карантинныхъ правилъ и значительно ихъ ослабить. Въ заключеніе, онъ просилъ ввести въ городъ до 500 казаковъ и съ ихъ помощью арестовать главныхъ зачинщиковъ безпорядковъ. Комитетъ, выслушавъ сообщеніе министра,

сдѣлалъ *десять* постановленій касательно прекращенія чумы и безпорядковъ въ Астрахани, предписавъ, между прочимъ, ввести въ городъ казаковъ и потребовавъ отъ губернатора «дѣйствовать безъ всякаго послабленія, дабы все то, что будетъ признано нужнымъ къ предохраненію города и вообще всего края отъ опасности, съ точностью всѣми было исполняемо». Нѣсколько дней спустя, а именно 4 іюня, министръ финансовъ внесъ въ комитетъ данный на его имя высочайшій рескриптъ, въ которомъ, между прочимъ, государь повелѣлъ «подтвердить во всѣ мѣста, гдѣ существуютъ карантины, чтобъ никто, подъ смертною казнью, не дерзалъ наималѣйшей дѣлать отмѣны и послабленія въ предписанныхъ предосторожностяхъ». Одновременно съ этимъ, въ рескриптѣ было сказано: «упущеніе полиціи астраханской, слабость губернатора и примѣрная робость прочихъ чиновниковъ могутъ имѣть пагубныя послѣдствія для государства. Строгій съ ними поступокъ будетъ поучительнымъ примѣромъ для другихъ и предохранитъ впредь отъ многихъ бѣдствій». Рескриптъ заканчивался повелѣніемъ отправить въ Астрахань сенатора Неплюева для разслѣдованія всего дѣла. Инструкція на имя послѣдняго была также внесена въ комитетъ. Въ ней предписывалось Неплюеву «учинить строжайшее изслѣдованіе о произшедшемъ неустройствѣ, истребовавъ отъ губернатора о причинахъ оказаннаго имъ послабленія» и «начальниковъ буйства предать уголовному суду и поступить съ ними по всей строгости законовъ». Комитетъ постановилъ привести высочайшій рескриптъ въ исполненіе и оказать Неплюеву всевозможное содѣйствіе. Между тѣмъ въ комитетъ былъ внесенъ новый рапортъ астраханскаго губернатора на имя министра внутреннихъ дѣлъ. Въ немъ губернаторъ доносилъ, что: во 1-хъ, къ нему явилось нѣсколько мѣщанъ съ требованіемъ отъ имени четырехъ тысячъ человѣкъ отдать больныхъ чумою на ихъ попеченіе, не подвергая ихъ (т. е. больныхъ) карантинному очищенію; во 2-хъ, что послѣ ухода названныхъ мѣщанъ, которымъ было предписано письменно изложить свои желанія, толпа народа, собравшись передъ домомъ, гдѣ засѣдалъ особый комитетъ, организованный губернаторомъ для борьбы съ болѣзнью, «произвела необычайный шумъ, не внимая никакимъ приказаніямъ и умножась людьми большею частью пьяными, въ дерзости ворвалась въ домъ и потребовала губернатора, который, когда къ ней явился, то люди сіи закричали, что нѣтъ чумы въ городѣ, что они въ карантинъ идти не желаютъ и домогались бумаги, коею бы могли быть уволены отъ всѣхъ сихъ предосторожностей»; въ 3-хъ, что, хотя «по неотступному сей толпы требованію» и ради успокоенія ея до прихода военной команды, подобная бумага и была выдана, тѣмъ не менѣе народъ, «продолжая возмущеніе», предъявилъ еще много другихъ требованій, напр., выдачи особой бумаги, въ которой губернаторъ свидѣтельствовалъ бы, что никакой чумы въ городѣ не было и т. п. Между тѣмъ площадь, губернаторскій дворъ и мѣсто предъ губернскимъ правленіемъ наполнились народомъ, который

«съ шумомъ произносилъ возмутительныя слова на губернатора, на лѣкарей и на прочихъ; въ это время, часть толпы отдѣлилась и погналась за двумя лѣкарями, которые однако успѣли во время скрыться. Послѣ этого народъ потребовалъ полицеймейстера, и когда тотъ вышелъ, то былъ немедленно схваченъ, причемъ нѣкоторые закричали: «начинай съ полицеймейстера». Какъ разъ въ этотъ моментъ явился на мѣсто бунта генералъ Завалишинъ во главѣ своей команды, захватилъ «нѣкоторыхъ изъ разъярившейся черни», разогналъ ее, отнялъ выданную губернаторомъ бумагу и освободилъ осажденное толпою губернское правленіе. Въ то же время подошелъ также и каспійскій морской баталіонъ, который вывезъ на площадь пушки и сталъ ими угрожать толпѣ. Хотя народъ кричалъ, что онъ «съищетъ и свои пушки», однако сталъ расходиться и вскорѣ волненіе было прекращено. Рапортъ заканчивался извѣщеніемъ, что губернаторъ, въ виду ничтожности гарнизона и безсилія полиціи, а также въ виду «стремленія черни лишить его и лѣкарей жизни», выѣхалъ изъ города, предполагая собрать въ окрестностяхъ казаковъ и съ ними вмѣстѣ вернуться назадъ. Комитетъ, выслушавъ это донесеніе, подтвердилъ свое прежнее постановленіе о вводѣ въ городъ 500 казаковъ. «Но, если бы однакожъ, сказано въ журналѣ, средство сіе не сильно было укротить совершенно возникшее возмущеніе и возстановить должный порядокъ, въ такомъ случаѣ надлежитъ обратиться къ назначенію туда милиціи изъ ближайшихъ губерній». Кромѣ того, комитетъ предписалъ «поставить губернатору на видъ, чтобъ онъ, имѣя въ рукахъ все сіе подкрѣпленіе, безъ всякаго послабленія дѣйствовалъ, ни подъ какимъ видомъ не допуская, чтобы власть правительства подвержена была какому либо неуваженію». Постановленіе заканчивалось предписаніемъ предсѣдателю астраханской уголовной палаты «дабы тѣ, кои будутъ преданы суду, по явнымъ признакамъ оказаннаго неповиновенія, были безъ малѣйшаго отлагательства и предпочтительно предъ всѣми судимы и дабы приговоры по симъ дѣламъ тотчасъ, въ страхъ другимъ, были исполнены». Этимъ заканчиваются свѣдѣнія объ астраханскомъ бунтѣ въ журналахъ комитета.

Неоднократно приходилось комитету являться также въ роли усмирителя крестьянскихъ волненій, возникавшихъ, какъ извѣстно, очень часто въ разсматриваемую эпоху. Дѣла этой категоріи возникали въ комитетѣ или по жалобамъ помѣщиковъ на неповиновеніе крестьянъ, или же по жалобамъ крестьянъ на притѣсненія ихъ помѣщиками. Въ разрѣшеніи названныхъ дѣлъ комитетъ старался быть безпристрастнымъ, хотя это не всегда ему удавалось. Придерживаясь правила строго наказывать зачинщиковъ безпорядковъ, онъ вмѣстѣ съ тѣмъ признавалъ необходимымъ всесторонне разслѣдовать и выяснять самыя причины, вызывавшія неповиновеніе крестьянъ, причемъ неоднократно оказывалось, что причиною было непосильное отягощеніе крестьянъ работою. Въ такихъ случаяхъ обыкновенно опредѣлялось или отобрать имѣніе помѣщика въ

опеку, какъ то случилось, напр., съ княземъ Шалешпанскимъ въ 1807 г., или ограничить повинности крестьянъ въ пользу помѣщика извѣстными предѣльными нормами, какъ то было съ крестьянами дѣйств. ст. сов. Козлова въ 1809 г., которыхъ комитетъ предписалъ «обратить на пашню съ тѣмъ, чтобы на помѣщика работали три дня въ недѣлю»; впрочемъ, «буде пожелаютъ платить оброкъ», то должны его платить по условію, заключенному съ помѣщикомъ, а этотъ послѣдній, въ свою очередь, обязанъ возвратить имъ ту сумму денегъ, которую онъ до того времени неправильно съ нихъ собралъ.

Къ области мѣропріятій полицейскаго характера относятся также постановленія комитета по донесеніямъ губернаторовъ о «подозрительныхъ дѣйствіяхъ» или «неблагонадежномъ поведеніи» нѣкоторыхъ уроженцевъ польскихъ губерній, начавшихъ поступать въ комитетъ съ марта 1809 г., когда по случаю войны между Франціею и Австріею были распущены слухи о возстановленіи польскаго королевства и о присоединеніи къ нему отъ Австріи—Галиціи, а отъ Россіи—литовскихъ губерній. Наиболѣе серьезное изъ такихъ дѣлъ касалось бѣгства трехъ учениковъ изъ кременецкой гимназіи для поступленія въ польское войско, причемъ оказались крайне скомпрометированными директоръ гимназіи Чацкій, генералъ Княжевичъ, графъ Ходкевичъ, князь Радзивиллъ и др. Судя по донесеніямъ мѣстныхъ губернаторовъ, настроеніе польскаго общества въ разсматриваемую эпоху было крайне возбуждено. Такъ, изъ Житомира комитетъ получилъ извѣстіе, что Чацкій и Ходкевичъ «употребляютъ всѣ средства къ воспаленію умовъ и вербуютъ шляхту для наполненія войскъ галиційскихъ; даже уже опредѣлены способы къ приведенію сего въ исполненіе: всякій, кто объявитъ желаніе вступить въ войско, будетъ совершенно обмундированъ и получаетъ по десяти червонцевъ». «Чацкій, читаемъ далѣе въ донесеніи, по хитрости своей и по управленію гимназіею почитается опаснѣе всѣхъ; недавно полученная въ Житомирѣ «Виленская Газета», въ которой помѣщено, что Понятовскій будетъ вице-королемъ и что Польша обязана будетъ содержать 100 т. войска, произвела великое движеніе: шинки наполнены были гораздо болѣе обыкновеннаго и слышно было, что въ нихъ пили и провозглашали Понятовскаго. Виленскій университетъ и издаваемая отъ него газета наполнены видами возмущенія и возстановленія Польши; опасна также и кременецкая гимназія, подъ руководствомъ Чацкаго находящаяся. Вообще всѣ заведенія публичнаго воспитанія вредны для Россіи, ежели останутся въ настоящемъ положеніи. Въ Житомирѣ русскіе находятся въ критическомъ положеніи: штатная команда содержитъ караулъ и одинъ польскій эскадронъ можетъ забрать все губернское начальство, штатную роту и казну». Донесеніе заканчивалось просьбой о принятіи «строжайшихъ мѣръ на подобіе декрета отъ французскаго правительства объ эмигрантахъ». Въ другомъ донесеніи сообщалось, что въ Подольской губерніи «въ селеніи Завальи до ста человѣкъ неизвѣстныхъ людей на лошадяхъ,

вооруженныхъ и одѣтыхъ въ мундиры бывшей польской кавалеріи, пробрались за границу, стрѣляя по стражѣ, которая по малочисленности своей не могла имъ воспрепятствовать». Однако, комитетъ не придавалъ этимъ донесеніямъ никакого значенія и выразилъ мнѣніе, что было бы вполнѣ достаточно наиболѣе подозрѣваемыхъ лицъ, какъ то: Чацкаго, Княжевича, Ходкевича и др. вызвать подъ разными предлогами въ Петербургъ. Министръ же народнаго просвѣщенія (графъ Завадовскій) находилъ, что «все вообще опасеніе жителей губерній, отъ Польши пріобрѣтенныхъ, напрасно, ибо и въ то время, когда мы въ войнѣ съ французами находились, ничего ими предпринято не было, а теперь по союзу нашему съ французами, не имѣютъ они ни повода, ни способовъ къ важнымъ противъ насъ покушеніямъ. По сему соображенію почитаетъ онъ мѣры кротости и ласки въ настоящемъ положеніи гораздо пристойнѣйшими и дѣйствительнѣйшими». Съ послѣднимъ мнѣніемъ согласился и императоръ Александръ.

Къ категоріи мѣръ полицейскаго характера должны быть отнесены также и заботы комитета о народномъ продовольствіи. Кромѣ отпуска денегъ на закупку хлѣба для нуждающихся мѣстностей, комитетъ разрѣшалъ принятіе и другихъ мѣръ, въ случаѣ, напр., голода, а именно: выводъ излишнихъ баталіоновъ войскъ изъ нуждающихся мѣстностей, объявленіе помѣщикамъ о необходимости заранѣе закупать хлѣбъ для своихъ крестьянъ съ предупрежденіемъ, что, если впослѣдствіи окажется недостатокъ, то имѣнія ихъ будутъ отобраны въ казну, а крестьяне довольствуемы на счетъ помѣщика, возложеніе на губернаторовъ особыхъ заботъ по доставленію хлѣба нуждающемуся населенію и т. п. (Журналы, стр. 82). Въ особенности заботился комитетъ о продовольствіи столицы, что было возложено на него правилами 1808 г. На основаніи послѣднихъ, разрѣшеніе вопросовъ объ обезпеченіи народнаго продовольствія въ столицѣ, т. е. «объ отвращеніи недостатка и дороговизны на припасы» составляетъ «главнѣйшую обязанность комитета». Вотъ почему заботы его объ обезпеченіи столичнаго населенія хлѣбомъ простирались такъ далеко, что онъ входилъ въ подробные разсчеты о томъ, сколько имѣется хлѣба въ наличности, сколько ожидается къ прибытію и сколько вообще его можетъ потребоваться, какъ для казенныхъ надобностей, такъ и для потребностей частныхъ лицъ (стр. 83). Разсматривая дѣятельность комитета въ этомъ отношеніи, видно, что она распадается на два періода. Въ первомъ, до конца 1809 г., комитетъ придерживается системы крайней правительственной регламентаціи торговли и промышленности вообще и хлѣбной въ частности; напротивъ, съ октября 1809 г., въ комитетѣ начинаетъ преобладать новый взглядъ на дѣло, а именно, что «никакого недостатка въ продовольствіи столицы не будетъ, если предоставить оное свободному и естественному теченію, безъ всякихъ со стороны правительства распоряженій»; что «никого не слѣдуетъ стѣснять при покупкѣ или продажѣ хлѣба» и что «необходимо вмѣнить во-

обще губернскому начальству въ обязанность, сколько можно менѣе вмѣшиваться въ дѣла торговыя» и т. п. Что касается до государя, то, хотя онъ въ принципѣ и призналъ вѣрнымъ новый взглядъ членовъ комитета, но, въ виду неприложимости его къ «настоящимъ обстоятельствамъ», высказался за продолженіе правительственной регламентаціи.

Кромѣ перечисленныхъ функцій, въ рукахъ комитета сосредоточивались еще медицинская, торговая и строительная полиція, онъ завѣдывалъ почтой, путями сообщенія, благотворительными и богоугодными заведеніями, затѣмъ, опредѣленіемъ и увольненіемъ чиновниковъ, назначеніемъ имъ пенсій, пособій, наградъ и т. п., наконецъ, народнымъ просвѣщеніемъ и даже духовными дѣлами. Хотя всѣ эти дѣла были распредѣлены между отдѣльными министрами, но послѣдніе рѣдко разрѣшали ихъ самостоятельно, безъ внесенія въ комитетъ, такъ что послѣднему неоднократно приходилось напоминать министрамъ, что многія изъ вносимыхъ ими въ комитетъ дѣлъ могутъ разрѣшаться ими помимо этого. Остановимся на народномъ просвѣщеніи и духовныхъ дѣлахъ. Функціи комитета въ области народнаго просвѣщенія заключались главнымъ образомъ въ открытіи новыхъ учебныхъ заведеній. Такъ, 19 мая 1803 г. комитетъ постановилъ учредить въ Царскомъ Селѣ лѣсное училище; 26 іюля того же года онъ высказался за учрежденіе повсюду въ Россіи скотоврачебныхъ (ветеринарныхъ) училищъ; въ іюлѣ же (7 числа) онъ обсуждалъ докладъ о духовныхъ католическихъ гимназіяхъ, проектированныхъ для мѣстностей, пріобрѣтенныхъ отъ Польши. Въ 1805 г., въ октябрѣ комитетъ разсматривалъ записку графа Платера объ учрежденіи въ Германіи Лѣснаго института для «россійскихъ питомцевъ». Однако члены комитета высказались противъ подобнаго учрежденія, признавъ, что «сіе училище можетъ быть основано съ несравненно большею выгодою въ предѣлахъ Россіи, какъ въ разсужденіи иждивенія, такъ и потому, что наставленіе будетъ приложено безпосредственно къ самой природѣ, климату, обычаямъ и законамъ россійскимъ». Въ 1808 г., комитетъ обсуждалъ предложеніе графа Тишкевича объ основаніи въ мѣстечкѣ Свислоча, Гродненской губерніи, гимназіи, причемъ Тишкевичъ заявилъ, что онъ согласенъ «уступить потребныя для гимназіи строенія, обязуется навсегда ихъ содержать и вноситъ на исправленіе надобностей при первомъ случаѣ тысячу червонныхъ, но съ тѣмъ, чтобъ Свислоча было освобождено отъ военнаго постоя». Въ 1809 г., комитетъ постановилъ открыть на пожертвованныя купцомъ Ларинымъ деньги народную школу въ селѣ Любучахъ, Рязанской губерніи. Въ этомъ же году комитетъ высказался за учрежденіе при Виленскомъ университетѣ медицинскаго института и поэтому занялся вопросомъ о пріисканіи ему хорошаго помѣщенія, тѣмъ болѣе, что изъ донесенія виленскаго губернатора было видно, что студенты университета не имѣютъ хорошаго помѣщенія, вслѣдствіе чего «открылись важныя неудобства, а именно за воспитанниками нельзя имѣть надлежащаго присмотра и они по отдаленности отъ университета худо

успѣваютъ въ наукахъ и будучи на свободѣ и безъ присмотра вдаются въ разные пороки и совершенно развращаются». Подобными дѣлами, имѣющими непосредственное отношеніе до внутренняго распорядка даннаго учебнаго заведенія и разрѣшеніе которыхъ, собственно говоря, могло быть исключительной функціей начальства этого заведенія, комитетъ занимался неоднократно. Такъ, напр., въ 1808 г. онъ разрѣшилъ вопросъ объ отмѣнѣ чтенія «врачебныхъ» лекцій въ духовныхъ училищахъ; въ 1809 г., онъ слушалъ записку о студентѣ медико-хирургической академіи Никольскомъ, «оказавшемся совершенно неспособнымъ продолжать науки» и въ виду этого постановилъ обратить его въ духовное званіе, не взыскивая, по бѣдности его, употребленныхъ на него казенныхъ издержекъ»; въ томъ же 1809 г. комитетъ рѣшилъ уволить изъ Дерптскаго университета студента Асмуса, и т. п.

Что касается до духовныхъ дѣлъ, то, несмотря на существованіе синода, комитетъ и въ эту область считалъ необходимымъ вмѣшиваться. Такъ, 7 іюля 1803 г., онъ обсуждалъ вопросъ, какимъ образомъ исправлять уклоняющихся отъ исповѣди и причастія; въ 1809 г., комитетъ постановилъ «завести» въ Новороссійскомъ краѣ церкви и снабдить ихъ «хорошими» священниками разныхъ вѣроисповѣданій. Еще раньше, а именно въ 1805 г., члены комитета разрѣшали вопросъ о нѣмецкой газетѣ, издававшейся въ Москвѣ, подъ названіемъ «Россійскій Меркурій». По докладу министра народнаго просвѣщенія оказалось, что въ этомъ изданіи «находятся дерзкія и соблазнительныя выраженія противъ вѣры и нравовъ». Вслѣдствіе этого комитетъ постановилъ конфисковать журналъ, а издателя пробста Гейдеке привлечь къ судебной отвѣтственности. Не мало занимался комитетъ и вопросамъ о расколѣ. Такъ, въ 1806 г. въ комитетъ была внесена записка (министромъ внутр. дѣлъ) о крестьянахъ Воронежской губерніи, такъ называемой, Моисеевой секты. Члены комитета, признавъ, что «расколъ сей, будучи ничто иное, какъ жидовство, не можетъ сравниваемъ быть съ другими расколами», постановилъ взять съ крестьянъ трехъ рекрутъ не въ зачетъ набора, «изъяснивъ притомъ, что таковому наказанію подверглись они за соблазнъ». Въ 1808 г., комитетъ высказалъ весьма здравое сужденіе о борьбѣ съ расколомъ. Дѣло въ томъ, что въ этомъ году онъ обсуждалъ вопросъ о старообрядцахъ Нижегородской губерніи, которые, «не смотря на всѣ убѣжденія, оставались непреклонными въ своихъ заблужденіяхъ». Комитетъ постановилъ, что «заблужденія сего рода удобнѣе искореняются тогда, когда ни гражданское, ни духовное начальство не обращаетъ на нихъ своихъ непосредственныхъ дѣйствій, но когда заблудшіе исправляемы бываютъ съ кротостію и исподоволь». Не мало засѣданій посвятилъ комитетъ разрѣшенію вопроса о московскихъ старообрядцахъ. Дѣло въ томъ, что, въ засѣданіи 24 февраля 1809 года, министръ внутреннихъ дѣлъ доложилъ комитету прошеніе московскихъ старообрядцевъ объ утвержденіи правительствомъ учрежденнаго ими богадѣльнаго дома

и о разрѣшеніи имъ принимать подкидышей. Комитетъ постановилъ утвердить богадѣльну, но отказать по второму прошенію. Однако государь не нашелъ возможнымъ согласиться съ мнѣніемъ комитета по вопросу о подкидышахъ и на журналѣ комитета отъ 24 февраля собственноручно написалъ: «нахожу нужнымъ замѣтить по статьѣ о старообрядцахъ, что, запретя имъ принимать подкидышей, лишены они будутъ всѣхъ своихъ настоящихъ дѣтей. Извѣстно, что, не имѣвъ женъ, они о рожденіи своихъ дѣтей объявляютъ полиціи не иначе, какъ о подкидышахъ; почему предписываю комитету взойтить по сему въ ближайшее разсмотрѣніе». Въ силу этого, комитетъ въ засѣданіи 19 марта занялся обсужденіемъ вопроса о старообрядцахъ. Всѣ члены единогласно, въ противность своему прежнему рѣшенію, признали возможнымъ разрѣшить старообрядцамъ принимать подкидышей, но разошлись въ томъ, слѣдуетъ ли объ этомъ упоминать въ секретномъ указѣ на имя московскаго военнаго губернатора объ утвержденіи богадѣльни или нѣтъ. Одни стояли за упоминаніе, другіе противъ. Въ виду неразрѣшенія этого дѣла, комитетъ снова занялся имъ 31 марта, но и на этотъ разъ безуспѣшно, такъ какъ члены остались каждый при своемъ мнѣніи. Въ разсматриваемомъ засѣданіи была между прочимъ прочитана записка товарища министра внутр. дѣлъ, изъ которой мы позволимъ себѣ привести нѣсколько выдержекъ. Въ ней товарищъ министра проводилъ ту мысль, что въ отношеніи раскольниковъ правительство должно руководствоваться только «терпимостію», но не оказывать имъ никакого «покровительства». «Старообрядцы, читаемъ въ запискѣ, инако именуемые раскольниками, обращаютъ на себя, безъ сомнѣнія, соболѣзнованіе, поелико они вовлекаются въ заблужденіе единственно загрубѣлымъ невѣжествомъ и суевѣріемъ. Но именно потому, что корень ихъ заблужденій есть невѣжество и что онымъ пользуются нѣкоторые корыстолюбцы и подкрѣпляютъ разными предлогами ихъ заблужденія, не заслуживаютъ они со стороны правительства ничего другаго, какъ одну терпимость, ибо и самое малѣйшее покровительство было бы въ семъ случаѣ несовмѣстно. Когда правительство всемѣрно старается распространить въ народѣ просвѣщеніе, то, покровительствуя невѣжеству, дѣйствовало бы оно противу себя и въ самомъ началѣ дѣйствія сего было бы противорѣчіе. Нѣтъ сомнѣнія, что нельзя покровительствовать такому обществу, которое основано на загрубѣломъ невѣжествѣ и которое не токмо старается всемѣрно подкрѣпить себя въ ономъ, заграждая сочленамъ своимъ всѣ пути къ просвѣщенію, но и стремится повсюду разными средствами распространять свои заблужденія». Далѣе въ запискѣ говорится, что раскольники, «расторгая узы общежитія, уничтожили главнѣйшій изъ оныхъ союзъ, служащій всѣмъ прочимъ основаніемъ, т. е. союзъ супружескій или брачный. Такое общество, изъ котораго многіе члены, въ изступленіи своемъ, предавали сами себя огню или другихъ родовъ самоубійству, яко жертвы невѣжества и суевѣрія, не можетъ никогда состоять

подъ покровительствомъ правительства, а паче, когда взять во уваженіе, что исповѣдники раскольничьей секты, какъ исторія россійская показываетъ, возставали и тайно и явно противъ Высочайшей законной власти». Затѣмъ записка подробно останавливается на политикѣ въ отношеніи раскола Петра Великаго, «который отмѣнилъ гоненіе и строгость, яко сему случаю неприличныя мѣры, но и не токмо не обратилъ на раскольниковъ покровительства, а показалъ всей Россіи презрѣніе свое къ сему обществу». «По повелѣнію его были выбиты особенные мѣдные жетоны съ изображеніемъ бороды и усовъ, которые были раздаваемы раскольникамъ вмѣсто квитанцій за платежъ подати; также пришиваемы были къ раскольничьему платью особые знаки. Если сіи мѣры не искоренили раскола, то, обративъ на раскольниковъ посмѣяніе народное и остановивъ сіе зло въ тѣсныхъ предѣлахъ, притупили ему жало». Записка заканчивается тѣмъ, что правительство не должно ни утверждать богадѣльнаго дома, ни разрѣшать раскольникамъ принимать подкидышей. Послѣднее тѣмъ болѣе необходимо, что «старообрядцы, будучи сами виною уничтоженія брачнаго союза, лишили себя сами же права родительскаго». Мало того, авторъ записки высказывается даже противъ принятія какихъ бы то ни было прошеній отъ раскольниковъ, такъ какъ самый фактъ подачи ихъ свидѣтельствуетъ о «невѣжливости» и даже «дерзости» послѣдователей раскола. Однако комитетъ не согласился съ товарищемъ министра и остался при прежнихъ своихъ мнѣніяхъ. Что касается до государя, то онъ согласился съ мнѣніемъ тѣхъ членовъ комитета, которые полагали не вносить въ секретный указъ московскому губернатору статьи о подкидышахъ.

Комитету не были присущи однѣ только законодательныя и административно-исполнительныя функціи, такъ какъ онъ обладалъ многими правами и въ области суда. Изъ журналовъ комитета видно, что онъ фигурировалъ въ качествѣ судебнаго учрежденія, какъ въ области уголовныхъ, такъ и въ области гражданскихъ дѣлъ, чѣмъ существенно нарушались интересы сената, какъ высшей судебной инстанціи. Въ области уголовныхъ дѣлъ комитетъ нерѣдко фигурировалъ въ качествѣ обвинительной камеры. Такъ, въ 1808 г. въ засѣданіи 18 сентября, онъ постановилъ предать суду авторовъ пасквиля, направленнаго противъ генерала Талызина; въ 1809 г. онъ предалъ суду шляхтича Геральтовскаго за убійство жены и дочери и за сопротивленіе властямъ при его арестованіи; въ этомъ же году онъ предалъ суду александровскаго городничаго за ложный доносъ и т. д. Неоднократно комитетъ являлся въ роли ревизіонной инстанціи, требуя къ себѣ на разсмотрѣніе рѣшенія судовъ, чѣмъ вторгался въ область компетенціи сената. Такъ, въ 1809 г. комитетъ постановилъ истребовать на разсмотрѣніе изъ кіевскаго главнаго суда дѣло жены коллежскаго ассесора Розлача, обвинявшейся въ продажѣ своей дочери за «крѣпостную дѣвку». Въ этомъ же году комитетъ также потребовалъ къ себѣ дѣло контръ-адмирала Бодиско, двухъ

полковниковъ и двухъ маіоровъ, судившихся въ военномъ судѣ за отступленіе съ острова Готланда безъ сопротивленія непріятелю и т. п. Мало того, иногда комитетъ выступалъ въ роли высшаго аппелляціоннаго суда по отношенію къ самому сенату, что уже являлось явнымъ нарушеніемъ закона, такъ какъ на основаніи указа о правахъ и обязанностяхъ сената 1802 г. «на рѣшенія сената нѣтъ аппелляціи» (за исключеніемъ только нѣкоторыхъ случаевъ, когда можно было жаловаться государю). Въ такой роли комитетъ выступалъ преимущественно въ гражданскихъ дѣлахъ, принимая жалобы частныхъ лицъ на рѣшенія сената. Въ журналахъ комитета имѣется нѣсколько такихъ случаевъ. Правда, всѣ подобныя жалобы были оставлены безъ послѣдствій, но это нисколько не измѣняетъ дѣла, такъ какъ самый фактъ принятія и разсмотрѣнія подобныхъ жалобъ есть дѣяніе нелегальное и узурпирующее права сената, какъ высшаго судебнаго учрежденія, рѣшенія котораго безаппелляціонны, а если иногда и подлежатъ обжалованію, то только государю. Наконецъ, иногда комитетъ разсматривалъ дѣла въ качествѣ суда первой инстанціи, что имѣло мѣсто только въ гражданскихъ дѣлахъ. Само собой разумѣется, что рѣшенія его въ такихъ случаяхъ уже не подлежали никакой аппелляціи.

Такова была роль комитета министровъ въ первое десятилѣтіе царствованія Александра I, когда онъ стоялъ во главѣ всѣхъ государственныхъ учрежденій, развивши свою власть и значеніе насчетъ власти и значенія непремѣннаго совѣта и сената. Но подобный ненормальный порядокъ вещей, какъ было уже сказано, обратилъ на себя вниманіе Сперанскаго и былъ прекращенъ съ появленіемъ у кореннаго правленія этого послѣдняго. Учрежденіе государственнаго совѣта и преобразованіе министерствъ уничтожили изложенное выше положеніе комитета, значительно ограничивъ его власть и точно опредѣливъ его отношенія къ другимъ государственнымъ учрежденіямъ. Но разсмотрѣніе дальнѣйшихъ судебъ комитета, начиная съ 1810 г., не входитъ въ нашу задачу, такъ какъ журналы названнаго учрежденія еще не обнародованы и войдутъ въ составъ втораго тома разсмотрѣннаго нами изданія.

В. Латкинъ.

УГОЛОВНОЕ ПРЕСЛѢДОВАНІЕ НА ОСНОВАНІИ РѢШЕНІЯ ГРАЖДАНСКАГО СУДА.

Допускается ли возбужденіе уголовнаго преслѣдованія на основаніи рѣшенія гражданскаго суда до истеченія кассаціоннаго срока на обжалованіе или до окончанія дѣла въ кассаціонной инстанціи?

Въ № 34 «Судебной Газеты» за 1888 г. помѣщена статья г. П. Васильченко, который обращаетъ вниманіе юристовъ на слѣдующіе два случая изъ судебной практики:

Разсмотрѣвъ, по аппелляціи обѣихъ сторонъ, рѣшеніе мироваго судьи 1 уч. Путивльскаго округа, по иску Гликмана къ Павлоцкому, путивльскій мировой съѣздъ, въ виду свидѣтельскихъ показаній, опредѣлилъ: «признать заемное письмо и росписку оплаченными, *въ искѣ Гликману отказать и копію рѣшенія, по изложеніи его въ окончательной формѣ, передать мировому судьѣ 1 уч. для привлеченія Гликмана къ уголовной отвѣтственности*, по 3 п. 174 ст. уст. о наказ., за вторичное требованіе по обязательствамъ». По объявленіи этого рѣшенія, повѣренный истца Гликмана подалъ, въ *неустановленномъ* порядкѣ, прошеніе въ путивльскій мировой съѣздъ, ходатайствуя о томъ, чтобы съѣздъ не передавалъ копію своего рѣшенія мировому судьѣ на предметъ возбужденія уголовнаго преслѣдованія до истеченія кассаціоннаго срока, ибо онъ, повѣренный истца, намѣренъ обжаловать это рѣшеніе сенату въ кассаціонномъ порядкѣ. Такое ходатайство было мотивировано слѣдующими соображеніями: хотя рѣшенія мироваго съѣзда, по 184 ст. уст. гражд. суд., почитаются окончательными и подлежатъ немедленному исполненію, а по 29 статьѣ уст. угол. суд. окончательное рѣшеніе гражданскимъ судомъ подлежащихъ его разсмотрѣнію вопросовъ обязательно для суда уголовнаго въ отношеніи дѣйствительности и свойства событія, но первая статья относится только до гражданскаго взысканія, а вторая статья, толкуемая «не въ узкомъ смыслѣ», подразумѣваетъ окончательное оставленіе рѣшенія въ силѣ за истеченіемъ аппелляціонныхъ и кас-

саціонныхъ сроковъ на обжалованіе, когда дальше уже нельзя жаловаться. Вѣрность этихъ соображеній, по мнѣнію просителя, подтверждается 175 и 3 п. 187 ст. уст. угол. суд., по которымъ подача кассаціонной жалобы на приговоръ мироваго съѣзда не останавливаетъ только денежнаго взысканія и вполнѣ останавливаетъ исполненіе приговора въ отношеніи наказанія, такъ что въ этой части приговоръ еще не входитъ въ законную силу. Мировой съѣздъ уважилъ ходатайство повѣреннаго истца Гликмана, а кассаціонный сенатъ 16 мая 1888 г. *отмѣнилъ* рѣшеніе путивльскаго съѣзда мировыхъ судей по нарушенію имъ 409 ст. уст. гражд. суд. Такимъ образомъ, Гликманъ, не смотря на опредѣленіе мироваго съѣзда, случайно избавился отъ привлеченія къ уголовной отвѣтственности за вторичное требованіе съ Павлоцкаго долга по оплаченнымъ документамъ.

Въ другомъ случаѣ мировой съѣздъ одной изъ западныхъ губерній, признавая заемное письмо на 500 руб. оплаченнымъ, *отказалъ* мѣщанину П. въ искѣ съ С. и возбудилъ уголовное преслѣдованіе: 1) противъ неучаствовавшаго въ дѣлѣ К., получившаго съ отвѣтчика С. долгъ сполна и передавшаго это письмо истцу П. для вторичнаго по немъ взысканія съ С., и 2) противъ самого истца П., принявшаго это письмо отъ К. для взысканія съ С. и знавшаго, что К. уже получилъ съ него долгъ. По производствѣ слѣдствія, К. и П. были преданы суду съ участіемъ присяжныхъ засѣдателей по обвиненію въ преступленіи, предусмотрѣнномъ 1666 ст. улож. о нак. Напрасно защитникъ подсудимыхъ К. и П. доказывалъ на судѣ преждевременность возбужденія уголовнаго преслѣдованія, ибо на рѣшеніе мироваго съѣзда уже подана имъ въ сенатъ кассаціонная жалоба. Присяжные засѣдатели признали обоихъ подсудимыхъ виновными во вторичномъ требованіи долга по оплаченному заемному обязательству. Кассаціонная жалоба подсудимыхъ на приговоръ была оставлена безъ послѣдствій, — и они *отбыли наказаніе* въ исправительныхъ арестантскихъ отдѣленіяхъ съ лишеніемъ всѣхъ особыхъ правъ. *Послѣ этого*, въ началѣ 1888 г., въ мировомъ съѣздѣ былъ полученъ указъ правительствующаго сената, которымъ *отмѣнено* со всѣми послѣдствіями рѣшеніе мироваго съѣзда, признавшаго оплаченнымъ заемное обязательство, дѣло передано въ другой мировой съѣздъ, который уже *присудилъ* съ С. въ пользу П., по означенному заемному письму, 500 руб. съ процентами со дня предъявленія иска по день взысканія, съ судебными и за веденіе дѣла издержками.

Сообщая объ этихъ фактахъ изъ судебной практики, г. Васильченко выражаетъ, что пріостановивъ противъ Гликмана уголовное преслѣдованіе въ виду поданнаго его повѣреннымъ прошенія, которымъ онъ заявилъ о намѣреніи подать въ сенатъ кассаціонную жалобу, путивльскій мировой съѣздъ «*поступилъ правильно, хотя и нарушилъ свое же рѣшеніе* и, можетъ быть,—точный смыслъ 29 ст. уст. угол. суд. и 184 ст. уст. гражд. суд.», и что, «справедливость требуетъ, чтобы обвиненіе

не возбуждалось до истеченія срока на принесеніе кассаціонной жалобы; но общій смыслъ 27 и 29 ст. уст. угол. суд., 184 и 3 п. 892 ст. уст. гражд. суд. говорятъ противное». Посему г. Васильченко предлагаетъ на разрѣшеніе вопросъ: съ какого времени наступаетъ возможность уголовнаго преслѣдованія обвиняемыхъ во вторичномъ требованіи долга по заемнымъ обязательствамъ и вообще по тѣмъ дѣламъ, по которымъ, на основаніи 27 ст. уст. уголов. суд., требуется разрѣшеніе спорныхъ предметовъ судомъ гражданскимъ, если эти спорные предметы уже разрѣшены второю инстанціею *гражданскаго* суда, мировымъ съѣздомъ или судебною палатою, въ смыслѣ дозволяющемъ возбужденіе уголовнаго преслѣдованія?—со времени ли составленія этихъ рѣшеній или по истеченіи срока на принесеніе кассаціонныхъ жалобъ?

Затронутый г. Васильченко вопросъ, самъ по себѣ интересный въ процессуальномъ отношеніи, конечно, заслуживаетъ вниманія юристовъ и по своей принципіальной важности. Только, для большей точности, этотъ вопросъ слѣдовало предложить въ той редакціи, въ которой онъ поставленъ въ заголовкѣ нашей статьи. Какъ мы видѣли, въ одномъ случаѣ истецъ Гликманъ избавился отъ уголовнаго преслѣдованія только благодаря тому, что мировой съѣздъ, въ какомъ-то особомъ (неустановленномъ, а слѣдовательно, и незаконномъ, но оказавшемся цѣлесообразнымъ) порядкѣ, пріостановился передачею копіи своего рѣшенія мировому судьѣ, съ отказомъ въ искѣ, на предметъ уголовнаго преслѣдованія, причемъ съѣздъ, въ нарушеніе 184 ст. уст. гражд. суд., можетъ быть пріостановился бы исполненіемъ этого рѣшенія и въ томъ случаѣ, еслибъ истцу была присуждена какая либо сумма. Во второмъ же случаѣ было возбуждено уголовное преслѣдованіе противъ неучаствовавшаго въ гражданскомъ дѣлѣ К. и истца П., хотя гражданское дѣло между истцомъ П. и отвѣтчикомъ С. еще не было рѣшено въ кассаціонномъ сенатѣ, и К. и П. понесли наказаніе, по оставленіи безъ послѣдствій ихъ кассаціонной жалобы на приговоръ уголовнымъ департаментомъ сената, тогда какъ гражданскій департаментъ сената кассировалъ рѣшеніе мироваго съѣзда по гражданскому дѣлу, изъ котораго, какъ бы преждевременно, возникло уголовное обвиненіе К. и П. за вторичное взысканіе по оплаченному отвѣтчикомъ С. заемному письму. Отсюда—очевидно, коллизія и противорѣчіе въ рѣшеніяхъ уголовнаго и гражданскаго суда по одному и тому же предмету. По всей вѣроятности, подсудимые К. и П. въ своей кассаціонной жалобѣ указывали на преждевременность возбужденія противъ нихъ уголовнаго преслѣдованія до разрѣшенія ихъ кассаціонной жалобы по гражданскому дѣлу, но уголовный кассаціонный сенатъ, на законномъ основаніи, оставилъ ихъ жалобу безъ послѣдствій. Такимъ образомъ, судебная практика представляетъ намъ случаи, когда незаконный, произвольный процессуальный порядокъ (по дѣлу Гликмана) оказывается справедливѣе и цѣлесообразнѣе законнаго порядка (по дѣлу П. и С.). Но что же это значитъ и правильно ли заключеніе г. Васильч-

ченко, сообщившаго намъ такіе удивительные судебные казусы? Нельзя ли установить такой процессуальный порядокъ, чтобы подобные случаи, возмущающіе чувство справедливости, болѣе не повторялись?

По первому вопросу, согласно съ воззрѣніями законодателя и кассаціоннаго сената, я нахожу ошибочнымъ заключеніе г. Васильченко о томъ, что путивльскій мировой съѣздъ поступилъ правильно, пріостановившись передачею копіи своего рѣшенія мѣстному мировому судьѣ для привлеченія Гликмана къ уголовной отвѣтственности до разрѣшенія въ сенатѣ его кассаціонной жалобы. Такой порядокъ возбужденія уголовныхъ дѣлъ мировымъ съѣздомъ у мироваго судьи не указанъ въ 42 ст. уст. угол. суд., исчисляющей поводы, по которымъ мировой судья приступаетъ къ разбирательству. Мировому съѣзду не предоставлено: ни возбуждать уголовное обвиненіе, ни разбирать по существу такія дѣла, которыя еще не были разсмотрѣны въ первой инстанціи—мировымъ судьею. Отъ мироваго съѣзда зависитъ только сообщить объ усмотрѣнномъ имъ преступленіи прокурорскому надзору (рѣш. угол. деп. сен. 1867 г., № 23, Демидова; 1868 г., № 763, Лебедева и Терехова; 1869 г., № 293, Сугоровскаго и др.). Постановленіе же суда о передачѣ обнаруженнаго имъ, при производствѣ гражданскаго дѣла, уголовнаго обстоятельства прокурорскому надзору не подлежитъ обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, ибо такое постановленіе не составляетъ ни рѣшенія по существу, ни окончательнаго приговора и даже не обязываетъ прокурорскій надзоръ къ непремѣнному возбужденію уголовнаго преслѣдованія (ст. 311 и 312 уст. угол. суд. и рѣш. гражд. деп. сен. 1867 г., № 343, Симборскаго; 1869 г., № 902, Сѣдникини и др.) [1]).

Итакъ, опредѣленіе путивльскаго мироваго съѣзда неправильно: во 1-хъ, потому, что съѣздъ хотя и имѣлъ право возбудить вопросъ объ уголовной отвѣтственности Гликмана, но копію своего рѣшенія по этому предмету онъ долженъ былъ сообщить не мировому судьѣ, а прокурору; во 2-хъ, для этой цѣли незачѣмъ было выжидать окончанія гражданскаго дѣла Гликмана въ кассаціонномъ сенатѣ, ибо постановленіе съѣзда по вопросу объ уголовной отвѣтственности Гликмана не подлежало обжалованію въ кассаціонномъ порядкѣ, и въ 3-хъ, такъ какъ, въ данномъ случаѣ, не было и рѣчи о пріостановленіи гражданскаго дѣла по иску Гликмана съ Павлоцкаго на основаніи 8 ст. уст. гражд. суд.,

---

[1]) Въ означенномъ рѣшеніи по дѣлу Симборскаго выражено: «третій предметъ жалобы касательно заключенія съѣзда о передачѣ прокурорской власти обстоятельства объ оскорбительныхъ выраженіяхъ, употребленныхъ просителемъ въ поданныхъ имъ бумагахъ, не подлежатъ разсмотрѣнію въ кассаціонномъ порядкѣ, такъ какъ въ этомъ порядкѣ, по 905 ст. у. уг. суд., допускаются жалобы только на окончательные приговоры по уголовнымъ обвиненіямъ; упомянутое же заключеніе съѣзда не только не составляетъ окончательнаго приговора, но даже и опредѣленія о преданіи суду».

ибо рѣшеніе этого исковаго дѣла не находилось въ зависимости отъ разсмотрѣнія уголовнаго обстоятельства (обвиненіе Гликмана по 3 пун. 174 ст. устава о нак.), то въ рѣшеніи съѣзда, которое могло быть обжаловано въ кассаціонномъ порядкѣ, и не слѣдовало упоминать о томъ, что съѣздъ опредѣлилъ возбудить уголовное преслѣдованіе противъ Гликмана. Не будь этой, откуда-то взявшейся, добавочной части въ рѣшеніи съѣзда по исковому дѣлу, не было бы и процессуальной путаницы. И въ самомъ дѣлѣ: по гражданскимъ дѣламъ судъ постановляетъ рѣшенія только въ предѣлахъ искового требованія (ст. 706 уст. гражд. суд.). Тогда, въ случаѣ соблюденія *надлежащаго* процессуальнаго порядка, за отказомъ Гликману въ искѣ и за подачею имъ кассаціонной жалобы, дѣло было бы представлено въ сенатъ, а къ прокурору слѣдовало бы только препроводить, сдѣланное въ распорядительномъ засѣданіи, особое постановленіе съѣзда по вопросу объ уголовномъ преслѣдованіи, и тогда отъ прокурора зависѣло бы возбудить или не возбуждать уголовное преслѣдованіе противъ Гликмана, чрезъ полицію, у мироваго судьи (кас. рѣш. 1867, № 290, Васильева), по соблюденіи лишь требованія 311, 312 ст. уст. угол. суд. Конечно, всякій осторожный и знающій свое дѣло прокуроръ едва ли возбудитъ уголовное преслѣдованіе, если полученное имъ отъ мироваго съѣзда сообщеніе не подтвердится полицейскимъ дознаніемъ или показаніемъ потерпѣвшаго и въ особенности, если еще не разсмотрѣно сенатомъ въ кассаціонномъ порядкѣ то гражданское дѣло, при разбирательствѣ котораго было усмотрѣно мировымъ съѣздомъ извѣстное преступленіе или уголовное обстоятельство. Кромѣ того, весьма сомнительно, чтобы прокуроръ призналъ возможнымъ или необходимымъ возбудить уголовное преслѣдованіе по такому дѣлу, по которому гражданскимъ судомъ уже отказано въ искѣ, хотя бы и въ виду недобросовѣстности иска, который нельзя же отождествлять, по его свойствамъ и юридическому значенію, съ преступленіемъ. Въ этомъ отношеніи не всякій даже подлогъ въ актахъ влечетъ за собою возбужденіе уголовнаго преслѣдованія, ибо лицо, представившее въ судъ подложный документъ, иногда вправѣ взять его обратно (ст. 110, 558 уст. гражд. суд.), а при отсутствіи прямаго обвиненія въ подлогѣ и по изслѣдованіи акта, признаннаго судомъ подложнымъ, такой подложный актъ только исключается судомъ, при рѣшеніи дѣла, изъ числа доказательствъ (ст. 561 того же устава). Въ частности же опредѣленіе путивльскаго мироваго съѣзда о передачѣ своего рѣшенія, для привлеченія Гликмана къ уголовной отвѣтственности, тому же мировому судьѣ, который разбиралъ гражданское дѣло, неправильно уже и потому, что этимъ самымъ съѣздъ какъ бы навязывалъ означенному мировому судьѣ разсмотрѣніе въ уголовномъ порядкѣ того дѣла, которое мировой судья только что разобралъ въ гражданскомъ порядкѣ, причемъ не усмотрѣлъ никакого уголовнаго обстоятельства. Если же, въ данномъ случаѣ, мировой съѣздъ призналъ за собою право возбудить уголовное преслѣдованіе противъ

Гликмана, сообщивъ о семъ не прокурору (какъ бы слѣдовало), а мировому судьѣ, то и въ этомъ случаѣ онъ долженъ былъ сообщить копію своего рѣшенія мировому судьѣ другаго участка, а не тому судьѣ, который ранѣе разбиралъ то же дѣло въ гражданскомъ порядкѣ, подобно тому, какъ поступаетъ сенатъ, кассируя судебное рѣшеніе. Въ отличіе отъ приговоровъ, — рѣшенія гражданскаго суда обращаются къ исполненію немедленно, не выжидая разсмотрѣнія того же дѣла въ кассаціонной инстанціи (ст. 156, 159, 184, 892 уст. гражд. суд.). Понятно, что такой порядокъ установленъ въ интересахъ взыскателя, въ устраненіи всякой медленности во взысканіи, неизбѣжной въ томъ случаѣ, еслибъ отвѣтчикъ могъ затянуть взысканіе подачею хотя бы самой неосновательной жалобы, и никакихъ особо вредныхъ послѣдствій чрезъ это не бываетъ, ибо въ случаѣ кассаціи судебнаго рѣшенія, послѣ вторичнаго разбирательства исковаго дѣла по существу, произошло бы только обратное перемѣщеніе денегъ отъ одного тяжущагося къ другому.

Итакъ, нѣтъ законнаго основанія и надобности въ пріостановленіи состоявшагося *по существу* рѣшенія, хотя бы въ искѣ и было отказано въ виду открывшихся уголовныхъ обстоятельствъ. Другое дѣло, *если разрѣшеніе иска зависитъ отъ доказанности уголовнаго событія*, а постановленіе приговора—отъ опредѣленія гражданскимъ судомъ правъ состоянія, правъ собственности на недвижимое имѣніе или свойства несостоятельности. Тогда уже необходимо пріостановленіе дѣла до разрѣшенія возникшаго правоваго вопроса въ подлежащемъ судѣ (ст. 8 уст. гражд. суд. и 27 уст. угол. суд.). Указываемый нами *надлежащій* процессуальный порядокъ не измѣнился бы и въ томъ случаѣ, еслибъ, разрѣшая исковыя требованія, гражданскій судъ призналъ бы дѣйствительнымъ одинъ долговой документъ (положимъ, подписанный отвѣтчикомъ счетъ изъ магазина) и отвергъ бы другой документъ, какъ уже оплаченный (другой счетъ). И въ этомъ случаѣ, присуждая взысканіе по первому документу и отказывая въ искѣ по другому документу, гражданскій судъ не имѣлъ бы законнаго основанія къ пріостановленію рѣшенія дѣла до изслѣдованія въ уголовномъ порядкѣ вопроса о подлогѣ или оплаченности втораго документа, хотя гражданскій судъ въ то же время и не лишенъ права сообщить прокурору объ усмотрѣнномъ имъ въ гражданскомъ дѣлѣ уголовномъ обстоятельствѣ, а прокуроръ, на основаніи такого сообщенія, конечно, не обязанъ былъ бы непремѣнно возбудить уголовное преслѣдованіе. Если бы, въ данномъ случаѣ, обвинительная власть дѣйствовала вполнѣ осмотрительно и осторожно, получивъ сообщеніе мироваго съѣзда о возбужденіи уголовнаго преслѣдованія противъ неучаствовавшаго въ гражданскомъ дѣлѣ К. и истца П. и, по крайней мѣрѣ, выждала бы окончанія того же дѣла въ гражданскомъ кассаціонномъ сенатѣ, то эти лица, К. и П., конечно, не были бы преждевременно привлечены къ уголовной отвѣтственности и не подверглись бы наказанію за будто бы совершенное ими преступленіе, а чрезъ это и не возникло бы

коллизіи между уголовнымъ и *гражданскимъ судомъ, которымъ, послѣ кассаціи рѣшенія, окончательно,* въ смыслѣ 29 ст. уст. угол. суд., была признана дѣйствительность заемнаго письма, полученнаго истцомъ П. отъ К. и предъявленнаго имъ ко взысканію съ С. Смѣшеніе уголовнаго порядка съ гражданскимъ при разбирательствѣ дѣла, само по себѣ составляя кассаціонный поводъ къ отмѣнѣ рѣшенія или приговора, не должно быть допускаемо ни въ какомъ случаѣ. Какъ мы сказали уже, прецессуальная неурядица по вышеозначеннымъ гражданскимъ дѣламъ возникла изъ-за того, что, не пріостанавливая дѣла по 8 статьѣ устава гражд. судопр. (ибо и основанія къ такому пріостановленію не было за отказомъ въ искѣ), гражданскій судъ, по ошибкѣ, включилъ въ резолюцію и свое постановленіе о сообщеніи кому слѣдуетъ своего рѣшенія на предметъ возбужденія противъ истца Гликмана, по первому дѣлу, и противъ истца П. и неучаствовавшаго въ дѣлѣ К., по второму дѣлу, уголовнаго преслѣдованія, тогда какъ такое постановленіе могло быть сдѣлано особо, причемъ оно ни въ какомъ случаѣ не препятствовало бы дальнѣйшему движенію обоихъ дѣлъ въ гражданскомъ порядкѣ, хотя-бы они и были переданы въ кассаціонную инстанцію.

Разбирая исковое дѣло и останавливаясь на вопросѣ о необходимости возбужденія уголовнаго преслѣдованія (кѣмъ бы ни былъ поднятъ этотъ вопросъ—тяжущимися или собственнымъ усмотрѣніемъ суда), гражданскій судъ обязанъ помнить, что пріостановленіе разбираемаго имъ гражданскаго дѣла можетъ быть допущено только на основаніи 8 ст. уст. гражд. суд., когда, до разсмотрѣнія возникшаго вопроса уголовнымъ судомъ, нельзя постановить рѣшенія. Конечно, судебная практика представляетъ случаи [2]), когда прокуроръ отказывалъ гражданскому суду въ возбужденіи уголовнаго преслѣдованія по сообщеніямъ о преступленіи, сдѣланнымъ на основ. 8 ст. уст. гражд. суд., и тѣмъ какъ бы ставилъ гражданскій судъ въ невозможность разрѣшенія пріостановленнаго искового дѣла. Нельзя подчинить прокуратуру суду, но въ то же время нельзя признать нормальнымъ и такой порядокъ, когда прокуроръ своею единоличною властью парализуетъ опредѣленія судебной коллегіи. Въ статьѣ „*Жалобы и протесты*“, я доказывалъ уже, что такія частныя опредѣленія суда, неотмѣненныя высшею инстанціею, должны быть обязательны для прокурора; то есть, получивъ копію опредѣленія гражданскаго суда о необходимости возбудить слѣдствіе, напримѣръ, по обвиненію кого-либо въ злостномъ банкротствѣ,—прокуроръ обязанъ возбудить слѣдствіе, хотя бы слѣдственное производство затѣмъ и было бы прекращено по 277 или 523 ст. уст. угол. суд. Тогда гражданскій судъ, по крайней мѣрѣ, будетъ имѣть основаніе выразить въ рѣшеніи, что хотя и возбуждался вопросъ о преступленіи и первоначально имѣлись

---

[2]) См. мою статью „*Жалобы и протесты*“ въ VIII кн. *Журн. Гр. и Угол. Пр.* за 1885 г.

въ виду суда уголовныя обстоятельства, достаточныя для возбужденія преслѣдованія, но слѣдствіемъ, въ *уголовномъ* порядкѣ, не доказаны ни фактъ преступленія, ни виновность въ немъ извѣстнаго лица. Но, какъ только гражданскій судъ постановилъ рѣшеніе по существу, уваживъ или отвергнувъ требованія истца, усматриваемыя судомъ уголовныя обстоятельства уже нисколько не вліяютъ на дальнѣйшій ходъ дѣла въ кассаціонной инстанціи, ибо для прокурора необязательно даже возбужденіе уголовнаго преслѣдованія. Всѣ заботы суда о возбужденіи слѣдствія не должны идти дальше простаго сообщенія прокурору объ усмотрѣнномъ преступленіи съ сохраненіемъ его признаковъ и слѣдовъ и съ пріостановленіемъ производства только въ случаяхъ, указанныхъ въ 8 ст. уст. гражд. суд. Да если бы гражданскій судъ и присудилъ взысканіе, напримѣръ, по векселю, оказавшемуся впослѣдствіи подложнымъ по изслѣдованіи въ уголовномъ судѣ, то еще нѣтъ законнаго основанія къ пріостановленію гражданскаго дѣла изъ-за возможности такого ошибочнаго рѣшенія. Уплативъ по подложному или уже оплаченному векселю (что нерѣдко бываетъ въ жизни), отвѣтчикъ вправѣ, одновременно съ производствомъ гражданскаго дѣла или впослѣдствіи, доказывать въ уголовномъ порядкѣ подложность или оплаченность этого векселя, фиктивность займа, причемъ онъ вправѣ заявить и гражданскій искъ по этому уголовному дѣлу и можетъ даже получить полное удовлетвореніе въ случаѣ чьей либо доказанной виновности и обвинительнаго приговора. Здѣсь можетъ быть рѣчь только о томъ, насколько такой *законный* порядокъ гарантируетъ вполнѣ добросовѣстнаго отвѣтчика, который обязанъ платить истцу даже по ошибочному рѣшенію гражданскаго суда, будучи увѣренъ въ своей правотѣ и въ то же время не будучи увѣренъ въ томъ, что въ уголовномъ судѣ будетъ доказана виновность истца и онъ, отвѣтчикъ, на основаніи уголовнаго приговора, возмѣститъ всѣ свои убытки съ осужденнаго истца. Можетъ быть такой злополучный отвѣтчикъ—плательщикъ не добьется у судебныхъ властей (прокурора и судебнаго слѣдователя) даже возбужденія уголовнаго преслѣдованія противъ недобросовѣстнаго или преступнаго истца; можетъ быть обвиняемый будетъ оправданъ или, по осужденіи, окажется несостоятельнымъ. Но, вмѣстѣ съ тѣмъ, законодатель не можетъ же допустить процессуальной путаницы, которая неизбѣжно возникнетъ въ томъ случаѣ, когда достаточно было бы отвѣтчику заявить въ судѣ о подложности, фиктивности или оплаченности представленнаго ко взысканію документа, чтобы пріостановить исковое дѣло, которое должно быть пріостановлено только въ случаѣ, означенномъ въ 8 ст. уст. гражд. суд., когда рѣшеніе искового требованія находится въ зависимости отъ предварительнаго разсмотрѣнія дѣла въ уголовномъ судѣ.

Валерьянъ Волжинъ.

СНАБЖЕНІЕ ХЛѢБОМЪ ГОРОДА МОСКВЫ.

Московская городская дума поручила статистическому отдѣленію городской управы произвести изслѣдованіе хлѣбопекарнаго промысла въ городѣ Москвѣ. Имѣя въ виду, что такое порученіе было вызвано обсужденіемъ вопроса о таксѣ на хлѣбъ въ нашей столицѣ, отдѣленіе должно было не только дать описаніе состоянія хлѣбопекарнаго дѣла, но и попытаться уяснить, на сколько въ настоящее время введеніе въ Москвѣ таксы на хлѣбъ необходимо и возможно. Въ этомъ направленіи была составлена программа и произведено самое изслѣдованіе; результатомъ этого изслѣдованія (въ мартѣ текущаго года) появилась работа отдѣленія: «Хлѣбопекарный промыселъ и такса на хлѣбъ въ Москвѣ». Заключая въ себѣ до 12 печатныхъ листовъ текста и болѣе 5 листовъ приложеній, работа эта по такому спеціальному предмету можетъ разсчитывать на весьма ограниченный кругъ читателей, непосредственно заинтересованныхъ вопросомъ, а между тѣмъ нѣкоторыя ея части представляютъ общій интересъ. Въ виду этого, намъ и кажется небезполезнымъ дать настоящее краткое извлеченіе изъ названнаго труда.

I.

Историческія указанія о хлѣбопекарномъ дѣлѣ въ Москвѣ и современное его положеніе.

Насколько можно было судить изъ разспросовъ нѣкоторыхъ современныхъ булочниковъ, въ состояніи хлѣбопекарнаго промысла въ Москвѣ и въ его характерѣ можно отмѣтить три періода: первый—до 20-хъ годовъ нашего столѣтія, второй—съ 20-хъ до 50-хъ и третій—новѣйшій періодъ.

Съ конца прошлаго вѣка до 20-хъ годовъ хлѣбопекарное дѣло Москвы было исключительно въ рукахъ русскихъ хлѣбниковъ. Сорта хлѣба того времени не отличались ни разнообразіемъ, ни особенной тщательностью

выпечки; пекарни или «курени» обыкновенно располагались у заставъ и по глухимъ улицамъ Москвы, а сбытъ выпеченнаго ими хлѣба производился или путемъ разноса его по домамъ потребителей, или изъ палатокъ, разбросанныхъ по всѣмъ городскимъ рынкамъ и по центральнымъ мѣстностямъ города. Послѣ 1812 года, когда Москва стала быстро обстраиваться и заселяться, дѣла хлѣбниковъ пошли весьма хорошо; вновь прибывавшіе потребители сами стали приходить къ пекарямъ, продававшимъ имъ хлѣбъ черезъ форточки своихъ куреней. Но все-же такихъ открытыхъ и хорошо обставленныхъ помѣщеній при пекарняхъ для продажи хлѣба, какія мы видимъ при булочныхъ въ наше время, до конца 20-хъ годовъ не было вовсе.

Съ 20-хъ годовъ выгодность хлѣбопекарнаго промысла начала привлекать въ Москву много пекарей иностранцевъ, преимущественно нѣмцевъ. Они основывали свои булочныя, главнымъ образомъ, въ центральныхъ частяхъ Москвы; при каждой изъ нихъ были устроены чисто содержимые магазины, откуда потребитель могъ всегда получать хорошо выпеченный и свѣжій хлѣбъ. Сначала русскіе хлѣбники отнеслись недовѣрчиво къ нѣмецкимъ затѣямъ, но видя, что дѣла нѣмецкихъ булочныхъ пошли очень хорошо, стали сами перенимать отъ нѣмцевъ ихъ пріемы хлѣбопекарнаго дѣла и торговли. На главныхъ улицахъ стали появляться и русскія пекарни, съ чисто содержимыми магазинами и хорошо выпеченнымъ разнообразнымъ хлѣбомъ. Героемъ этого періода борьбы русской булочной съ нѣмецкой является покойный И. М. Филипповъ; за нимъ потянулись и другіе русскіе хлѣбники, стараясь выпекать хлѣбъ не хуже нѣмцевъ, а продавать его дешевле нѣмецкихъ булочныхъ. Къ началу 60-хъ годовъ русскія пекарни получили по своей численности громадный перевѣсъ надъ иностранными; нѣмцы не выдержали конкурренціи русскихъ хлѣбниковъ и стали мало-по-малу прекращать дѣло.

Съ 60-хъ годовъ наступаетъ третій періодъ существованія Московскихъ булочныхъ — періодъ почти безраздѣльнаго господства русскихъ булочниковъ. Мѣстныя изслѣдованія 1888 года обнаружили, что изъ 364 пекаренъ, 347 принадлежатъ православнымъ или раскольникамъ, 12— евреямъ и только хозяева 5 пекаренъ оказались лютеранскаго вѣроисповѣданія. Такую побѣду русскаго элемента въ булочномъ дѣлѣ Москвы современные булочники не безъ основанія объясняютъ, главнымъ образомъ, малоразвитыми потребностями русскихъ хлѣбниковъ сравнительно съ булочниками нѣмцами;—это давало возможность русскимъ пекарямъ въ періодъ усиленной конкурренціи съ иностранцами довольствоваться меньшимъ процентомъ прибыли.

Существуетъ мнѣніе, что со времени отмѣны таксы въ Москвѣ (1865 годъ), число пекаренъ быстро, въ нѣсколько разъ возрастало, т. е., что эта отмѣна дала значительно большій просторъ конкурренціи булочниковъ. Это совершенно не подтверждается исторической справкой о числѣ пекарныхъ заведеній; такъ напримѣръ, за годъ до отмѣны таксы—въ

1864 году, въ Москвѣ числилось 277 пекаренъ, а черезъ четверть вѣка, когда снова вопросъ о таксѣ на хлѣбъ сталъ на очередь, ихъ считалось (1888-й годъ) 370, или въ средній годъ этого періода прибывало не болѣе 4 пекаренъ. Этотъ приростъ пекаренъ шелъ параллельно съ ростомъ московскаго населенія и даже значительно отставалъ отъ него, такъ что размѣръ средней московской булочной все возрасталъ; это замѣчаніе можно подтвердить слѣдующими цифровыми данными:

	Число пекар.	Число жителей обоего пола.	
		Всѣхъ.	На 1 пекарню.
Въ 1832 году	266	322,566	1,212
» 1839 »	262	349,068	1,332
» 1871 »	307	601,969	1,961
» 1885 »	364	753,463	2,070

Т. е., въ 30-хъ годахъ средняя московская пекарня выпекала хлѣба только на 1,200—1,300 потребителей, тогда какъ въ 80-хъ—на 2,000, или: въ 80-хъ годахъ она должна была производить хлѣба по крайней мѣрѣ на $^2/_3$ болѣе.

Вообще на основаніи этихъ и другихъ, имѣющихся у насъ данныхъ можно утверждать, что хотя число пекарныхъ заведеній Москвы растетъ за послѣдніе годы довольно медленно, за то ихъ средній размѣръ становится значительно больше. Въ Парижѣ замѣчается обратное явленіе: тамъ ростъ числа булочныхъ выраженъ гораздо рѣзче, чѣмъ въ Москвѣ, а средняя парижская булочная съ годами мельчаетъ; такъ напримѣръ, въ Парижѣ было: [1])

	Число булочныхъ.	Жителей на 1 булочную.
Въ 1862 году	907	1,871
» 1885 »	1,787	1,270

Какое-же измѣненіе среднихъ размѣровъ булочной выгоднѣе для населенія—замѣчаемое въ Парижѣ или наблюдаемое въ Москвѣ? Для уясненія этого вопроса мы обратимъ здѣсь вниманіе на то, что если въ болѣе крупной средней булочной Москвы накладные расходы булочника раскладываются на большее число мѣшковъ и ихъ оплачиваетъ большее число потребителей, за то здѣсь конкурренція между булочными (при сравнительно небольшомъ ихъ числѣ) должна быть слабѣе, чѣмъ въ Парижѣ,

---

[1]) См. статью г. Г. Познякова: «Хлѣбопекарный промыселъ и такса на хлѣбъ въ Парижѣ» въ «Извѣстіяхъ М. Г. Думы» за 1888 г., вып. IX.

что въ свою очередь не можетъ благопріятствовать развитію технической стороны дѣла и установленію минимальныхъ цѣнъ на продукты ихъ производства.

Чтобы дать общее понятіе о современныхъ размѣрахъ хлѣбопекарнаго промысла въ Москвѣ, приведемъ слѣдующія цифры. Въ 364 [2]) пекарняхъ Москвы насчитывается до 1,000 печей, ежедневно выпекающихъ до $1^1/_2$ тысячи кулей ржаной муки и до 1,000 мѣшковъ разныхъ сортовъ пшеничной муки; хлѣбопеченьемъ въ этихъ пекарняхъ заняты до 4,000 рабочихъ. Въ теченіе года московскіе булочники выпекаютъ болѣе $^1/_2$ милліона кулей или почти 5,000,000 пудовъ ржаной муки и около 2,000,000 пуд. пшеничной. Всѣ эти цифровыя указанія о ежедневной и годичной выпечкѣ, основанныя на словахъ самихъ хозяевъ булочныхъ, нѣсколько ниже дѣйствительныхъ. На основаніи тѣхъ-же показаній (съ нѣкоторыми поправками), всѣ московскія пекарни выпекаютъ разныхъ сортовъ хлѣба по крайней мѣрѣ на 11,000,000 рублей или, въ среднемъ на жителя Москвы, около 14 рублей въ годъ; въ однихъ только магазинахъ при пекарняхъ занято продажей этого хлѣба приходящимъ потребителямъ 605 человѣкъ.

На основаніи этихъ данныхъ, размѣръ средней московской пекарни можно представить слѣдующимъ образомъ: 3 ея печи ежедневно выпекаютъ до 4 кулей (35 пуд.) ржаной муки и $2^1/_2$ мѣшка ($12^1/_2$ пуд.) муки пшеничной; надъ выпечкой этого количества муки работаютъ въ ней 11 человѣкъ, успѣвая въ годъ выпечь хлѣба почти на 30,000 руб.

Уже было замѣчено, что парижская булочная значительно мельче московской (судя по среднему числу потребителей); то-же слѣдуетъ и изъ сравненія ежедневной выпечки: по показанію синдиката парижскихъ булочниковъ, средняя булочная Парижа выпекаетъ только 2 мѣшка по 157 килограммовъ или всего 19 пуд. 6 ф. пшеничной муки, тогда какъ въ Москвѣ—$47^1/_2$ пудовъ ржаной и пшеничной муки.

Главная масса московскихъ хлѣбопекаренъ разбросана на громадномъ пространствѣ окраинныхъ мѣстностей: 265 или $^3/_4$ всѣхъ пекаренъ расположены за Москвой рѣкой и внѣ кольца Садовыхъ улицъ; внутри этого кольца находятся только 99 пекаренъ. Но за то булочныя центральныхъ мѣстностей значительно крупнѣе; наибольшій средній размѣръ пекарнаго заведенія — въ мѣстности 1-го и 2-го поясовъ, заключенной между кремлевской стѣной и Садовой: здѣсь средняя пекарня вдвое крупнѣе и по числу рабочихъ (20 и 17), и по размѣру валоваго оборота (52 и 46 тысячъ рублей), чѣмъ въ 3-мъ поясѣ и Замоскворѣчьи, гдѣ въ средней пекарнѣ лишь 8 рабочихъ и 23—25 тысячъ валоваго оборота.

Характерной особенностью окраинныхъ пекаренъ являются малые размѣры выпечки изъ пшеничной муки — въ среднемъ менѣе 2 мѣшковъ, тогда какъ въ 1-мъ поясѣ средніе размѣры достигаетъ 5 мѣшковъ.

---

[2]) Всѣхъ пекаренъ было въ 1888 году 371, но о 7 мы данныхъ не имѣемъ,—они только что начинали тогда свою дѣятельность.

Дѣйствительные размѣры московскихъ пекаренъ чрезвычайно разнообразны: есть пекарни, продающія хлѣбъ всей своей годичной выпечки не болѣе 1,500—2,000 рублей, тогда какъ валовой оборотъ другихъ значительно превосходитъ 100,000 рублей, достигая даже полумилліона и болѣе. Тогда какъ въ однѣхъ пекарняхъ больше десятка печей и 100—200 рабочихъ, въ другихъ—пекарь—самъ хозяинъ, жена его—подручный, а хлѣбъ выпекается въ простой русской печкѣ.

Если всѣ пекарныя заведенія Москвы разбить на двѣ крупныя категоріи по размѣру ихъ производства (до 50,000 руб. валоваго оборота и съ оборотомъ выше 50,000 р.), то получимъ такую табличку:

Размѣръ валоваго оборота пекарни.	Пекарныхъ заведеній. Всего.	%	Въ нихъ %%. Рабочихъ.	Рублей валоваго оборота.
50,000 р. и менѣе . .	305	83,8	54,8	52
51,000 » и болѣе. . .	59	16,2	45,2	48
Итого. . . .	364	100	100	100

Т. е. 1/6 (59) пекарныхъ заведеній Москвы настолько крупны, что сосредоточиваютъ въ себѣ почти 1/2 всего производства хлѣбопекарнаго промысла.

Если сдѣлаемъ такого-же рода группировку пекаренъ по мѣстностямъ Москвы, то увидимъ, что центральная часть города (внутри Садовыхъ) есть въ настоящее врямя мѣстность крупнаго хлѣбопекарнаго производства по преимуществу.

До сихъ поръ шла рѣчь о пекарныхъ заведеніяхъ вообще, безъ подраздѣленій ихъ хотя бы по главнѣйшимъ видамъ производимаго ими хлѣба, а между тѣмъ разнообразіе его сортовъ весьма велико. Изъ всѣхъ московскихъ пекаренъ только въ 67-ми выпекается какой-нибудь исключительно одинъ сортъ хлѣба, всѣ-же остальныя ведутъ смѣшанную выпечку; громадное большинство пекаренъ выпекаютъ не менѣе 5 сортовъ, а во многихъ изъ нихъ сорта хлѣба считаются десятками. Главнѣйшіе сорта издѣлій московскихъ пекаренъ слѣдующіе: ржаной хлѣбъ (кислый, сладкій, петербургскій), разный вѣсовой пшеничный, французскій (считающійся несдобнымъ), другіе сорта несдобнаго хлѣба, калачи, сайки, баранки, сухари, сдобныя печенія разныхъ видовъ и названій, кондитерскія печенія и даже конфекты.

Здѣсь нѣтъ надобности подробно прослѣживать, какъ распредѣляются пекарныя заведенія по видамъ выпекаемаго ими хлѣба; отмѣтимъ только общіе размѣры производства его главнѣйшихъ сортовъ. Уже было сказано, что по количеству вѣсовыхъ единицъ, выпечка ржаной муки московскими пекарнями въ 2 1/2 раза преобладаетъ надъ выпечкой муки пше-

ничной (5 и 2 милліона пудовъ); но цѣнность пшеничнаго хлѣба настолько выше, что въ оборотахъ всѣхъ вообще пекаренъ онъ играетъ болѣе значительную роль. Изъ 11 милліоновъ рублей всего валоваго оборота московскихъ булочныхъ, болѣе $6^1/_2$ милліоновъ ($61,_3\%$) приходится на хлѣбъ изъ пшеничной муки и только $38,_7\%$ (менѣе $4^1/_2$ милліоновъ) на ржаной хлѣбъ. Хотя во всѣхъ крупныхъ группахъ пекаренъ при подраздѣленіи ихъ на мѣстности или по размѣру валовыхъ оборотовъ, стоимость производства изъ пшеничной муки преобладаетъ надъ цѣнностью выпечки ржанаго хлѣба, тѣмъ не менѣе—чѣмъ крупнѣе оборотъ данной группы пекарныхъ заведеній и чѣмъ центральнѣе они расположены, тѣмъ относительно большая часть ихъ валоваго оборота составляется выпечкой разныхъ сортовъ пшеничнаго хлѣба. Такъ, напримѣръ, валовый оборотъ пекаренъ центральной мѣстности Москвы (внутри Садовыхъ) и пекаренъ съ годичнымъ валовымъ оборотомъ свыше 100,000 рублей почти на $^3/_4$ (на 71% и 74%) состоитъ изъ выпечки пшеничнаго хлѣба.

Совершенно аналогичныя соотношенія наблюдаются и въ количествѣ рабочихъ. Рабочіе, стоящіе на пшеничномъ хлѣбѣ, составляютъ $^2/_3$ ($67,_3\%$) всѣхъ рабочихъ московскихъ пекаренъ, остальная $^1/_3$ ($32,_7\%$) приходится на долю рабочихъ, выпекающихъ хлѣбъ изъ ржаной муки. Чѣмъ центральнѣе расположена группа булочныхъ и чѣмъ больше ихъ валовой оборотъ, тѣмъ относительно больше въ нихъ рабочихъ, занятыхъ выпечкой пшеничнаго хлѣба.

Изъ 3,879 рабочихъ московскихъ хлѣбопекаренъ — 1,005 пекарей ($25,_9\%$), слишкомъ вдвое больше подручныхъ—2,165 ($55,_8\%$) и 709 ($18,_3\%$) малолѣтнихъ; трудъ малолѣтнихъ —вообще говоря—значительно болѣе примѣняется при выпечкѣ изъ пшеничной муки: $21,_5\%$ рабочихъ на пшеничномъ хлѣбѣ — мальчики, тогда какъ на ржаномъ они составляютъ только $11,_7\%$.

Различныя категоріи рабочихъ получаютъ неодинаковое вознагражденіе, мѣсячное жалованье пекаря обыкновенно колеблется отъ 12 до 15 руб., но можно встрѣтить пекаря, съ одной стороны—съ жалованьемъ въ 8—10 р., съ другой — въ 20—25 руб. Жалованье подручнаго колеблется отъ 5 до 15 р., но чаще онъ получаетъ 7—8 р. въ мѣсяцъ. Мальчикъ въ большинствѣ случаевъ довольствуется 2 — 3 рублями въ мѣсяцъ; болѣе 5 р. жалованья мальчику у насъ не отмѣчено ни одного случая, но плата $1—1^1/_2$ рубля въ мѣсяцъ встрѣчается довольно часто, а иногда трудъ мальчика пріобрѣтается только за харчи и одежду.

Почти во всѣхъ пекарняхъ продовольствіе рабочаго лежитъ на обязанности хозяина; оно обходится около 7 руб. на рабочаго, считая и малолѣтнихъ.

Выпечка хлѣба въ московскихъ пекарняхъ идетъ почти непрерывно въ теченіе всего года; обыкновенно ихъ дѣятельность прекращается только на 1 день Пасхи, Рождества и на послѣдній день масляницы; въ нѣкоторыхъ пекарняхъ дается на отдыхъ пекарямъ по 2 дня каждаго изъ

этихъ праздниковъ. Вообще московскія булочныя работаютъ не менѣе 360 дней въ году, большинство же даже—362 дня.

Главный, почти исключительный элементъ хозяевъ московскихъ пекарныхъ заведеній—крестьяне, мѣщане и купцы православнаго вѣроисповѣданія; въ ихъ рукихъ сосредоточено почти все пекарное производство Москвы. По размѣру производства всѣхъ хозяевъ раздѣлили на три слѣдующихъ категоріи:

Валовой оборотъ булочника.	Проценты (%%).	
	Всѣхъ хозяевъ.	Ихъ валоваго оборота.
До 30,000 рублей	67,2	27,5
Отъ 31 до 50 тысячъ . .	14,8	17,3
Сверхъ 50,000 рублей. .	18	55,2

Болѣе $^2/_3$ (67,2%) булочниковъ - хозяевъ настолько мелки, что въ ихъ рукахъ немного больше $^1/_4$ (27,5%) всего хлѣбопекарнаго дѣла, тогда какъ 18% булочниковъ сосредоточили въ своихъ рукахъ больше $^1/_2$ (55,2%) всего булочнаго производства.

II.

Подвозъ къ Москвѣ хлѣбныхъ товаровъ. Торговля въ Москвѣ мукой и печенымъ хлѣбомъ. Цѣны на хлѣбъ и муку и вѣсъ французской булки. Потребленіе хлѣба въ Москвѣ.

Такой крупный центръ, какъ Москва, стягивала въ себя съ давнихъ поръ большое количество всевозможныхъ товаровъ, въ томъ числѣ и значительную массу хлѣбныхъ грузовъ въ зернѣ и мукѣ—овса, ржи и пшеницы, крупъ разныхъ сортовъ и пр. Въ прежнее время хлѣбный грузъ шелъ въ Москву изъ многихъ, даже весьма отдаленныхъ губерній (Воронежской, Самарской, Саратовской), главнымъ образомъ по зимнему гужевому пути, а также водой. Съ начала 60-хъ годовъ, т. е. со времени проведенія желѣзныхъ дорогъ, подвозъ къ Москвѣ хлѣбныхъ грузовъ гужемъ и водой сталъ быстро падать, смѣнившись болѣе скорымъ и удобнымъ способомъ доставки по рельсовымъ путямъ. Въ настоящее время гужеваго подвоза хлѣба къ Москвѣ почти не существуетъ; водой доставляется не много болѣе $^1/_2$ милліона пудовъ хлѣбныхъ грузовъ, а вся остальная ихъ масса ввозится въ Москву по входящимъ въ нее желѣзнодорожнымъ путямъ.

Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Москву ввозились воднымъ путемъ болѣе 11,000,000 пуд. хлѣбныхъ грузовъ, но уже въ 1863 году количество хлѣба, ввозимаго въ Москву водой, упло до 7,000,000 пудовъ, а въ 1869—1870 годахъ весь хлѣбный грузъ, шедшій въ Москву по водѣ, не достигалъ и 1 милліона пуд.

До проведенія желѣзныхъ дорогъ гужевой подвозъ въ Москву хлѣбовъ разныхъ сортовъ достигалъ въ нѣкоторые годы 12—15 милліоновъ пудовъ; съ проведеніемъ Рязанской желѣзной дороги онъ сразу упалъ, по крайней мѣрѣ, на $^1/_3$, и вообще цифры гужеваго провоза хлѣба къ Москвѣ съ проведеніемъ желѣзнодорожныхъ путей падаютъ не менѣе быстро, чѣмъ цифры ввоза водой.

Въ настоящее время весь годичный средній за шестилѣтіе 1882—87 гг. подвозъ въ Москву хлѣбныхъ грузовъ колеблется около 31 милліона пудовъ: около $^1/_2$ милліона подвозится водой, остальные $30^1/_2$ милліоновъ—по всѣмъ шести желѣзнодорожнымъ путямъ, входящимъ въ Москву. Но не весь этотъ грузъ остается въ Москвѣ: около 4 милліоновъ пудовъ хлѣба ежегодно снова вывозится изъ нея разными желѣзными дорогами, такъ что въ Москвѣ въ средній годъ шестилѣтія (1882 – 87 г.) остается около 27,000,000 пуд. разныхъ хлѣбныхъ товаровъ. Въ концѣ 60-хъ годовъ, по даннымъ Чаславскаго [3]), соотвѣтствующая цифра была равна 19 милліонамъ пуд., или съ тѣхъ поръ годичный подвозъ хлѣбныхъ грузовъ къ Москвѣ увеличился почти на 8 милліоновъ пудовъ.

Хлѣбные грузы, подвозимые къ Москвѣ, составляютъ весьма видную долю общаго грузоваго движенія къ ней по желѣзнодорожнымъ путямъ; они даютъ болѣе $^1/_6$ ($17,_3{}^0/_0$) общаго количества перевѣса ввоза въ Москву по желѣзнымъ дорогамъ надъ вывозомъ.

Главная масса остающагося въ Москвѣ хлѣбнаго груза (27 милл. пуд.) состоитъ изъ овса ($11^1/_2$ милліоновъ пуд.), а за нимъ уже слѣдуетъ ржаная мука ($6^1/_2$ милл. пуд.) и пшеничная ($3^1/_2$ милліона пудовъ). Чтобы нагляднѣе видѣть относительное значеніе 8 главнѣйшихъ категорій хлѣбныхъ товаровъ, ввозимыхъ въ Москву, выведемъ процентное отношеніе каждой изъ нихъ къ общему итогу (27 милл. пуд.) остающихся въ Москвѣ хлѣбныхъ грузовъ въ средній годъ шестилѣтія (1882—1887 годы):

	%		%
Овесъ	$44,_1$	Пшеница въ зернѣ	$3,_2$
Ржаная мука	$24,_6$	Ячмень	$2,_6$
Пшеничная мука	13	Рожь въ зернѣ	$2,_5$
Крупа и пшено	$9,_6$	Горохъ	$0,_4$

Относительныя количества подвоза къ Москвѣ наиболѣе интересующихъ насъ въ данный моментъ хлѣбовъ (ржи и пшеницы въ зернѣ и мукѣ) составляютъ вмѣстѣ $43,_3{}^0/_0$ или почти столько же, какъ грузъ овса ($44,_0{}^0/_0$); за ними слѣдуетъ крупа, дающая $^1/_{10}$ общаго количества остающихся въ Москвѣ хлѣбныхъ товаровъ, затѣмъ уже слѣдуютъ ячмень и горохъ, дающіе вмѣстѣ только $3{}^0/_0$ подвоза всѣхъ хлѣбныхъ грузовъ.

[3]) Хлѣбная торговля въ центральномъ раіонѣ Россіи. Часть I. «Изслѣдованіе В. Чаславскаго, 1873 года».

Какіе же желѣзнодорожные пути главнымъ образомъ участвуютъ въ подвозѣ къ Москвѣ и въ вывозѣ изъ нея всѣхъ грузовъ вообще и въ частности грузовъ хлѣба? Всѣхъ грузовъ по всѣмъ желѣзнымъ дорогамъ подвозилось въ Москву въ средній годъ шестилѣтія (съ 1882—1887 г.) до 195 милліоновъ пудовъ, вывозилось изъ нея—42 милліона пудовъ, т. е. всѣ шесть желѣзнодорожныхъ путей, входящихъ въ Москву, даютъ ежегодный перевѣсъ ввоза въ нее надъ вывозомъ въ 153 милліона пудовъ всевозможныхъ грузовъ. Весь этотъ ввозъ, вывозъ и перевѣсъ ввоза надъ вывозомъ по отдѣльнымъ дорогамъ распредѣляются слѣдующимъ образомъ въ средній годъ взятаго нами шестилѣтія:

	Ввезено тыс. пуд.	Вывезено тыс. пуд.	Перевѣсъ ввоза.
1) Московско-Брестская	50,508	5,973	44,535
2) Николаевская	48,868	5,264	35,604
3) Московско-Курская	33,721	7,093	26,628
4) » Рязанская	32,755	7,687	25,068
5) » Нижегородская	22,963	10,323	12,640
6) » Ярославская	14,251	5,723	8,528

По общему ввозу въ Москву всѣхъ товаровъ стоитъ впереди другихъ одна изъ самыхъ молодыхъ дорогъ—М.-Брестская, за ней слѣдуютъ Николаевская; Курская и Рязанская занимаютъ среднее мѣсто, а Нижегородская и Ярославская даютъ наименьшее количество ввоза и перевѣса ввоза надъ вывозомъ.

Совершенно въ иномъ порядкѣ распредѣляются желѣзныя дороги по количеству подвозимыхъ ими къ Москвѣ грузовъ хлѣба: во главѣ всѣхъ въ этомъ отношеніи стоитъ Рязанская дорога, за ней слѣдуетъ Курская; Нижегородская и Ярославская дороги не даютъ и по $^1/_2$ милліона пудовъ остатка въ Москвѣ отъ транспортируемыхъ ими хлѣбныхъ грузовъ вообще, а по Николаевской и Брестской,—вывозъ хлѣба изъ Москвы больше ввоза въ нее. Сказанное сейчасъ точнѣе видно изъ таблицы, гдѣ выдѣлены также ржаная и пшеничная мука:

	Перевѣсъ ввоза въ Москву надъ вывозомъ (тысячъ пудовъ).		
	Всѣхъ хлѣбныхъ грузовъ.	Ржаной муки.	Пшеничной муки.
1) Московско-Рязанская	18,203	6,433	1,598
2) » Курская	8,231	997	646
3) » Нижегородская	493	301	1,138
4) » Ярославская	403	178	211
5) » Брестская	247	234	115
9) Николаевская	546	180	20

Въ прежнее время, до проведенія желѣзныхъ дорогъ, главными мѣстами хлѣбнаго торга въ Москвѣ были лабазы, расположенные близъ

стѣны Китай-города, на набережной Москвы рѣки и Болотная площадь. Въ настоящее время, вмѣстѣ съ паденіемъ подвоза хлѣба гужомъ и водой, торговая дѣятельность Болота, какъ хлѣбнаго рынка, исчезла совершенно; пала и торговля москворѣцкихъ лабазовъ. Главное мѣсто хлѣбнаго торга въ Москвѣ представляютъ теперь товарные вокзалы Курской, Нижегородской, частію Ярославской желѣзныхъ дорогъ, но главнымъ образомъ—товарная платформа Рязанской дороги. Здѣсь же покупаютъ муку и многіе изъ булочниковъ; крупнѣйшіе изъ нихъ пріобрѣтаютъ муку болѣе или менѣе значительными партіями, по нѣсколько вагоновъ у оптовыхъ торговцевъ или на мѣстахъ производства и выдѣлки; малосильные хлѣбники муку покупаютъ въ ближайшихъ лучшихъ лавкахъ и лабазахъ—по нѣскольку кулей или мѣшковъ.

Въ зависимости отъ мѣста покупки, а въ особенности отъ ея размѣровъ, значительно измѣняется и цѣна муки. При покупкѣ одного и того же небольшаго количества муки въ мѣстной лавкѣ или лабазѣ куль и мѣшокъ обходятся на 5—10 коп. дороже, чѣмъ при покупкѣ на Рязанской станціи. Партію въ 50—100 мѣшковъ уже можно пріобрѣсти съ болѣе значительной скидкой (25—30 коп. на мѣшокъ) противъ обычной цѣны при мелочной закупкѣ. Пріобрѣтая муку цѣлыми вагонами, можно имѣть уступку противъ лабазныхъ цѣнъ отъ 5 до 7%, т. е. до 1 рубля съ мѣшка пшеничной муки и до 50 коп. съ куля ржаной. Такимъ образомъ, ходячія лабазныя цѣны на муку при покупкѣ нѣсколькихъ мѣшковъ или кулей оказываются слишкомъ высокими для булочниковъ, располагающихъ для покупки ея нѣсколькими сотнями рублей.

Хлѣбъ, выпекаемый пекарными заведеніями Москвы, сбывается ими или непосредственно изъ магазина при пекарнѣ, или изъ хлѣбныхъ лавокъ, а также съ помощью всевозможныхъ поставокъ и даже путемъ продажи на базарахъ и рынкахъ. Продажа изъ магазина при пекарнѣ или изъ хлѣбной лавки ведется въ большинствѣ случаевъ на наличныя деньги, изрѣдка же на книжку, съ недѣльной расплатой. Это, повидимому, самый удобный и выгодный для пекаря видъ сбыта, такъ какъ хлѣбъ продается отсюда безъ всякой сбавки; но за то покупатель знаетъ, изъ какой булочной взятъ хлѣбъ и, не пользуясь никакой уступкой, болѣе требователенъ. Самая репутація булочной устанавливается главнымъ образомъ продажей изъ магазина; понятно, почему въ магазинъ приносится изъ пекарни лучшій, наиболѣе удавшійся хлѣбъ; остальной уходитъ въ поставки, а въ крайнемъ случаѣ даже на рынокъ. При поставкахъ обыкновенно допускается отдача хлѣба въ кредитъ на 1—2 мѣсяца; случается и расплата черезъ болѣе долгій промежутокъ времени. При поставкахъ и разнощикамъ хлѣбъ обыкновенно отпускается по нѣсколько низшей цѣнѣ, чѣмъ изъ магазина при пекарнѣ; наибольшая сбавка дѣлается на мелкомъ хлѣбѣ изъ пшеничной муки; такъ, напримѣръ, пятикопѣечный французскій хлѣбъ ставится и продается разнощикамъ по 4 коп., т. е. съ уступкой 20%, тогда какъ на вѣсовой ржа-

ной хлѣбъ сбавка рѣдко доходитъ до 10%; но особенно дешево сбывается зачерствѣвшій, «вчерашній» французскій хлѣбъ,—вмѣсто 5 коп. за штуку—по 3 коп. и даже по 2 р. 60 коп. за сотню.

Мы имѣемъ данныя о цѣнахъ на печеный хлѣбъ и муку съ конца прошлаго вѣка по настоящее время. Съ 1797 года по 1865 годъ въ Москвѣ существовала постоянная такса на хлѣбъ, а частію и на муку; вотъ эти то данныя — таксъ, близко подходящія къ современнымъ намъ цѣнамъ на хлѣбъ и муку, и извлечены нами частію изъ дѣлъ московскихъ архивовъ, частію изъ таксъ, печатавшихся въ «Московскихъ Вѣдомостяхъ» соотвѣтствующихъ лѣтъ. Эти матеріалы дали намъ возможность установить ежемѣсячныя цѣны на ржаной хлѣбъ и муку, а изъ нихъ уже выведены годичныя цѣны на эти продукты. Съ 1870—1888 годъ мы пользовались свѣдѣніями «Недѣльныхъ вѣдомостей о справочныхъ цѣнахъ», публикуемыхъ москов. город. управой.

Уже изъ просмотра среднихъ годичныхъ цѣнъ на ржаной хлѣбъ и муку легко замѣтить ихъ возрастаніе по мѣрѣ приближенія къ нашему времени; сведя эти погодныя данныя къ десятилѣтнимъ періодамъ, это возрастаніе цѣнъ на ржаной хлѣбъ и муку станетъ намъ еще виднѣе. Правда, въ первыя 6-десятилѣтій (съ 1797—1856 г.) ростъ цѣнъ идетъ довольно медленно, съ возвратомъ къ цѣнамъ предыдущихъ періодовъ; но съ 1857 года возрастаніе цѣнъ идетъ весьма быстро, такъ что уже въ 70-хъ годахъ цѣна на хлѣбъ (71 коп. за пудъ) и муку (7 р. 67 коп. за куль) чуть не вдвое превышаютъ цѣны 40-хъ и 50-хъ годовъ, а цѣны 80-хъ годовъ въ $2^1/_4$ раза выше послѣднихъ (впрочемъ, тутъ были 2 года съ изумительно высокими цѣнами). Сказанное о цѣнахъ по періодамъ можно прослѣдить на такой табличкѣ:

ПЕРІОДЫ.	Цѣна въ копѣйкахъ серебра.	
	Куля ржаной муки.	Пуда ржанаго хлѣба.
Отъ 1797—1806 г.	374	37
» 1807—1816 »	338	29
» 1817—1826 »	360	35
» 1827—1836 »	362	33
» 1837—1846 »	441	41
» 1847—1856 »	401	39
» 1857—1862 »	613	54
» 1870—1879 »	763	71
» 1880—1887 »	943	88
Отъ 1797—1887 г.	496	46

Остановимся нѣсколько на погодныхъ цѣнахъ.

Изъ 84 лѣтъ, за которыя мы имѣемъ свѣдѣнія о цѣнахъ на ржаной

хлѣбъ и муку, болѣе $^1/_2$ было съ весьма низкими цѣнами на эти важнѣйшіе продукты потребленія: въ теченіе 46 лѣтъ средняя годичная цѣна пуда хлѣба не достигала и 40 коп., а 117 лѣтъ она была даже ниже 30 коп.; соотвѣтственно этимъ цѣнамъ на печеный хлѣбъ, и среднія годичныя цѣны на ржаную муку стояли 43 года ниже 4 руб. за куль, а 17 изъ нихъ—даже ниже 3 руб.

Мы видѣли изъ итога предыдущей таблички, что средняя цѣна за всѣ 84 года пуда ржанаго хлѣба равнялась 46 коп., а куля муки — 4 р. 96 коп.; число лѣтъ съ близкими къ этимъ среднимъ цѣнамъ на печеный хлѣбъ (40—49 коп. за пудъ) было за взятый періодъ 11, а съ средними цѣнами на муку (4 р.—4 р. 99 коп. за куль)—12.

Наконецъ, съ цѣнами выше среднихъ на хлѣбъ (50 коп. и болѣе за пудъ) и на муку (5 р. и выше за куль) было около $^1/_3$ лѣтъ всего разсматриваемаго періода, т. е. 27 лѣтъ—для печенаго хлѣба и 29 лѣтъ—для муки; при чемъ 8 лѣтъ этой категоріи были съ чрезвычайно высокими цѣнами: пудъ ржанаго хлѣба стоилъ не менѣе 80 коп., куль муки—не менѣе 8 рублей.

Обратимъ здѣсь также вниманіе на то, что въ самомъ раннемъ періодѣ (съ 1797 по 1816 годъ) не было ни одного года съ цѣною хлѣба выше средней; въ самый дорогой годъ этого двадцатилѣтія (1803) средняя цѣна пуда ржанаго хлѣба достигла лишь 42 коп. Наоборотъ—всѣ года послѣдняго періода (1870—1887 г.) по своимъ цѣнамъ на хлѣбъ и муку были значительно выше средняго за всѣ 84 года: ни въ одинъ годъ этого новѣйшаго періода средняя годичная цѣна пуда ржанаго хлѣба не падала ниже 65 коп., а куля муки—ниже 6 р. 32 коп.

Разсматривая болѣе детально цѣны на ржаной печеный хлѣбъ за новѣйшій періодъ (1870—1888 гг.), увидимъ, что онѣ весьма постоянны: въ теченіе половины лѣтъ этого періода даже еженедѣльныя цѣны на хлѣбъ въ предѣлахъ каждаго изъ этихъ 9 лѣтъ оставались неизмѣнными. Тѣмъ не менѣе въ теченіе всѣхъ 18 лѣтъ цѣна пуда колебалась отъ 65 коп. (вторая половина 70 годовъ) до 1 р. 60 коп. (нѣсколько недѣль въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1880 года).

Цѣны на муку далеко не имѣютъ такой устойчивости, какъ цѣны печенаго хлѣба: во весь новѣйшій періодъ не было ни одного года, въ теченіе котораго цѣна на муку оставалась бы безъ измѣненія, при чемъ эти колебанія цѣнъ весьма значительны; даже въ теченіе одного мѣсяца цѣны на муку рѣдко оставались неизмѣнными. Крайнія колебанія цѣнъ на ржаную муку на протяженіи 18 лѣтъ были очень велики: 5 руб. 50 коп. и 17 р. 50 коп. за куль; низшая цѣна нерѣдко встрѣчалась въ концѣ 1886 года и почти ежемѣсячно въ 1887 году; 17 же и $17^1/_2$ рублей за куль платили при покупкѣ изъ лабазовъ во время самаго высокаго подъема цѣнъ—въ октябрѣ, ноябрѣ и декабрѣ 1880 года. Средняя цѣна куля обыкновенной ржаной муки была за періодъ 1870—1887 г.—7 р. 23 коп.

Средняя цѣна перваго сорта крупичатой муки за тотъ же періодъ—13 р. 28 коп. пятипудовый мѣшокъ; крайнія колебанія ея еженедѣльныхъ цѣнъ—9 р. (въ 1876—1877 гг.) и 20 руб. (ноябрь 1880 года), а средне-годичныхъ—11 р. 47 коп. (1884 г.) и 15 р. 90 коп. (1881 г.), т. е. колебаніе цѣнъ на пшеничную муку не такъ рѣзко, какъ на ржаную.

Небезъинтересно здѣсь отмѣтить, что данными мѣстнаго изслѣдованія, произведеннаго въ мартѣ 1888 года, получена продажная стоимость пуда ржанаго хлѣба по каждой изъ 284 пекаренъ, выпекающихъ этотъ хлѣбъ; средняя цѣна по всѣмъ этимъ пекарнямъ получается въ 61 коп. за пудъ, т. е. только на 4 коп. въ пудѣ или на 6% дешевле современныхъ справочныхъ цѣнъ, опубликованныхъ городской управой. Это свидѣтельствуетъ о достаточной близости цѣнъ «Еженедѣльныхъ вѣдомостей» къ дѣйствительной средней цѣнѣ, тѣмъ болѣе, что въ 78 пекарняхъ хлѣбъ и на самомъ дѣлѣ продавался тогда по 65 коп. пудъ.

На основаніи данныхъ о таксѣ можно видѣть, что вѣсъ пятикопѣечной французской булки съ 1840 по 1864 годъ колебался между 70 и 96 золотн.; въ 1870 году (чрезъ 5 лѣтъ по отмѣнѣ таксы) вѣсъ булки равнялся 68 золотн., въ 1871 году—67 золотн., въ 1872 — 58 зол., въ 1873—55 зол., а въ 1874 и 1876 годахъ—50 зол. Взвѣшиваніе пятикопѣечныхъ булокъ въ 1888 году по всѣмъ булочнымъ опредѣлило въ среднемъ выводѣ вѣсъ 5-ти копѣечнаго французскаго хлѣба въ 52 зол., т. е., повидимому, вѣсъ французской булки противъ 1875 года не уменьшился.

Скажемъ теперь нѣсколько словъ о количествѣ потребляемаго хлѣба среднимъ московскимъ жителемъ. Если принять, что весь остающійся въ Москвѣ хлѣбный грузъ (кромѣ овса) въ средній годъ шестилѣтія (1882—87 гг.) потребляется москвичами, то среднее годичное потребленіе всѣхъ хлѣбныхъ товаровъ на 1 жителя выразится цифрой 19,¼ пуда, или 2⅛ фунта въ сутки. По даннымъ Чаславскаго, относящимся къ концу 60-хъ годовъ, средній московскій житель того времени потреблялъ въ годъ до 21,¼ пуда всѣхъ хлѣбныхъ товаровъ, или на 2 пуда больше. Въ 60-хъ годахъ на средняго москвича приходилось 12 пудовъ 18 фун. ржи и до 6 пудовъ пшеницы въ зернѣ и мукѣ, въ 80-хъ—всего лишь 9 пудовъ ржаныхъ муки и зерна и 5 пудъ 15 фун. пшеничныхъ. Такимъ образомъ, за послѣднія 25 лѣтъ среднее потребленіе въ Москвѣ главнѣйшихъ хлѣбовъ, повидимому, значительно сократилось; въ особенности уменьшилось потребленіе ржанаго хлѣба—почти на 3½ пуда въ годъ на человѣка, а обоихъ хлѣбовъ—на 4 пуда 3 фун. (въ зернѣ и мукѣ) или уменьшеніе средняго потребленія произошло болѣе чѣмъ на ⅕ (22%) потребленія 60-хъ годовъ.

Такое уменьшеніе потребленія хлѣбныхъ товаровъ наблюдается не въ одной Москвѣ; подобное же явленіе замѣчено, напримѣръ, въ Парижѣ, гдѣ съ средины 50-хъ годовъ до начала 80-хъ потребленіе печенаго хлѣба со-

кратилось на 14%: суточное потребленіе хлѣба средняго парижанина съ 467 грамма 50-хъ годахъ пало въ 80-хъ—до 397 граммовъ. Весьма вѣроятно, что такое значительное уменьшеніе потребленія хлѣбныхъ товаровъ обусловливается переходомъ населенія обоихъ городовъ къ болѣе питательной животной пищѣ.

Если считать, что вся мука и зерно, приходящіяся въ годъ на средняго москвича, обращаются въ хлѣбъ, получимъ до 13 пудовъ печенаго ржанаго хлѣба и до $6^1/_2$ пуд. хлѣба изъ пшеничной муки или что средній житель нашего города потребляетъ ежедневно до $1^1/_2$ фунта печенаго ржанаго хлѣба и до $^3/_4$ фунта хлѣба пшеничнаго, т. е. нѣсколько больше 2 фунтовъ того и другаго печенаго хлѣба. Такое количество потребленія все еще оказывается весьма значительнымъ; въ Парижѣ, напримѣръ, среднее суточное потребленіе хлѣба не достигаетъ и 1 фунта (93 зол.) на человѣка.

Цифровыя данныя о выпечкѣ разныхъ сортовъ хлѣба въ различныхъ частяхъ города свидѣтельствуютъ о томъ, что житель окраинъ значительно больше жителя центральныхъ частей города потребляетъ въ пищу ржанаго хлѣба, а пшеничнаго много меньше. Такъ, напримѣръ, пекарни внѣшняго пояса Москвы и Замоскворѣчья выпекаютъ въ годъ—въ среднемъ на своего жителя—около $11^1/_2$ пуд. ржанаго и менѣе $2^1/_2$ пудовъ пшеничнаго хлѣба, а пекарни 1 отъ центра пояса производятъ только 7 пуд. хлѣба изъ ржаной муки, но за то до $3^3/_4$ пуда изъ муки пшеничной на своего средняго жителя.

III.

Доводы за и противъ установленія таксы на хлѣбъ.

Отсылая интересующихся исторіей таксы на хлѣбъ въ Москвѣ и пріемами ея установленія къ IV и V главамъ самой работы статистическаго отдѣленія городской управы, мы здѣсь приведемъ только главнѣйшіе доводы за и противъ установленія таксы, приводимые обыкновенно при обсужденіи этого вопроса и какіе вытекаютъ изъ самаго очерка положенія хлѣбопекарнаго дѣла въ Москвѣ.

Противники таксы на хлѣбъ обыкновенно указываютъ на то ограниченное значеніе, какое она можетъ имѣть на пониженіе цѣнъ на хлѣбъ; между тѣмъ она, по ихъ мнѣнію, задерживаетъ какъ техническія улучшенія, такъ и улучшенія въ организаціи хлѣбопекарнаго промысла вообще. Противъ введенія таксы говоритъ и чрезвычайная трудность выработки безобидныхъ пріемовъ таксированія, и легкая возможность для пекарей обходить главнѣйшія требованія таксы. Обыкновенно къ этимъ общимъ замѣчаніямъ сводятся важнѣйшія практическія возраженія противъ введенія таксъ. Остановимся нѣсколько на нихъ.

Противники таксы утверждаютъ, что при достаточномъ числѣ булоч-

никовъ конкурренція между ними доводитъ цѣну на печеный хлѣбъ до возможнаго минимума, гораздо болѣе совершенно, чѣмъ какая бы то ни было обязательная такса. Сторонники таксы возражаютъ на это, что конкурренція въ хлѣбопекарномъ дѣлѣ не можетъ достигать такого развитія, какъ въ другихъ отрасляхъ производства. Дѣло въ томъ, что производить въ запасъ (подобно другимъ продуктамъ) печеный хлѣбъ нельзя, такъ какъ количество его выпечки опредѣляется размѣромъ суточнаго потребленія его населеніемъ; вслѣдствіе этого (если число булочныхъ возрастетъ быстрѣе роста населенія) конкурренція въ хлѣбопекарномъ дѣлѣ можетъ даже повести къ вздорожанію хлѣба (такъ какъ накладные расходы на единицу выпечки возрастутъ).

Сторонники таксы видятъ ея значеніе главнымъ образомъ въ томъ, что она ограничиваетъ размѣръ накладныхъ расходовъ по хлѣбопеченію; безъ нея накладные расходы могутъ увеличиваться булочниками (благодаря слабой конкурренціи) до весьма значительныхъ размѣровъ. Противники таксы настаиваютъ главнымъ образомъ на томъ, что значеніе этой мѣры весьма невелико: понижая нѣсколько барышъ булочника, она не можетъ удешевить самую муку. Противъ такого утвержденія едва ли можно что либо возразить, такъ какъ такса на хлѣбъ не касается цѣнъ на муку. Изученіе московскаго хлѣбопекарнаго дѣла приводитъ къ заключенію, что и въ Москвѣ таксаціонныя цѣны на хлѣбъ находились въ самой тѣсной зависимости отъ цѣнъ на муку, и что, слѣдовательно, въ голодные годы такса безсильна ощутительно понизить цѣну на печеный хлѣбъ. Изслѣдованіемъ выяснено, что во время самыхъ дорогихъ цѣнъ на хлѣбъ въ Москвѣ (конецъ 1880 года), когда средняя мѣсячная цѣна пуда ржанаго хлѣба достигала 1 рубля 45 коп., такса могла бы понизить ее не болѣе какъ до 1 руб. 25 коп, или только на $13_{,8}\%$. Наибольшаго пониженія цѣны ржанаго хлѣба путемъ таксированія можно было бы достигнуть въ концѣ самаго благопріятнаго года послѣдняго десятилѣтія: въ декабрѣ 1887 г. Пониженіе цѣны пуда хлѣба путемъ таксы могло дойти до 20 к. (вмѣсто 75 коп. на 55 коп.), или до $26^1/_2\%$. Такимъ образомъ, существованіе въ Москвѣ таксы на печеный хлѣбъ не могло бы устранить страшно повышенныхъ цѣнъ на него 1880—1881 годовъ, но все же и пониженіе цѣны фунта хлѣба съ 4 до $3^1/_2$ копѣекъ могло имѣть нѣкоторое значеніе, а удешевленіе ржанаго хлѣба въ 1887 году съ 2 до $1^1/_2$ к. за фунтъ было бы весьма ощутительно.

Говоря о вліяніи таксы на развитіе конкурренціи булочниковъ и техники хлѣбопеченія, противники и сторонники таксы аргументируютъ совершенно различно; аргументы обѣихъ сторонъ не обоснованы фактически, а носятъ характеръ догадокъ. Историческій обзоръ хлѣбопекарнаго промысла въ Москвѣ свидѣтельствуетъ, что саммая успленная конкурренція и улучшеніе техники промысла вполнѣ возможны и при существованіи таксы. Въ самомъ дѣлѣ, постоянная такса на хлѣбъ существовала въ Москвѣ все наше столѣтіе до 1865 года, а между тѣмъ хлѣбопекарное

дѣло за это время значительно здѣсь развилось технически и получило къ концу этого періода болѣе совершенную организацію. Мало того—съ 40-хъ по 60-е годы такса на хлѣбъ обращала на себя усиленное вниманіе администраціи, жалобы на пее булочниковъ были за это время особенно настойчивы; между тѣмъ, какъ разъ въ теченіи этого періода шла усиленная конкурренція русскихъ пекарей съ иностранными и съ особенной энергіей происходило усовершенствованіе техники и организаціи хлѣбопекарнаго дѣла въ Москвѣ.

Наиболѣе вѣскими аргументами противъ введенія таксы представляются намъ чрезвычайная трудность выработки основаній таксированія и значительная легкость для пекаря обхода требованій таксы. Это особенно справедливо для Москвы; мнѣніе «коммиссіи о коммерціи», высказанное въ 1733 году, въ значительной степени остается вѣрнымъ и въ наши дни, т. е. что расходы булочника и его прибыль «никоимъ образомъ въ вѣрность привесть не могло во многомъ несходствѣ и сумнительствѣ». Вся исторія таксы въ Москвѣ свидѣтельствуетъ о трудности выработать сколько нибудь удовлетворительные пріемы таксированія;—во все время существованія таксы на хлѣбъ въ Москвѣ (по крайней мѣрѣ, въ теченіи 80 лѣтъ — съ 1782 по 1865 годъ) пріемы таксированія были крайне несовершенны; разсчетъ накладныхъ расходовъ булочника и стоимости хлѣба вообще, выработанный статистическимъ отдѣленіемъ городской управы въ настоящее время тоже можно считать лишь нѣсколько приближающимся къ дѣйствительной стоимости хлѣба, не болѣе.

Мы уже видѣли, какъ разнообразны размѣры московскихъ булочныхъ: валовые обороты нѣкоторыхъ изъ нихъ достигаютъ сотенъ тысячъ рублей, тогда какъ въ другихъ они едва восходятъ до одной—двухъ тысячъ. Это разнообразіе размѣровъ производства только отчасти могло быть принято во вниманіе разсчетами статистическаго отдѣленія, и они главнымъ образомъ имѣютъ дѣло съ средними выводами, а пріемъ таксированія средней булочной ставитъ въ весьма различное положеніе по отношенію къ таксѣ булочныя крайнихъ типовъ. Даже цѣну главнѣйшаго матеріала хлѣбопекарнаго дѣла (муки) невозможно установить такимъ образомъ, чтобы она соотвѣтствовала той дѣйствительной цѣнѣ, по какой пріобрѣтаютъ муку различные булочники; нѣкоторые пріобрѣтаютъ ее по цѣнамъ, близкимъ къ лабазнымъ, другіе же (при покупкѣ оптомъ) оплачиваютъ тотъ же сортъ муки по 5—8% ниже.

Еще менѣе поддаются правильному учету накладные расходы булочника. Отдѣленіемъ, напримѣръ, введена въ эти расходы весьма крупная сумма на подсдабливаніе французскаго хлѣба (около 3 р. на мѣшокъ); она тоже результатъ средняго вывода, а между тѣмъ колебаніе количества «сдобы» въ различныхъ булочныхъ чрезвычайно велико. Почти то же можно сказать о стоимости помѣщенія, топлива и прочихъ расходахъ по хлѣбопеченію. Разнообразіе московскихъ пекаренъ въ пріемахъ сбыта также не можетъ не вліять на неодинаковость расходовъ и по этой

статьѣ; ихъ потери на кредитъ и при продажѣ также весьма различны и проч.

Отмѣтимъ здѣсь и то свойство современной организаціи хлѣбопекарнаго промысла въ Москвѣ, которое можетъ предохранить булочныя отъ невыгодныхъ для нихъ ошибокъ таксированія.

Мы уже видѣли, что выпечка московскихъ пекаренъ носитъ смѣшанный характеръ: громадное большинство ихъ производитъ не менѣе 5 сортовъ хлѣба; вслѣдствіе этого такса на ржаной и пшеничный хлѣбъ охватитъ только часть ихъ выпечки,— около $^1/_2$ всей выпечки московскихъ булочныхъ (весь пшеничный не французскій хлѣбъ и часть ржанаго уклонится отъ таксированія). Понятно, на этомъ, не подлежащемъ таксѣ хлѣбѣ хозяева булочныхъ могутъ наверстать недочетъ въ прибыли на таксированныхъ сортахъ.

Наконецъ, если бы такса даже стояла болѣе или менѣе близко къ дѣйствительности, то все же пекаря имѣютъ много средствъ къ ея обходу. Нѣкоторые изъ противниковъ таксы даже прямо утверждаютъ, что съ ея установленіемъ бѣдные классы населенія будутъ платить дороже, такъ какъ булочники значительно понизятъ качество хлѣба. Дѣло въ томъ, что хлѣбопекарное производство на столько сложно, что услѣдить за точнымъ исполненіемъ требованій таксы чрезвычайно затруднительно, едва ли даже возможно. Такъ, напримѣръ, такса устанавливаетъ цѣну хлѣба, выпеченнаго изъ опредѣленныхъ сортовъ муки; булочникъ можетъ выпечь хлѣбъ изъ низшихъ сортовъ или взять для выпечки смѣсь изъ опредѣленныхъ таксой сортовъ, но въ болѣе выгодной для себя пропорціи,—и услѣдить за этимъ едва ли удастся, такъ какъ по виду печенаго хлѣба и спеціалистъ затруднится опредѣлить пропорцію сортовъ муки, изъ которыхъ онъ испеченъ. То же можно сказать относительно сдобы; количество масла, сахару и яицъ, замѣшанное въ тѣсто, невозможно опредѣлить по внѣшнему виду французской булки; количество влаги въ хлѣбѣ также зависитъ отъ воли пекаря и пр.

Вообще сложность хлѣбопекарнаго дѣла дѣлаетъ надзоръ за нимъ въ высшей степени затруднительнымъ и, по выраженію противника таксы г. А. Корсака [4]): «благопріятствуетъ хитростямъ хлѣбниковъ, противъ которыхъ публика ничѣмъ не ограждена». Однако, для правильнаго сужденія о трудностяхъ надзора за исполненіемъ требованій таксы, и о возможности различныхъ «хитростей» со стороны булочниковъ, надо помнить, что и по установленіи таксы между булочниками будетъ существовать конкурренція, а при ней булочники едва ли найдутъ выгоду въ широкомъ примѣненіи обходовъ требованій таксы.

Изъ приведенныхъ доводовъ за и противъ таксы и изъ разсмотрѣнія данныхъ о техникѣ и пріемахъ московскаго хлѣбопеченія можно придти

---

4) Ст. г. А. Корсака «О таксахъ на хлѣбъ и мясо въ № 4 «Современной Лѣтописи» за 1863 годъ.

къ выводу, что устанавливать въ настоящее время въ Москвѣ обязательную таксу на хлѣбъ не представляется удобнымъ и необходимымъ, но что было бы весьма полезнымъ дѣлать еженедѣльную публикацію необязательной, *справочной* таксы, которая указывала бы какъ дѣйствительно существующую цѣну на ржаной печеный хлѣбъ, такъ и ту, какая могла бы существовать при данной цѣнѣ муки, согласно выработаннымъ статистическимъ отдѣленіемъ московской городской управы пріемамъ разсчета. Подобную же справку слѣдовало бы публиковать и о вѣсѣ пятикопѣечной французской булки. Такого рода справочная такса (taxe officieuse) существуетъ въ Парижѣ уже нѣсколько лѣтъ.

В. Григорьевъ.

О НРАВАХЪ РУССКАГО ОБЩЕСТВА ВЪ ПРОШЛОМЪ ВѢКѢ.

(Н. Чечулинъ. «*Русское провинціальное общество во второй половинѣ XVIII в.*» СПБ. 1889).

Въ 1886 году я напечаталъ (первоначально статьями въ «*Юридическомъ Вѣстникѣ*») книгу подъ заглавіемъ *Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка*. Работа эта вызвала нѣсколько отзывовъ, изъ которыхъ первое мѣсто занимаетъ статья А. Н. Пыпина «*Новый вопросъ о Петрѣ Великомъ*» [1]). Въ «*Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія*» появилась рецензія г. Чечулина, который старался доказать неправильность метода, мною принятаго. Въ настоящее время г. Чечулинъ издалъ историческій очеркъ, посвященный изображенію нравовъ русскаго общества во второй половинѣ прошедшаго столѣтія (его книга печаталась въ «*Журналѣ министерства народнаго просвѣщенія*»). Въ новомъ трудѣ почтеннаго автора повторяются обвиненія писателей, которые въ мрачныхъ краскахъ рисуютъ нравственное состояніе русскаго общества XVIII вѣка (г. Чечулинъ указываетъ при этомъ на гг. Семевскаго, Дубровина, Незеленова и на меня).

Интересная работа г. Чечулина даетъ мнѣ основаніе вернуться къ вопросу о нашихъ нравахъ въ эпоху съ Петра Великаго до Александра I. Авторъ утверждаетъ, будто названные имъ писатели (и въ особенности я) изображаютъ состояніе нравовъ въ безнадежно печальномъ видѣ, будто бы въ этомъ изображеніи *все интеллигентное общество* прошлаго вѣка живетъ только званными обѣдами и волокитствомъ и въ нашихъ предкахъ не было ни одной положительной черты, и т. д.

На многихъ страницахъ своей книги я отмѣчаю смягченіе нравовъ, развитіе чувства личнаго достоинства, и т. п. [2]). Въ одномъ мѣстѣ я

---

[1]) *Вѣстникъ Европы*, май 1886 г. Я отвѣчалъ А. Н. Пыпину въ *Русской Мысли* (1886, № 7) въ замѣткѣ *Къ вопросу о Петровской реформѣ*.

[2]) См., напр., стр. 117, 118, 124, 125, 128—129 и друг.

прямо говорю: «Несомнѣнно, что къ концу прошлаго вѣка нравы у насъ, сравнительно съ началомъ этого столѣтія, значительно смягчаются». Я не буду вслѣдствіе этого останавливаться на странномъ утвержденіи г. Чечулина и прямо перейду къ вопросу о томъ, дѣйствительно ли нравы прошлаго вѣка характеризуются мною неправильно.

Прежде всего необходимо принять во вниманіе слѣдующее. Я изображалъ преимущественно дворянъ и высшее сословіе и слѣдилъ за вліяніемъ законодательства, двора и правящихъ сословій на нравы остальнаго общества. Г. Чечулинъ имѣетъ въ виду только провинціальное дворянство, среднее и бѣдное. Различныя характеристики различныхъ слоевъ общества могутъ быть въ одинаковой степени правильны, и еслибъ г. Чечулину удалось доказать, что провинціальное дворянство отличалось чистотою нравовъ, то это не заключало бы, само по себѣ, никакого возраженія противъ того, что при дворѣ и въ высшемъ дворянствѣ въ то же самое время господствовалъ многообразный развратъ. Этого мало, г. Чечулинъ признаетъ (стр. 25), что «въ столицѣ, дѣйствительно, нужно признать сильное паденіе семейной жизни». На стр. 88 почтенный авторъ говоритъ: «изъ столицы вообще къ концу вѣка начала распространяться нравственная порча». На слѣдующей страницѣ напечатано: «вообще въ концѣ царствованія Екатерины нельзя не замѣтить значительныхъ ухудшеній, значительнаго развитія роскоши и паденія нравовъ во многихъ отношеніяхъ».

Итакъ, противъ моей характеристики нравовъ нашего высшаго сословія г. Чечулинъ никакихъ возраженій не представляетъ. Въ главномъ и существенномъ онъ говоритъ то же, что говорилъ и я.

Кромѣ того, г. Чечулинъ изображаетъ нравы лишь второй половины XVIII вѣка, въ великорусскихъ губерніяхъ. Провинціальное общество первой половины столѣтія авторъ самъ представляетъ въ крайне мрачномъ видѣ: дворянъ въ провинціи почти не было; даже воеводы не пользовались уваженіемъ своихъ собратій; «приказные долгое время были всѣми презираемы за свою алчность, недобросовѣстность и грубость». (29). Городское сословіе находилось еще въ очень жалкомъ положеніи (28). Г. Чечулинъ замѣчаетъ, что ссоры и сутяжничество были весьма распространеннымъ явленіемъ, но въ утѣшеніе прибавляетъ: «если родные не были между собою въ ссорѣ, то жили чрезвычайно честно» (39). «Подыскать себѣ въ невѣсты дѣвушку, которая была бы любознательна, охотница читать—оказывалось почти невозможнымъ» (стр. 37), и т. д. Не буду приводить другихъ выдержекъ; указанныхъ мною мѣстъ достаточно для того, чтобъ видѣть, какъ мрачно изображаетъ г. Чечулинъ нравы провинціальнаго общества первой половины вѣка.

Но когда же однако нравы эти были лучше? Авторъ изслѣдованія о русскомъ провинціальномъ обществѣ самъ говоритъ объ ухудшеніи, происшедшемъ въ восьмидесятыхъ годахъ [3]). Остается, стало быть, только

[3]) На стр. 86 г. Чечулинъ говоритъ: «въ первое время царствованія Екате-

тридцать лѣтъ; но и это число необходимо сократить: благотворное измѣненіе авторъ замѣчаетъ въ провинціи лишь послѣ манифеста 1762 года о вольности дворянства. Въ провинцію тогда поѣхали люди еще не старые, «насмотрѣвшіеся петербургской жизни, привыкшіе къ ней» (57). Если вспомнить, что, по словамъ самого г. Чечулина, порча шла изъ столицы, то мудрено будетъ согласиться съ нимъ, что водвореніе въ провинціи дворянъ, служившихъ въ столицѣ, составляетъ въ исторіи нашихъ нравовъ благотворное явленіе. Еслибы авторъ принялъ во вниманіе, что воспитавшіеся въ столицахъ дворяне часто были люди во многихъ отношеніяхъ испорченные, что ихъ дѣятельность въ провинціальныхъ городахъ и по деревнямъ развертывалась на почвѣ крѣпостнаго права, то онъ не произнесъ бы фразы: «трудно сказать, откуда и какъ возникла эта порча, что вызвало ее» (92). Впрочемъ, г. Чечулину пришлось сейчасъ же прибавить: «несомнѣнно, что многое дурное шло съ самаго верху, изъ аристократіи, изъ столицы; такъ упомянутые случаи фаворитизма явились въ провинціи въ непосредственной связи съ появленіемъ тамъ лицъ аристократіи, намѣстниковъ, губернаторовъ». Такимъ образомъ г. Чечулинъ подтверждаетъ одинъ изъ наиболѣе *мрачныхъ* моихъ выводовъ: дворъ и высшее сословіе оказывали въ прошломъ вѣкѣ во многихъ отношеніяхъ вредное вліяніе на русское общество.

Приведу нѣсколько новыхъ и, по моему мнѣнію, характерныхъ фактовъ, свидѣтельствующихъ о печальномъ состояніи нравовъ въ Россіи XVIII столѣтія. Къ серединѣ вѣка относится коммиссія о пензенскомъ воеводѣ Жуковѣ, который прославился лихоимствомъ и много лѣтъ держался на мѣстѣ, не смотря на непрерывавшіяся жалобы [4]). Въ 1763 г. въ Воронежской губерніи «народъ коснѣлъ въ порокахъ: пьянствѣ, развратѣ, взяточничествѣ и пр.» [5]). Духовенство отличалось невѣжествомъ и злоупотребленіями [6]). Пьянство въ Ярославлѣ, въ серединѣ вѣка, достигло такихъ размѣровъ, что противъ него съ церковной каѳедры выступилъ съ проповѣдями ростовскій митрополитъ Арсеній Мацѣевичъ [7]). Въ *Дополненіи къ наказу св. синода изъ пунктовъ, присланныхъ малоросс. дух.*, мы читаемъ жалобы на самовластіе *свѣтскихъ командъ* [8]). «Мірскіе командиры» иногда опредѣляли церковное пока-

---

рины видимъ, дѣйствительно, какъ будто меньше взяточничества *и другихъ безпорядковъ въ дѣлопроизводствѣ* (?!); но вскорѣ это опять *слаживается*, и взятка по прежнему дѣлается необходимою; честный секретарь, когда таковой встрѣчается, кажется рѣдкимъ явленіемъ, чуть не чудомъ». Ничего болѣе мрачнаго я не говорилъ въ своей книгѣ.

4) *Описаніе Государственнаго Архива старыхъ дѣлъ.* Состав. Ивановымъ, 135—136.

5) Воронежскій Юбилейный Сборникъ, 1886, I., 34.

6) Ibid. 37—39.

7) Голо́вщиковъ: Исторія города Ярославля. 1889. 179—181.

8) Сб. Историч. Общ., томъ 43—97.

яніе «сами по своему разсужденію, а не по святымъ правиламъ». Въ *Наставленіи отъ малороссійской коллегіи* члену ея Натальину сказано, что дѣтоубійствъ «по дѣламъ весьма много, къ сожалѣнію, оказывается». Это же *наставленіе* говоритъ о *невоображаемыхъ неистовствахъ* чиновниковъ [9]).

На какомъ основаніи г. Чечулинъ станетъ утверждать, что эти и имъ подобные факты составляютъ исключеніе, что ими не характеризуется наше общество въ прошломъ вѣкѣ, именно къ его шестидесятымъ годамъ? Говорятъ люди разныхъ классовъ, разныхъ положеній, и согласно признаютъ упомянутыя печальныя явленія явленіями широко распространенными, обычными, борьба съ которыми весьма трудна. Вотъ какъ характеризуетъ время до созыва *коммиссіи о сочиненіи проекта новаго уложенія* сенатъ, въ наказѣ князю Михаилу Никитичу Волконскому: «Видали законы, на которыхъ спокойство и благоденствіе общества утверждалося, замѣшанными и одинъ другому противурѣчащими; сохраняющее цѣлость сообщественныя жизни правосудіе едва не совсѣмъ изнемогшее; не малое число судей и правителей къ лакомству преклонныхъ и дѣла не по закону, не по совѣсти, но по страстямъ производящихъ. Видѣли безнадежность и опасеніе согражданъ въ ихъ собственномъ имуществѣ, владѣніи и достояніи; бѣдныхъ, страждущихъ и право имѣющихъ людей почти безъ всякаго защищенія и удовольствія». Макартней пишетъ: «Вообще ихъ (русскихъ) душевныя проявленія слабѣе, нежели у какой либо другой націи, такъ что они какъ будто созданы, чтобы ими повелѣвали другіе; или, быть можетъ, эта сторона характера развилась у нихъ вслѣдствіе гнета, который тяготѣетъ надъ ними». Макартней указываетъ на то, что стремленія русской власти были завоевательными, что для умственнаго и нравственнаго развитія народа сдѣлано было очень мало, а выдающіяся личности изъ общества были лишены возможности проявлять свои способности [10]).

Я съ особеннымъ удовольствіемъ отмѣчаю въ книгѣ г. Чечулина указаніе на признаки благотворнаго вліянія на общество хорошихъ учрежденій, т. е. такихъ, которыми ограждается свобода и достоинство личности и достаточный просторъ для общественной самодѣятельности. На этой мысли я особенно настаиваю въ своей книгѣ. Общественная нравственность (а въ меньшей степени и личная) развивается или падаетъ въ значительной зависимости отъ учрежденій. Г. Чечулинъ указываетъ въ этомъ отношеніи на очень важный фактъ. Созданіе мѣстнаго дворянскаго самоуправленія вызвало весьма благотворныя послѣдствія. Всѣ отзывы, говоритъ почтенный авторъ, «почти единогласно сходятся въ признаніи за обла-

---

[9]) Ibid., 230—231.

[10]) *Россія въ шестидесятыхъ годахъ прошлаго вѣка.* (По книгѣ сэра Джоржа Макартнея: *Описаніе Россіи*). Сост. Н. А. Бѣлозерская. (*Русская Старина*, 1887, сентябрь).

стною реформою чрезвычайно важнаго и благодѣтельнаго вліянія на всю внутреннюю жизнь Россіи» [11]). Провинціальные дворяне, до мѣстной реформы, сидѣли по деревнямъ, хозяйничали, пьянствовали, играли въ карты. Новыя учрежденія дали возможность пробудиться общественнымъ интересамъ. Въ концѣ концовъ они непремѣнно подняли бы нравы русскаго общества, еслибъ не наступила та реакція, о которой говоритъ и г. Чечулинъ. Къ реакціи присоединилось еще одно вредное вліяніе: популярная литература того времени вела къ квіетизму. Она была, конечно, почти исключительно переводная, и вотъ что говоритъ о ней Е. Н. Щепкина: «Именно въ эту пору, когда привѣтствовалось освобожденіе отъ навязчивыхъ служебныхъ узъ, дававшее привилегированной единицѣ полную индивидуальную свободу и укрѣплявшее власть ея надъ порабощеннымъ окружающимъ, эта проповѣдь постояннаго изученія самого себя, какъ высшей премудрости, отожествленія общественнаго благополучія со своимъ личнымъ, крайней снисходительности ко злу и страстямъ и конечнаго, блаженнаго успокоенія на лонѣ природы, этого храма Божества, должна была оставлять глубокіе слѣды въ умственномъ мірѣ нашего вольнаго и обезпеченнаго дворянства» [12]).

Г. Чечулинъ говоритъ: «Достаточно уже извѣстно, что западно-европейское вліяніе, ученіе энциклопедистовъ скорѣе поддерживало чѣмъ ослабляло крѣпостное право: въ этомъ ученіи проводятся идеи, что для того, чтобы свободный былъ весьма свободенъ, необходимо рабу быть вполнѣ рабомъ, что нельзя вдругъ и однимъ общимъ узаконеніемъ дѣлать свободною массу людей, и т. д.» (101). Въ этихъ словахъ заключается самая удивительная и неправильная ошибка ученія энциклопедистовъ, какую только удавалось намъ прочесть. До сихъ поръ никто, кажется, не признавалъ, чтобъ энциклопедисты такъ мало вѣрили въ силу разума, были такими постепеновцами и даже оправдывали бы рабство. Впрочемъ, самъ г. Чечулинъ говоритъ нѣсколькими страницами далѣе о глубокой вѣрѣ «въ возможность быстраго, безостановочнаго, даже какого-то торжественнаго движенія человѣчества впередъ—путемъ распространенія знаній и воспитанія», — вѣрѣ, которая развилась въ русскихъ образованныхъ людяхъ несомнѣнно подъ западно-европейскимъ вліяніемъ. Любопытно, между прочимъ, что г. Чечулинъ, отрицая плодотворность западно-европейскаго вліянія вообще, признаетъ благодѣтельнымъ вліяніе семилѣтней войны, т. е. долговременнаго пребыванія нашихъ войскъ въ занятыхъ ими прусскихъ областяхъ.

---

11) *Русское провинціальное общество*, 68. Указанія на пробужденье умственной и общественной жизни съ учрежденіемъ намѣстничествъ я встрѣтилъ въ *Историческомъ очеркѣ г. Воронежа* г. Веселовскаго, стр. 157 и въ *Воронежскомъ Юбилейномъ Сборникѣ*, I., 172—173.

12) *Е. Н. Щепкина: Популярная литература въ срединѣ XVIII-го вѣка.* (*Журналъ Мин. Нар. Просв.*, 1886, IV).

А. Н. Пыпинъ въ статьѣ *До-петровское преданіе въ XVIII вѣкѣ* [13]) говоритъ, что «старинный бытъ съ его идеями, нравами и обычаями держался довольно твердо до самаго конца XVIII столѣтія даже въ высшемъ дворянскомъ классѣ, что новизны укрѣплялись лишь мало по малу, сначала въ небольшомъ кругу придворныхъ, потомъ въ среднемъ дворянскомъ обществѣ, наконецъ, вообще въ нѣсколько образованномъ кругу. Старое мѣшалось съ новымъ очень постепенно, и это смѣшеніе, а не рѣзкій переворотъ составляетъ отличительную бытовую черту прошлаго вѣка». Но измѣненія въ нравахъ немногочисленнаго высшаго сословія происходили быстро. Ихъ нельзя не замѣтить со смѣною почти каждаго царствованія. И эти-то измѣненія были часто неблагопріятны вслѣдствіе того представленія о всемогуществѣ верховной власти, которое проникаетъ нашъ государственный строй прошлаго вѣка. Во многихъ отношеніяхъ русское законодательство съ Петра Великаго до Павла I шло впередъ; но въ этомъ законодательствѣ замѣчаются и колебанія къ худшему. Я привелъ много указаній на это въ своей книгѣ *Законодательство и нравы въ Россіи XVIII вѣка*». Пр. Владимірскій-Будановъ отмѣчаетъ нѣсколько важныхъ случаевъ, когда законы прошлаго столѣтія были менѣе гуманны и отличались меньшимъ юридическимъ достоинствомъ, чѣмъ законы предшествовавшаго времени [14]). Несомнѣнно, что законодательство, создавая учрежденія и нормируя юридическія отношенія, вліяло на русское общество, и я стремился доказать, что это вліяніе было въ опредѣленныхъ отношеніяхъ полезно, въ другихъ вредно; что главное зло заключалось въ томъ, что нашъ строй, по принципу своему, не допускалъ существованія дѣйствительно свободнаго гражданина, дѣйствительно самостоятельнаго общества. Непомѣрныя притязанія бюрократическаго управленія парализировали много добрыхъ личныхъ и общественныхъ начинаній. Въ *Наказѣ отъ главной полиціи* депутату въ коммиссію о составленіи новаго уложенія высказываются такіе взгляды на права и обязанности полиціи: начальникъ полиціи долженъ «вперять въ разумы» отвращеніе къ порокамъ; полиція должна «примѣчать добродѣтельнаго житіемъ и дающаго образъ жизни гражданина, котораго не отмѣняетъ отъ другихъ нерадивыхъ отличнымъ почтеніемъ и дѣлаетъ всякое ему снисхожденіе и внушаетъ добродѣтели его публично передъ начальниками онаго». § 17 *Наказа* говоритъ слѣдующее: «Какъ многотрудная есть должность полицейскихъ частныхъ начальниковъ и прочихъ офицеровъ и можетъ еще въ скуднѣйшую обратиться грубостью обывателей, то полиціи да позволится строго штрафовать дерзающихъ нарушать должное къ постановленнымъ надъ собою почтеніе обидными отвѣтами и грубымъ пріемомъ». Этого мало: *отеческое* управленіе прямо требуетъ (§ 21): «Пороки полицейскихъ слу-

---

[13]) *Вѣстникъ Европы*, 1886, іюль.

[14]) *Владимірскій-Будановъ*: *Обзоръ исторіи русскаго права*. Вып. II, 54—59.

жителей должны сокрыты быть»; да не дерзаютъ говорить о нихъ и проповѣдники [15]).

Добросовѣстное изслѣдованіе г. Чечулина въ концѣ концовъ подтверждаетъ важнѣйшіе изъ выводовъ, къ которымъ пришелъ я въ упомянутой книгѣ. Новые факты по исторіи прошлаго вѣка также свидѣтельствуютъ въ пользу *мрачнаго* взгляда на это столѣтіе В. И. Семевскаго, гг. Незеленова и Дубровина и пишущаго эти строки. «Учрежденія безъ людей тщетны, но и люди безъ добрыхъ учрежденій мало добраго произвести могутъ».

В. Гольцевъ.

---

15) *Сб. Истор. Общества* томъ 43. Любопытно отмѣтить антагонизмъ сената и синода, свѣтской и духовной власти вообще. Сравн. *Внутренній бытъ русскаго государства съ 17 октября 1740 года по 25 ноября 1741* г., книга вторая, 325; *Наказы синода* (*Сб. Ист. Общества*, томъ 43).

БИБЛІОГРАФІЯ.

Lujo Brentano. *Ueber die Ursachen der heutigen socialen Noth. Ein Beitrag zur Morphologie der Volkswirthschaft.* Leipzig 1889.

Нѣсколько мѣсяцевъ тому назадъ мы отмѣтили въ Юридическомъ Вѣстникѣ вступительную лекцію Брентано въ вѣнскомъ университетѣ, посвященную критикѣ классической школы въ политической экономіи, ея метода, области изслѣдованія и достигнутыхъ ею результатовъ. Въ теченіи этого короткаго времени авторъ успѣлъ покинуть каѳедру въ Вѣнѣ и занять мѣсто Рошера въ лейпцигскомъ университетѣ. Предъ нами теперь новая его вступительная лекція, отличающаяся отъ первой большой опредѣленностью и практичностью содержанія; авторъ выбираетъ опредѣленный вопросъ: «въ чемъ заключаются причины современной соціальной нужды? и не ограничиваясь критикой чужихъ мнѣній, даетъ своимъ слушателямъ отвѣтъ, выясняющій научные взгляды исторической школы, къ которой онъ принадлежитъ.

Первая половина лекціи направлена противъ теоріи, которая обусловливаетъ разрѣшеніе практическихъ вопросовъ предварительнымъ изслѣдованіемъ общихъ понятій и категорій, особенно понятія цѣнности. Отъ изслѣдованія этихъ вопросовъ авторъ совершенно уклоняется: отрицая трудовую теорію цѣнности и вытекающее ихъ нея требованіе возврата рабочимъ всего продукта ихъ труда, Брентано съ одинаковымъ скептицизмомъ относится и къ другой абстрактной школѣ экономистовъ, которая полагаетъ, что достаточно доказательства, что не одинъ трудъ является факторомъ производства, или что рента будетъ существовать при всякомъ общественномъ строѣ, чтобы исчезла нищета и необезпеченность. Онъ говоритъ: историческая школа, къ которой я принадлежу, не считаетъ возможнымъ подчинить дѣйствительную жизнь требованіямъ, внесеннымъ въ анализъ основныхъ понятій, или даже выведеннымъ изъ подобнаго анализа. Безъ всякаго сопоставленія съ идеальными, мы признаемъ настоящій экономическій порядокъ несовершеннымъ и шаткимъ, потому что онъ не даетъ массѣ народа пользоваться пріобрѣтеніями циви-

лизаціи и постоянно подверженъ опасности — быть опрокинутымъ тѣми пролетаріями, которыхъ онъ создалъ. Задаваясь вопросомъ о причинахъ соціальнаго зла, мы должны искать ихъ въ настоящемъ или прошломъ, но всегда въ дѣйствительной жизни, а не въ понятіяхъ. Такъ какъ соціальный вопросъ возникъ послѣ разрушенія старыхъ экономическихъ условій, покоившихся на ремесленной организаціи промышленности, то ближайшая задача изслѣдователя сводится къ выясненію причинъ переворота въ промышленномъ строѣ, создавшаго современную фабричную промышленность, съ ея отличительной чертой—отдѣленіемъ рабочаго отъ орудій производства.

Отвѣтъ, который даетъ на этотъ вопросъ экономическая литература, представляется автору одностороннимъ и основаннымъ на изученіи техническихъ и юридическихъ, но не экономическихъ условій. Признавая крупныя достоинства за изслѣдованіями Гаскеля, Энгельса и въ особенности Маркса въ области морфологіи народнаго хозяйства, Брентано оспариваетъ основную мысль этой школы, что техническая организація производства опредѣляетъ характеръ всей экономической структуры. Нѣтъ сомнѣнія, замѣчаетъ онъ, что съ переходомъ отъ ремесла къ мануфактурѣ, а отъ послѣдней къ фабричному производству, связано радикальное измѣненіе экономическихъ формъ, но предварительно нужно выяснить, почему въ 16 вѣкѣ мы констатируемъ планомѣрное введеніе кооперации и раздѣленія труда, и почему въ 18 ст. появляются одно за другими великія техническія открытія, преобразовывающія мануфактуры въ фабрики? Изученіе хозяйственной исторіи Англіи и Германіи неопровержимо свидѣтельствуетъ, что накопленіе капитала, дающее возможность группировать массы рабочихъ въ большихъ производствахъ, существовало значительно раньше введенія мануфактуры; точно также для объясненія техническихъ изобрѣтеній нельзя сослаться на состояніе научной мысли, потому что новая техника была изобрѣтена людьми, не имѣвшими понятія о физикѣ. Очевидно, что должна бы существовать причина чисто экономическая, вліявшая какъ на состояніе техники производства, такъ и на его организацію и правовую конструкцію: этотъ основной двигатель всей экономической, технической и юридической организаціи промышленности Брентано усматриваетъ въ *условіяхъ сбыта*. Измѣненіе характера производства идетъ параллельно съ расширеніемъ рынка, съ переходомъ отъ городскаго къ государственному хозяйства и съ вступленіемъ европейскихъ странъ въ соревнованіе на всемірномъ рынкѣ.

Это самый выдающійся пунктъ во всей брошюрѣ. Вопросъ поставленъ слѣдующимъ образомъ: крупная ли промышленность создала всемірный рынокъ, какъ это утверждаетъ Марксъ, или наоборотъ, вылетеніе народнаго хозяйства въ международныя отношенія повело къ появленію капиталистическаго производства? Оставляя здѣсь совершенно въ сторонѣ соціально-политическіе выводы автора, находящіеся лишь въ отдаленной связи съ его указаніями на генезисъ современной промышлен-

ности, мы не можемъ однако не придать послѣднимъ очень серьезнаго значенія, потому что отъ того или другаго отвѣта на поставленный вопросъ зависитъ и разрѣшеніе основныхъ пунктовъ теоріи цѣнности и теоріи кризисовъ, теоріи цѣнности, насколько ученіе о генезисѣ капиталистическаго производства подъ давленіемъ условій рынка вноситъ въ опредѣленіе цѣнности элементъ потребности, и ученія о кризисахъ, потому что выясненіе причинъ кризисовъ переносится такимъ образомъ изъ области національнаго производства и потребленія въ сферу обмѣна и міроваго рынка. Замѣчанія Брентано заставляютъ задумываться надъ основными пунктами теоріи и исторіи, и одного этого уже достаточно, чтобы обратить вниманіе на его лекцію. Строго мотивированнаго и убѣдительнаго отвѣта онъ однако не даетъ, потому что оставляетъ открытымъ вопросъ о происхожденіи торговой политики, вовлекшей сначала Англію, а затѣмъ и континентальную Европу въ международное хозяйство. На задачи, поставленныя Брентано школѣ Маркса, послѣдняя можетъ отвѣтить вопросомъ же: какимъ экономическимъ, а не случайнымъ причинамъ слѣдуетъ приписать расширеніе рынковъ? Случайное явленіе — открытіе Индіи и Америки, не экономическій факторъ, и въ началѣ 16 вѣка (Брентано относитъ появленіе мануфактуръ въ Англіи даже къ 15 вѣку) оно не могло еще оказать значительное вліяніе на расширеніе европейскаго сбыта.

Лекція Брентано интересна еще и въ другомъ отношеніи. Авторъ, какъ извѣстно, въ продолженіе всей своей научной дѣятельности былъ талантливѣйшимъ защитникомъ свободныхъ рабочихъ союзовъ, по типу англійскихъ Trades-Unions, въ которыхъ онъ видѣлъ панацею какъ противъ эксплоатаціи рабочихъ, такъ и противъ поглощенія индивидуализма коллективизмомъ. Въ лежащей предъ нами брошюрѣ онъ категорически отказывается отъ этой односторонней мысли: онъ признаетъ заблужденіемъ прежнее свое положеніе, что кризисы неразрывно связаны съ индивидуальностью въ потребленіи, и признаетъ теперь, что сами рабочіе не въ состояніи застраховать себя соединенными силами отъ послѣдствій періодическихъ нарушеній производства. Чтобы устранить перепроизводства и сопровождающія его послѣдствія: обезцѣненіе капитала, паническое пониженіе цѣнъ, банкротства и безработицу, нужна цѣлесообразная организація производства. Зачатки такого устройства авторъ усматриваетъ въ союзахъ предпринимателей (картеляхъ), стремящихся ограничить размѣры производства и создать устойчивость цѣнъ. Мнѣніе это, болѣе подробно мотивированное Брентано въ рефератѣ въ вѣнскомъ экономическомъ обществѣ (ср. Mitheilungen der Gesellschaft österreich. Volskwirthe, 1889, Heft 2—3) справедливо лишь настолько, насколько оно признаетъ въ картеляхъ не случайное явленіе, противъ котораго можно бороться уголовнымъ закономъ, а серьезный симптомъ хозяйственнаго развитія. Ростъ предпринимательныхъ союзовъ указываетъ, что промышленность не въ состояніи удержаться въ тѣхъ границахъ, которыя приписаны ей индивидуалистической теоріей, что подавленіе среднихъ производствъ круп-

ными и конкурренція на международныхъ рынкахъ толкаетъ производства къ коллективной организаціи. Въ то же время Брентано игнорируетъ однако оборотную сторону описываемаго явленія: что при господствующемъ порядкѣ, картели направлены противъ потребителей и преслѣдуютъ, въ предѣлахъ производства, не интересы народной промышленности, а интересы небольшой группы. Авторъ слишкомъ легко обходитъ затрудненія, пытаясь устранить естественное недовѣріе къ предпринимательскимъ договорамъ указаніемъ на таможенную политику, которая будто даетъ государству возможность удерживать картель въ предѣлахъ bien être général. Интереснымъ фактомъ остается во всякомъ случаѣ это признаніе талантливаго индивидуалиста, что безъ общественной организаціи производства невозможно устраненіе самыхъ крупныхъ затрудненій современнаго экономическаго порядка.

Г. Іоллосъ.

Richard von Kaufmann. *Die öffentlichen Ausgaben der grösseren europäischen Länder nach ihrer Zweckbestimmung. Jahrbücher für Nationalökonomie und Statistik. 1889, 6 Heft.*

Рихардъ фонъ Кауфманъ задался цѣлью сравнить расходы шести главныхъ европейскихъ государствъ по отношенію къ степени обремененія налогами населенія и, главнымъ образомъ, по отношенію распредѣленія этихъ расходовъ по разнымъ отдѣламъ государственнаго хозяйства. Авторъ предупреждаетъ, что не считаетъ свои выводы безусловно точными, такъ какъ относящіяся сюда статистическія работы почти всѣхъ странъ оставляютъ желать очень многаго въ смыслѣ полноты и точности данныхъ и своевременности ихъ обнародованія. Въ особенности крайне неудовлетворительны въ этомъ отношеніи статистическія работы органовъ мѣстныхъ самоуправленій. Данныя о Россіи Кауфманъ заимствовалъ изъ изданія центральнаго статистическаго комитета за 1883 г. подъ редакціею Тройницкаго. Авторъ при этомъ хвалитъ обыкновеніе русскихъ статистиковъ печатать заголовки статистическихъ таблицъ также на иностранныхъ языкахъ, что дѣлаетъ пользованіе этими работами возможнымъ и для иностранцевъ. Разобравъ отдѣльно общіе приходы и расходы каждаго изъ шести главныхъ европейскихъ государствъ, авторъ группируетъ свои выводы въ нижепомѣщаемой таблицѣ. Такъ какъ для автора, главнымъ образомъ, важно опредѣленіе сравнительной тяжести обложенія населенія, то въ таблицѣ изъ общей суммы доходовъ выдѣлены доходы отъ налоговъ государственныхъ и мѣстныхъ.

Государственные и мѣстные приходы и расходы.

			На человѣка.	
			Brutto	Netto
Пруссія	28,318,470 жит., всего госуд. расх.	1,410,728,921		
	» мѣстн. »	434,653,186		
	участія въ имперск. бюджетѣ . .	233,260,146		
		2,078,642,253	73,40	герм. м.
	сумма госуд. налоговъ	570,009,342		
	» мѣстн. »	266,631,356		
		836,640,698	—	29,54
	отношеніе госуд. нал. къ мѣст. какъ 60 къ 28, или 100 къ 46,78.			
Австрія	22,114,244 жит., всего госуд. расх.	1,075,877,830		
	» мѣстн. »	430,350,132		
	участіе въ имперск. бюджетѣ . .	64,587,544		
		1,570,815,506	70,94	
	сумма госуд. налоговъ	910,924,528		
	» мѣстн. »	322,762,399		
		1,233,686,927	—	55,71
	отношеніе госуд. нал. къ мѣст. какъ 82 къ 28, или 100 къ 35,43.			
Италія	29,942,142 жит., всего госуд. расх.	1,441,413,744		
	» мѣстн. »	499,994,836		
		1,941,408,580	64,84	
	сумма госуд. налоговъ	1,025,742,343		
	» мѣстн. »	377,813,311		
		1,403,555,754	—	46,87
	отношеніе госуд. нал. къ мѣстн. какъ 73 къ 27, или 100 къ 36,83.			
Франція	38,218,903 жит., всего госуд. расх.	2,607,731,781		
	» мѣстн. »	1,031,221,899		
		3,638,953,680	95,21	
	сумма госуд. налоговъ	2,059,736,272		
	» мѣстн. »	712,800,000		
		2,772,536,272	—	72,54
	отношеніе госуд. нал. къ мѣстн. какъ 72 къ 24, или 100 къ 34,61.			
Англія	35,241,482 жит., всего госуд. расх.	1,732,298,880		
	» мѣстн. »	1,362,094,740		
		3,094,393,620	87,81	
	сумма госуд налоговъ	1,447,929,000		
	» мѣстн. »	766,856,620		
		2,214,776,620	—	62,85
	отношеніе госуд. нал. къ мѣстн. какъ 82 къ 43, или 100 къ 52,96.			
Россія	93,000,000 жит., всего госуд. расх.	2,841,862,752		
	» мѣстн. »	277,172,640		
		3,119,035,392	33,54	
	сумма госуд. налоговъ	1,806,474,003		
	» мѣстн. »	277,172,640		
		2,083,646,643	—	22,40
	отношеніе госуд. нал. къ мѣстн. какъ 86 къ 13, или 100 къ 15,34.			

Авторъ затѣмъ переходитъ къ своей главной задачѣ — къ распредѣленію расходовъ сообразно цѣли ихъ употребленія. Результатомъ очень тщательныхъ и многосложныхъ вычисленій этого главнаго отдѣла статьи является слѣдующая таблица.

Таблица $^{0}/_{0}$-наго отношенія расходовъ въ маркахъ на человѣка.

	Пруссія.		Австрія.		Италія		Франція.		Англія.		Россія.	
	%	Марки.	%	Марки.	%	Марки.	%	Марки.	%	Марки.	%	Марки.
Расходы по общ. управл. . .	7,78	5,71	8,82	6,26	6,72	4,36	7,24	6,90	3,16	2,78	10,56	3,54
Государств. долгъ . . .	11,00	8,08	18,00	12,77	26,62	17,26	23,74	22,60	16,94	14,88	29,54	9,91
Расходы фин. управл. . . .	31,46	—	20,98	—	10,21	—	7,15	—	7,17	—	5,65	—
Военн. и морск. мин. . . .	12,40	9,10	12,31	7,96	15,78	10,23	17,50	16,66	19,27	16,92	25,44	8,54
Внутр. охрана	9,85	7,23	7,13	5,06	7,89	5,12	5,30	5,05	15,19	13,34	7,86	2,64
Просвѣщеніе	10,14	7,44	5,96	4,23	4,11	2,67	6,63	6,31	5,95	5,23	3,80	1,27
Пути сообщенія	5,02	3,68	3,81	2,70	8,62	5,62	9,20	8,78	4,92	4,32	2,07	0,69
Поощреніе общественной дѣятельности	1,73	1,27	3,44	2,44	0,68	0,44	1,26	0,98	1,03	0,90	0,90	0,30
Разные	10.62	—	19,55	—	19,37	—	21,98	—	26,37	—	14,18	—

Мы цѣликомъ помѣстили эти двѣ таблицы, такъ какъ онѣ представляютъ итоги всей статьи г. фонъ-Кауфмана. Отмѣтимъ самые важные выводы.

Больше всѣхъ обременены налогами французы (72,54), меньше всѣхъ русскіе (22,40), а затѣмъ пруссаки (29,54). Однако, если принять во вниманіе средній уровень благосостоянія французовъ, пруссаковъ и Русскихъ, то фактъ этотъ окажется для насъ не настолько отраднымъ, какимъ онъ кажется на первый взглядъ. Доходовъ, не обременяющихъ гражданъ, получается всего больше въ Пруссіи—43,86 марки на человѣка,—всего меньше въ Россіи—11,14 марки на человѣка. Главные источники этихъ доходовъ составляютъ въ Пруссіи желѣзныя дороги (720 милл.), горное вѣдомство (110 милл.), государственныя имущества (82 милл.) и разныя поступленія (200 милл.), всего около 1,100 милл.; въ Россіи же на бюджетъ въ 2,841 милл. такихъ поступленій только 660 милл.

На расходы по общему управленію (министерства двора, внутреннихъ и иностранныхъ дѣлъ, высшія государственныя учрежденія, пенсіи) тратится въ Италіи 6,72% бюджета, въ Россіи 10,56%.

Государственный долгъ обходится дешевле другихъ государствъ Пруссіи—11% бюджета, дороже—Россіи—29,54%.

Расходы финансоваго управленія по взиманію налоговъ и проч. не поддаются правильной оцѣнкѣ, такъ какъ въ составъ этихъ расходовъ въ Пруссіи входятъ расходы по эксплоатаціи государственныхъ желѣзныхъ дорогъ, по горному вѣдомству и пр., а въ русскомъ бюджетѣ вообще трудно оріентироваться относительно этихъ расходовъ.

Данныя о расходахъ *по военному и морскому министерствамъ* показываютъ, что *наименьшую роль эти расходы играютъ въ прусскомъ бюджетѣ—12,40%, наибольшую—въ русскомъ—25,44%.*

На народное образованіе расходуется всего больше въ Пруссіи—10,14%, всего меньше въ Россіи—3,80%.

На пути сообщенія, кромѣ почтъ, телеграфовъ и желѣзныхъ дорогъ, больше другихъ расходуетъ Франція—9,20%, меньше другихъ Россія—2,07%. Въ общемъ самое благопріятное впечатлѣніе производитъ бюджетъ Пруссіи и, къ сожалѣнію, самое неблагопріятное бюджетъ Россіи. Государственный долгъ и военное министерство, не смотря на крайній милитаризмъ, поглощаютъ въ Пруссіи только 23½% бюджета, въ Россіи же 55%. Съ другой стороны на народное образованіе и пути сообщенія нигдѣ не тратится такъ мало, какъ въ Россіи.

Вотъ главные выводы чрезвычайно интересной статьи Рихарда фонъ-Кауфмана. Эти выводы даютъ очень богатый матеріалъ для критическаго анализа бюджетовъ данныхъ государствъ. Если и вкрались нѣкоторыя ошибки въ вычисленія автора, то, во-первыхъ, ошибки эти не могутъ быть настолько важны, чтобы радикально измѣнить выводы, а во-вторыхъ, самая идея работы и способъ ея выполненія такъ хороши, что

авторъ имѣетъ полное основаніе надѣяться дать своею работою толчекъ къ дальнѣйшимъ изслѣдованіямъ такого рода (стр. 188).

Е. Э.

Обзоръ дѣятельности Главнаго Тюремнаго Управленія за 1879—1889 гг. СПБ. 1889 г.

Названный обзоръ представляетъ несомнѣнно большой интересъ для того, кто имѣетъ желаніе ознакомиться съ вопросами тюремнаго дѣла въ Россіи. Отъ правильнаго устройства тюремъ отчасти зависитъ и успѣшность самой борьбы съ преступленіемъ, конечно, въ связи съ другими мѣрами противъ развитія преступности. Во всякомъ случаѣ, плохое устройство тюремъ, разстройство тюремныхъ порядковъ должно вредно отзываться на арестантахъ, среднее ежедневное число которыхъ въ Имперіи за послѣднее время не малое—болѣе 100.000 чел., помѣщенныхъ болѣе чѣмъ въ 700 тюрьмахъ. А тюрьмы эти всегда вообще отличались крайнимъ неустройствомъ. Печальное положеніе тюремной части въ семидесятыхъ годахъ (до учрежденія Главн. Тюремн. Управленія въ 1879 г.) подробно описано во вступительной главѣ «Обзора». Введеніе судебной реформы неминуемо должно было повлечь за собой и преобразованіе тюремнаго устройства, однако же работы по послѣднему вопросу подвигались впередъ необыкновенно медленно, а между тѣмъ, въ виду ожидавшейся реформы, отпускъ суммъ на тюремныя постройки все болѣе ограничивался, такъ что отпускаемыхъ денегъ не хватало даже на необходимый ремонтъ. Результаты получились очевидные: тюрьмы переполнились, пришли въ ветхость, что не могло не отозваться на санитарномъ состояніи арестантовъ. Переполненіе тюремъ, въ виду размѣщенія въ однихъ и тѣхъ же камерахъ разныхъ категорій арестантовъ, вело къ неравномѣрности въ отбываніи наказаній по суду, а также облегчало возможность побѣга. Наряду съ неудовлетворительнымъ состояніемъ тюремныхъ зданій, тюремная администрація и надзоръ находились въ состояніи дезорганизаціи и разстройства. Отсутствіе спеціальнаго правительственнаго органа по завѣдыванію тюремною частью было главной причиной этого неустройства. «Тюремные комитеты и отдѣленія, за рѣдкими исключеніями, бездѣйствовали». Тюремные смотрителя фактически завѣдывали тюрьмами, не имѣя на то по закону права, и, при ничтожномъ жалованьѣ, недостаточномъ подборѣ, совершенно не соотвѣтствовали своей роли. Составъ тюремныхъ надзирателей былъ еще болѣе неудовлетворителенъ; получая отъ казны рублей 8 — 9 въ мѣсяцъ, они находились въ прямой зависимости отъ арестанской среды, живя «доходами» съ нея. Далѣе, тѣснота тюремныхъ помѣщеній и недостатокъ надзора послужили причинами совершеннаго упадка работъ въ тюрьмахъ, даже тамъ, гдѣ онѣ существовали, хотя въ слабой степени. Тюремное хозяйство, вслѣдствіе отсутствія единства власти, находилось въ совер-

шенно разстроенномъ положеніи; однородныя по существу функціи были раздѣлены между правительственными органами и филантропическими учрежденіями (обществомъ попечительнымъ о тюрьмахъ); никакихъ общихъ указаній со стороны центральной власти по довольствію арестантовъ одеждой и пищей не было. Порядки тюремнаго хозяйства были всюду разнообразные и, по большей части, для казны невыгодные. Наконецъ, ссылка въ Сибирь и организація пересыльной части, по словамъ «Обзора», точно также находились въ глубокой степени упадка.

Такимъ образомъ, задачи, которыя предстояло разрѣшить вновь учрежденному Главному Тюремному Управленію, были и многочисленны и связаны съ необыкновенными трудностями, въ виду недостаточности имѣвшихся средствъ и крайней запущенности всего тюремнаго дѣла. Однако при чтеніи «Обзора», читатель невольно проникается мыслью, что, въ предѣлахъ возможнаго, Управленіе неустанно стремилось къ приведенію тюремнаго устройства въ надлежащій порядокъ и успѣло стать твердой ногой на пути сдѣланныхъ имъ улучшеній.

Разсматриваемый нами «Обзоръ» состоитъ весь изъ описанія мѣропріятій, произведенныхъ Главнымъ Тюремнымъ Управленіемъ за 1879—1889 гг. по различнымъ отраслямъ тюремнаго дѣла. Мы здѣсь приведемъ вкратцѣ только самыя важныя изъ этихъ мѣропріятій, чтобы дать нѣкоторое понятіе о дѣятельности Управленія.

По тюремно-строительной части въ «Обзорѣ» прежде всего упоминается о недостаточности средствъ, которыми могло располагать Управленіе на этотъ предметъ. Въ первые годы, въ покрытіи расходовъ по постройкѣ тюремъ пособіе оказывалъ такъ называемый «сборный тюремный капиталъ» (около 3.000,000 руб.), но онъ вскорѣ истощился, такъ что къ 1886 г. отъ него оставалось только 48,000 р. Между тѣмъ Государственный Совѣтъ призналъ возможнымъ обезпечить ассигновку на устройство новыхъ мѣстъ заключенія только въ размѣрѣ 500,000 р. ежегодно, что, по словамъ «Обзора», представляется далеко недостаточнымъ по соотношенію съ дѣйствительной потребностью. Въ виду скудости средствъ, Управленію пришлось ограничивать по возможности сооруженіе новыхъ зданій и, главнымъ образомъ, стараться приспособлять и переустраивать уже существующія зданія подъ тюремныя сооруженія, хотя бы первоначально тѣ зданія вовсе и не были предназначены для заключенія (частные дома, упраздненныя заведенія и т. п.). Всего было употреблено на новыя постройки, переустройства, приспособленія и ремонтъ болѣе 11.000,000 рублей, изъ которыхъ на приспособленія пошло болѣе 4,000,000, а на новыя постройки—3.000,000.

Мѣропріятія по тюремно-административной части, по отношенію къ тюремному надзору, состояли, главнымъ образомъ, въ усиленіи числа надзирателей и вообще всего персонала служащихъ при тюрьмахъ, въ виду ихъ малочисленности до того времени, и въ увеличеніи оклада жалованья съ цѣлью достаточнаго обезпеченія и привлеченія новыхъ силъ.

Наиболѣе важною мѣрою по надзору является учрежденіе въ 1887 г. особой тюремной стражи, съ цѣлью освободить дѣйствующія войска отъ караульной службы при тюрьмахъ и конвоированія арестантовъ. Это учрежденіе дало большее единство и болѣе правильную организацію охранѣ тюремнаго населенія. Въ самомъ составѣ Главнаго Тюремнаго Управленія въ теченіи 10 лѣтъ было увеличено число служащихъ въ виду многочисленности и сложности его занятій. Нельзя при этомъ не отмѣтить, что до учрежденія Тюремнаго Управленія у насъ вовсе не было тюремной статистики. Въ настоящее время (съ 1882 г.) ежегодно печатаются отчеты о движеніи арестантскаго населенія въ Имперіи, причемъ на всѣ расходы по этому дѣлу употребляется сравнительно очень малая сумма—всего 4,000 р.

По тюремно-хозяйственной части, Управленіе по необходимости должно было ограничиться немногимъ, такъ какъ хозяйственное завѣдываніе тюремъ находится въ рукахъ тюремныхъ комитетовъ, за исключеніемъ только заготовленія и расходованія арестантской одежды. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, Управленіе достигло значительныхъ результатовъ въ смыслѣ болѣе цѣлесообразнаго и экономическаго употребленія отпускаемыхъ суммъ. Обыкновенно при поставкѣ арестантской одежды практиковался подрядный способъ, весьма невыгодный по своей дороговизнѣ. По произведеннымъ въ 1883 г. опытамъ заготовленія одежды въ разныхъ губерніяхъ хозяйственнымъ способомъ, обнаружилась значительная экономія при покупкѣ матеріаловъ и постройкѣ одежды трудомъ арестантовъ, такъ что въ общемъ итогѣ на заготовкахъ 1883 года достигнуто было чистаго сбереженія въ пользу казны около 43%. Этотъ опытъ былъ настолько убѣдителенъ, что Управленіе безповоротно приняло на себя роль руководителя всѣми вообще заготовками одежды для арестантовъ въ Имперіи и участвуетъ непосредственно въ тѣхъ заготовкахъ, которыя до сего времени отличались невыгодностью. Общій результатъ принятыхъ мѣръ по части одежднаго продовольствія арестантовъ представленъ «Обзоромъ» въ сравненіи смѣты 1882 г. (когда Управленіе не участвовало въ заготовкахъ) со смѣтой на 1889 г.; оказывается, что въ послѣднемъ году, сравнительно съ 1882 г., произведено сбереженія на 653,926 р. или около 26% той суммы, которая должна бы быть израсходована въ 1889 г. по разсчету 1882 г.

Относительно занятія арестантовъ работами, важное значеніе имѣетъ законъ 1886 г., введшій обязательность труда для арестантовъ разныхъ категорій. Примѣненіе началъ новаго закона на практикѣ лежало на обязанности тюремнаго управленія. Насколько успѣшно оно справилось съ этой задачей, можно судить по тому, что доходъ съ арестантскаго труда въ тюрьмахъ общаго устройства повысился вдвое въ 1887 г. сравнительно съ 1886. Къ обязательнымъ работамъ привлекаются арестанты и въ такихъ тюрьмахъ, гдѣ донынѣ не производилось никакихъ работъ; имѣющіяся работы и промыслы арестантовъ всячески расширяются и пріискиваются новыя занятія.

По отношенію къ ссылкѣ, каторгѣ и пересыльной части—тюремнымъ управленіемъ была организована ссылка на о. Сахалинъ, до того времени считавшійся неудобнымъ для колонизаціи. Въ то же время управленіе, въ виду неудовлетворительности во многихъ отношеніяхъ ссылки, какъ карательной мѣры, проектировало ограниченіе ея и замѣну нѣкоторыхъ случаевъ ссылки другими мѣрами наказанія. Пересылка арестантовъ и ссыльныхъ была улучшена и организована болѣе цѣлесообразно, съ замѣной по возможности пѣшеэтапнаго слѣдованія арестантовъ перевозкой ихъ по искусственнымъ путямъ сообщенія, избѣгая переполненія пересыльныхъ тюремъ въ сборныхъ пунктахъ (въ Москвѣ, Перми, Тюмени и др.). Къ сожалѣнію, тюремному управленію въ этой области еще остается много работы впереди.

Санитарное состояніе тюремъ, по статистическимъ наблюденіямъ управленія, оказалось далеко не столь неудовлетворительнымъ, какъ обыкновенно принято думать въ обществѣ: смертность и болѣзненность тюремнаго населенія не превышаютъ нормальныхъ предѣловъ тѣхъ же явленій въ свободномъ населеніи того же приблизительно возраста. Устраиваемыя вновь тюрьмы вполнѣ удовлетворяютъ требованіямъ гигіены, такъ что со временемъ болѣзненность среди арестантовъ должна еще болѣе понизиться. Особенное же вниманіе было обращено управленіемъ на санитарныя мѣры при перевозкѣ партій ссыльныхъ въ Сибирь, для предупрежденія эпидемическихъ заболѣваній; количество больныхъ среди ссыльныхъ вслѣдъ за принятіемъ санитарныхъ мѣръ не замедлило значительно сократиться.

Въ послѣдней главѣ Обзора — «виды тюремнаго управленія на дальнѣйшую дѣятельность» — поднимается прежде всего вопросъ объ устройствѣ новыхъ тюремъ и о привлеченіи капиталовъ на удовлетвореніе тюремно - строительныхъ нуждъ; до сихъ поръ, однако, управленію не удалось найти достаточно обильнаго источника для покрытія этихъ нуждъ. Привлеченіе свободныхъ остатковъ отъ суммъ на устройство арестныхъ домовъ для тюремно - строительныхъ расходовъ было разрѣшено только въ губерніяхъ, не имѣющихъ земскихъ учрежденій. Въ административномъ отношеніи, управленіе проектируетъ преобразованіе губернскаго тюремнаго управленія въ смыслѣ образованія въ губернскихъ правленіяхъ особыхъ тюремныхъ отдѣленій, которыя могли бы спеціально завѣдывать тюремною частью въ губерніи. Съ цѣлью расширенія правительственнаго контроля предполагается измѣнить кругъ вѣдомства органовъ общества попечительнаго о тюрьмахъ, выдѣлить изъ компетенціи общества административныя и хозяйственныя функціи, оставивъ ему только задачи тюремной филантропіи. Въ сферѣ тюремнаго хозяйства предстоитъ разработка и введеніе въ дѣйствіе новыхъ порядковъ по части продовольствія и лѣченія арестантовъ. Въ отношеніи порядка содержанія арестантовъ, имѣется въ виду выработать дисциплинарный уставъ, а также устроить тюремныя школы, чему до сихъ поръ препятствуетъ

тѣснота помѣщеній, и развить арестантскій трудъ. Вообще, преобразовательная дѣятельность главнаго тюремнаго управленія сводится къ разнаго рода административнымъ и хозяйственнымъ улучшеніямъ. Только по разрѣшеніи ближайшихъ, необходимѣйшихъ задачъ по устройству и организаціи тюремъ, управленію представится возможность приступить къ разрѣшенію «высшихъ вопросовъ тюремнаго дѣла», къ введенію пенитенціарной системы. Нельзя не пожелать, конечно, чтобы тяжелый путь удовлетворенія только насущныхъ тюремныхъ нуждъ былъ пройденъ по возможности безъ остановокъ и препятствій, для того, чтобы тюремное управленіе могло начать преобразованіе самой тюремной системы.

Е. Т—скій.

Георгъ Мейеръ. *Государственныя административныя учрежденія Англіи, Франціи, Германіи и Австріи.* Переводъ съ нѣмецкаго П. Шеймина. Одесса. 1889.

Статья Мейера, переведенная теперь на русскій языкъ, представляетъ собой краткій очеркъ административныхъ учрежденій четырехъ европейскихъ государствъ, написанный для не-юристовъ и помѣщенный въ извѣстномъ политико-экономическомъ сборникѣ Шенберга, Handbuch der polit. Oekonomie. Въ сжатомъ и точномъ изложеніи авторомъ намѣчены историческое развитіе учрежденій, распредѣленіе, назначеніе, а отчасти и функціи органовъ управленія; эти краткія свѣдѣнія дополняются нѣкоторыми замѣчаніями объ устройствѣ административной юстиціи. Особеннаго научнаго значенія такой работѣ придавать, конечно, не слѣдуетъ, но практически она, вѣроятно, окажется очень полезной студентамъ нашихъ университетовъ, которыхъ преимущественно имѣлъ въ виду русскій переводчикъ. Едва ли однако можно согласиться съ г. Шейминымъ, что очеркъ Мейера будетъ кстати именно теперь, когда у насъ предстоитъ рѣшить «широко задуманную» реорганизацію мѣстнаго управленія. Для того, чтобы западныя учрежденія могли служить русской публикѣ нѣкоторымъ мѣриломъ при оцѣнкѣ внутреннихъ преобразованій, необходимо распространеніе у насъ знакомства съ болѣе полными изслѣдованіями учрежденій Запада.

Примѣчанія, которыми снабженъ русскій переводъ, слишкомъ случайны и не безполезны лишь въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ онѣ состоятъ въ указаніи русской литературы. Въ переводѣ намъ бросились въ глаза нѣкоторыя погрѣшности (стр. 28: для завѣдыванія санитарнымъ дѣломъ — завѣдуютъ управы; стр. 29: органы, получая жалованье, были организованы и нѣкот. др.), которыя могутъ однако быть и корректурными ошибками.

Ю

РАЗНЫЯ ИЗВѢСТІЯ И ЗАМѢТКИ.

Какъ иногда совершаются „данныя“. Разнообразіе экономическихъ условій жизни на обширной территоріи, неразвитость населенія, излишній формализмъ и административное «усмотрѣніе», иногда граничащее съ произволомъ, разнообразіе судебной практики и запутанность исторически сложившихся земельныхъ отношеній въ Россіи—приводятъ въ жизни къ такой, напримѣръ, несообразности, что и лицо, пріобрѣвшее право на землю по крѣпостному акту, не всегда можетъ считать свое право вполнѣ обезпеченнымъ. Подобно тому, какъ Чичиковъ, во время оно, покупалъ мертвыя души,—у насъ возможно и теперь пріобрѣсти по крѣпостному акту несуществующій участокъ земли и даже совершить на него вводъ во владѣніе.

Мы намѣрены передать читателямъ судебныя перипетіи одного, взятаго нами изъ практики, маленькаго и весьма заурядnаго, земельнаго дѣла въ виду возбуждаемыхъ имъ юридическихъ и жизненныхъ вопросовъ.

На основаніи 7 п. приложенія къ ст. 15 о поземельномъ устройствѣ госуд. крест. и 135 ст. положенія о выкупѣ, по продолж. 1876 г., постановленіемъ отъ 10 окт. 1887 г., краснослободскій уѣздный исправникъ назначилъ на 24 ноября 1887 г. торги, при Аксельскомъ волостномъ правленіи, на продажу четвертной земли, принадлежащей неслужащимъ дворянамъ дер. Тарханъ—Абдряшиту Мамлѣеву, Исмаилу Кугушеву *съ братьями* и дер. Енаковой—Рехметуллѣ Салехову, въ количествѣ пяти десятинъ, за неплатежъ оброчной подати и другихъ сборовъ, всего же за недоимку въ 76 р. 77 к. Въ представленной выпискѣ изъ владѣнной записи тарханскаго общества за означенными дворянами показана земля по отхожей Тарханской и Енаковской дачѣ, подъ деревней Байкѣевой, какъ «присвояемая имъ въ личную собственность». На торгахъ и переторжкѣ, 24 и 28 ноября, этотъ участокъ пріобрѣлъ за 105 руб. крестьянинъ села Урей Петръ Матв. Самышкинъ. Въ виду же заявленія одного изъ Кугушевыхъ, при торгахъ и переторжкѣ, что за нимъ не значилось земли въ проданномъ участкѣ, становымъ приставомъ было

произведено дознаніе 25 янв. 1888 г., причемъ крестьяне дер. Байкѣевой Шамшетдинъ Рехметуллинъ и др., въ числѣ шести, показали, что изъ проданной Самышкину земли у дворянина Исмаила Кугушева, въ отхожей Тарханской и Енаковской дачѣ, находится въ наличности $1^1/_2$ дес. въ *такихъ-то* границахъ (слѣдуетъ описаніе). «Земля эта, какъ *предполагаемъ*,—четвертная, потому что она находится между четвертною землею. У Рехметуллы Салехова *съ братьями* въ этой же дачѣ земли находится около двухъ десятинъ или болѣе» (слѣдуетъ описаніе границъ), «но какая она: четвертная или собственная—мы не знаемъ. Есть ли у Абдряшита Мамлѣева въ отхожей Тархано-Енаковской дачѣ земля—намъ неизвѣстно». При дознаніи, 3 февр. 1888 г., крестьяне дер. Тарханъ Феткулла Кутыевъ и Резепъ Аитовъ показали, что въ означенной дачѣ «до размежеванія ея» (!) у Кугушева *съ братьями* «было $1^1/_2$ дес.; у Салехова—полдесятины, а *съ братьями* должно быть до двухъ десятинъ. Была ли у Абдряшита Мамлѣева тамъ же земля или нѣтъ—мы не знаемъ. Въ настоящее время у Салехова и Кугушева земля въ означенной дачѣ также должна быть; но въ какомъ мѣстѣ—указать не можемъ». А крестьянинъ Усманъ Дулатовъ показалъ, что онъ «слышалъ отъ своего умершаго дѣда, что по раздѣлу Абдряшиту Мамлѣеву, чрезъ женское поколѣніе, досталось близь дер. Байкѣевой земли $^3/_4$ дес.»

Постановленіемъ отъ 8 марта 1888 г. краснослободскій нотаріусъ Л. выразилъ, что исправникъ проситъ его «о совершеніи для покупщика Самышкина на означенный участокъ данной крѣпости со включеніемъ въ ту данную свѣдѣній изъ полицейскаго дознанія, произведеннаго по заявленію одного изъ Кугушевыхъ; между тѣмъ въ выпискѣ изъ владѣнной записи тарханскаго общества видно, что проданный Самышкину участокъ въ пять десятинъ по отхожей Тарханской и Енаковской дачѣ означенъ *присвояемымъ* въ личную собственность дворянами: Мамлѣевымъ, Кугушевыми и Салеховымъ, а не принадлежащимъ имъ»; что при торгахъ и переторжкѣ исправнику «было заявлено однимъ изъ Кугушевыхъ, что въ продаваемомъ участкѣ четвертной земли, которая принадлежала бы имъ, дворянамъ, нѣтъ», и, наконецъ, въ присланномъ дознаніи «нѣтъ основательныхъ свѣдѣній, опровергающихъ вышеупомянутое заявленіе Кугушева; нѣтъ никакихъ указаній—кому именно принадлежитъ или у кого во владѣніи находится проданный Самышкину участокъ, ни даже того—въ какихъ границахъ таковой находится и какого именно онъ размѣра въ натурѣ». Посему,—и принимая во вниманіе «неопредѣленность принадлежности проданнаго Самышкину участка, неизвѣстность его фактическаго нахожденія и его дѣйствительнаго размѣра въ натурѣ»,—нотаріусъ отказалъ исправнику въ совершеніи данной для Самышкина съ предоставленіемъ Самышкину, въ силу 60, 61 и 62 ст. разд. 1, гл. 3, полож. о нотар. части, права обжаловать это постановленіе, которое и было обжаловано.

Апрѣля 15 (мая 3) 1888 г. состоялось такое опредѣленіе окружнаго суда:

«Принимая во вниманіе, что проданный на публичномъ торгѣ 24 ноября 1887 г. участокъ земли показанъ по владѣнной записи тарханскаго общества въ отхожей Тарханской и Енаковской, подъ деревнею Байкѣевою, дачѣ за неслужащими дворянами дер. Тарханъ Абдряшитомъ Мамлѣевымъ, Исмаиломъ Кугушевымъ съ братьями и дер. Енаковой Рехметуллою Салеховымъ въ размѣрѣ пяти десятинъ и, слѣдовательно, какъ размѣръ, такъ и мѣсто нахожденія и принадлежность проданнаго участка точно опредѣлены во владѣнной записи, имѣющей значеніе акта укрѣпленія (ст. 13 полож. о позем. устр. госуд. крест.),—соображенія красносло-бодскаго нотаріуса лишены всякаго основанія (!). Засимъ, имѣя въ виду, что если при отчужденіи земель, отведенныхъ по владѣннымъ записямъ, по добровольному соглашенію, на пріобрѣтеніе сихъ земель, совершаются крѣпостные акты обыкновеннымъ, установленнымъ для совершенія такихъ актовъ, порядкомъ (п. 5, ст. 15 полож. о позем. устр. госуд. крест.), то и при принудительной продажѣ этихъ земель съ публичнаго торга долженъ быть соблюдаемъ тотъ же порядокъ»,—и посему, при неимѣніи въ виду другихъ, кромѣ указанныхъ, препятствій, по мнѣнію суда, нотаріусъ былъ обязанъ совершить данную.

Подчиняясь такому опредѣленію суда, по внесеніи Самышкинымъ 14 іюня 1888 г. крѣпостныхъ пошлинъ, 9 р. 84 к., нотаріусъ того же 14 іюня совершилъ для Самышкина данную на 5 дес. земли, *безъ означенія границъ*, упомянувъ только, что Самышкинъ купилъ землю, «принадлежавшую» Мамлѣеву, Кугушеву съ братьями и Салехову, съ переводомъ на Самышкина выкупныхъ платежей за ту землю по 7 руб. 5 коп. въ годъ,—что составляетъ 141 рубль по капитализаціи изъ 5%. Получивъ выпись на гербовомъ листѣ въ 1 р. 25 к., Самышкинъ представилъ ее въ нотаріальный архивъ для отмѣтки въ реэстрѣ крѣпостныхъ дѣлъ. А затѣмъ состоялось и опредѣленіе суда о вводѣ Самышкина во владѣніе по этой данной.

Впослѣдствіи оказалось, что Самышкинъ и по вводѣ его во владѣніе остался безъ земли. Но объ этомъ скажемъ послѣ; а пока будетъ умѣстно сдѣлать нѣсколько замѣчаній по поводу всей сложной и дорого стоившей для крестьянина процедуры, предшествовавшей вводу во владѣніе.

Прежде всего является вопросъ: пріобрѣлъ ли Самышкинъ съ торговъ только *право* на 5 дес. земли въ отхожей, неразмежеванной дачѣ, въ которой болѣе сотни владѣльцевъ,—причемъ онъ могъ бы осуществить свое право въ смыслѣ пользованія землею только по размежеваніи дачи,—или же онъ дѣйствительно купилъ *извѣстный*, въ опредѣленныхъ границахъ, *участокъ земли?* — Если въ совершенной нотаріусомъ данной границы пріобрѣтеннаго участка не означены, да и не могли быть означены, то едва ли можно признать, что Самышкинъ пріобрѣлъ извѣстный участокъ земли, хотя, покупая землю съ публичнаго торга, онъ и былъ увѣренъ, что покупаетъ землю, а не какое-то, пока фиктивное, право на землю. Скорѣе же слѣдуетъ признать, что онъ пріобрѣлъ только

право на 5 дес. въ общемъ имѣніи многихъ совладѣльцевъ, въ неразмежеванной Тархано-Енаковской дачѣ, каковое право принадлежало *такимъ-то* дворянамъ.

Требуемой статьею 1103 устава гражд. судопр. описи продаваемой земли съ публичнаго торга не было сдѣлано. Эту опись какъ бы замѣнило полицейское дознаніе, произведенное вслѣдствіе того только, что одинъ изъ Кугушевыхъ-собственниковъ продаваемаго участка—заявилъ при торгахъ и переторжкѣ, что за нимъ въ продаваемомъ участкѣ никакой земли не значится. Можетъ быть такое заявленіе было согласно съ истиной; а можетъ быть оно сдѣлано и ложно съ цѣлью заявить впослѣдствіи, при размежеваніи дачи, что онъ, Кугушевъ, состоитъ владѣльцемъ въ другомъ участкѣ той же дачи и потому имѣетъ право на извѣстное количество земли по владѣнной записи, такъ какъ Самышкину была продана съ торговъ какая то другая земля, но не его, Кугушева. Но данныя этого дознанія по вопросу о границахъ владѣнія и о томъ, кто именно состоитъ владѣльцемъ продаваемаго съ торговъ участка, повидимому, не должны бы имѣть никакого юридическаго значенія. Приведенныя нами почти дословно показанія какихъ-то крестьянъ, спрошенныхъ при дознаніи и, можетъ быть, заинтересованныхъ въ искаженіи истины, конечно, не могли служить для нотаріуса основаніемъ къ совершенію данной, ибо недостаточно еще одного удостовѣренія исправника о томъ, что проданная съ торговъ земля осталась за Самышкинымъ, хотя окружный судъ и призналъ, что нотаріусъ былъ обязанъ совершить данную для Самышкина. Не останавливаясь уже на неопредѣленности показаній свидѣтелей, которымъ нельзя даже придавать значенія окольныхъ людей, ибо дознаніе чрезъ окольныхъ людей производится особымъ порядкомъ, указаннымъ въ 412—437 ст. устава гражд. судопр., — изъ полицейскаго дознанія видно, что свидѣтели упоминали о братьяхъ Рехметуллы Салехова, какъ о владѣльцахъ купленнаго Самышкинымъ участка, тогда какъ по владѣнной записи по тому же участку означены владѣльцами Кугушевъ съ братьями.

Какъ бы то ни было, 9 октября 1888 г. Самышкинъ былъ введенъ во владѣніе, причемъ, какъ выражено во вводномъ листѣ, неслужащіе дворяне дер. Енаковой—Айнятдинъ и Феткулла Мамлѣевы заявили, что въ показанной за Рехметуллой Салеховымъ землѣ первому изъ нихъ принадлежитъ 1800, а второму 900 кв. саж.; другія лица также заявили свои права на землю, показанную за остальными владѣльцами—Кугушевыми и Мамлѣевымъ, причемъ одинъ изъ заявившихъ споръ, Зіятдинъ-Абдулъ Хаировъ Мамлѣевъ, въ доказательство своихъ правъ предъявилъ даже какой-то составленный въ 1879 г., 31 авг., чембарскимъ уѣзднымъ землемѣромъ Соколовымъ планъ «межевой канцеляріи» и межевую книгу. Вообще же заявленія смежныхъ владѣльцевъ записаны во вводномъ листѣ настолько неудовлетворительно, что уразумѣть ихъ вполнѣ очень трудно. Когда же, вооружившись такимъ, съ грѣхомъ пополамъ составленнымъ,

вводнымъ листомъ, новый «владѣлецъ» Самышкинъ запахалъ якобы пріобрѣтенную имъ землю, то лица, предъявившія при вводѣ споръ, просили мироваго судью *о возстановленіи ихъ нарушеннаго владѣнія*,— и это дѣло было рѣшено какъ мировымъ судьею, такъ и съѣздомъ мировыхъ судей не въ пользу Самышкина, который, такимъ образомъ, остался безъ земли—съ однимъ своимъ «голымъ» правомъ на 5 десятинъ. Вводя Самышкина во владѣніе, судебный приставъ, конечно, ограничился только соблюденіемъ формальностей въ смыслѣ извѣщенія сосѣднихъ владѣльцевъ объ имѣющемъ быть вводѣ и составленіемъ вводнаго листа съ занесеніемъ въ него возраженій отъ какихъ-то, будто бы, смежныхъ владѣльцевъ; границы же пріобрѣтеннаго Самышкинымъ участка въ 5 дес. земли не были обойдены при вводѣ, да и едва ли могли быть обойдены въ виду заявленныхъ споровъ и неизвѣстности, гдѣ именно находится купленный Самышкинымъ съ торговъ участокъ.

Покупщикъ долженъ пенять на себя, что, покупая землю, недостаточно позаботился удостовѣриться въ ея существованіи. Но если бы онъ захотѣлъ искать юридической защиты своихъ интересовъ, то его положеніе было бы довольно безъисходнымъ. Что предстояло бы дѣлать ему? Жаловаться окружному суду на нотаріуса за то, что онъ совершилъ данную безъ означенія границъ купленнаго съ торговъ участка, нельзя, ибо срокъ на подачу этой жалобы уже пропущенъ, да и притомъ же нотаріусъ совершилъ данную противъ собственнаго убѣжденія въ юридической возможности ея совершенія, подчиняясь единственно только предписанію суда и не имѣя въ то же время возможности означить границы. Притомъ же, если даже признать, что данная была совершена неправильно, то ошибку нотаріуса можно было бы исправить только выдачею *дополнительной* данной съ означеніемъ границъ, примѣняясь къ рѣшенію общаго собранія 1-го и кассаціонныхъ департаментовъ правит. сената, отъ 16 марта 1887 г., № 8, въ которомъ выражено, что окружный судъ только въ *исковомъ* порядкѣ могъ бы уничтожить, отмѣнить неправильно составленную данную—крѣпостной актъ. Предъявить искъ о правѣ собственности, объ изъятіи земли изъ владѣнія, къ тѣмъ лицамъ, которыхъ фактическое владѣніе уже возстановлено съѣздомъ мировыхъ судей, было бы безполезно, ибо общая дача еще не размежевана, и Самышкинъ, конечно, проигралъ бы искъ: для этого отвѣтчикамъ достаточно было бы только заявить, что отыскиваемая Самышкинымъ земля находится въ пользованіи другихъ совладѣльцевъ неразмежеванной дачи. Отыскивать вознагражденіе за убытки съ исправника по поводу его, будто бы, неправильныхъ дѣйствій, ибо онъ не составилъ описи продаваемаго участка, было бы также безполезно. Не говоря уже о томъ, что для этого надо было бы предварительно доказать виновность исправника въ нарушеніи своихъ служебныхъ обязанностей, спрашивается: какую же опись онъ могъ бы составить на продаваемый участокъ земли въ неразмежеванной дачѣ? Притомъ же отъ самого покупщика Самыш-

кина зависѣло справиться при торгахъ: есть ли опись продаваемому имѣнію и существуетъ ли оно въ дѣйствительности въ опредѣленныхъ границахъ.

Итакъ, остается для Самышкина, повидимому, только одинъ цѣлесообразный, но, всетаки, довольно тернистый путь: это—просить губернское по крестьянскимъ дѣламъ присутствіе о провѣркѣ, чрезъ состоящаго при немъ землемѣра, фактическаго владѣнія всѣхъ владѣльцевъ, значащихся по владѣнной записи въ неразмежеванной Тархано-Енаковской дачѣ. Если бы по этой провѣркѣ оказалось, что, по измѣреніи площади всей дачи, всѣ владѣльцы имѣютъ въ своемъ пользованіи такое количество земли, на какое они имѣютъ право по владѣнной записи, то остающееся, затѣмъ, свободнымъ количество земли должно быть предоставлено въ пользованіе просителю Самышкину. Но, если такая административная провѣрка будетъ произведена на счетъ одного только Самышкина, а не на счетъ всѣхъ совладѣльцевъ той дачи, которые объ этой провѣркѣ правительство не просили, то требуемая на этотъ предметъ сумма можетъ значительно превзойти стоимость отыскиваемыхъ Самышкинымъ пяти десятинъ земли. Тогда Самышкинъ опять-таки останется при своемъ «голомъ» правѣ. Но и этотъ путь, чрезъ губернское по крест. дѣламъ присутствіе, приведетъ къ цѣли только тогда, если въ Тархано-Енаковской дачѣ окажется лишняя земля противъ показаннаго количества по владѣнной записи и если бы состоявшееся въ пользу Самышкина опредѣленіе губернскаго присутствія имѣло силу судебнаго рѣшенія. А такъ какъ въ дѣйствительности всегда кто-либо пользуется излишнею землею въ неразмежеванной дачѣ, то фактическій ея владѣлецъ, конечно, не замедлитъ предъявить къ Самышкину искъ о возстановленіи нарушеннаго имъ владѣнія, и тогда повторится прежняя исторія съ извѣстными уже результатами.

Валер. Волжинъ.

Изъ области судебныхъ порядковъ въ Сибири. Русскому обывателю часто приходится сѣтовать на тѣ уклоненія отъ требованій истиннаго правосудія, которыя порождаются у насъ и условіями мѣста, и заскорузлыми нравами; но все это блѣднѣетъ предъ тѣми нарушеніями, которыя наблюдаются подъ-часъ въ Сибири благодаря особеннымъ условіямъ мѣста и времени. Въ нашемъ разсмотрѣніи былъ недавно судебный процессъ, который стоитъ того, чтобы быть занесеннымъ въ лѣтописи русскаго правосудія—на далекихъ окраинахъ. Дѣло возникло вслѣдствіе того, что партія арестантовъ отказалась добровольно выдти изъ тюремнаго помѣщенія для отправленія въ этапный путь, и, по распоряженію исправника, была силою выдворена изъ тюрьмы. Непослушные были привлечены къ суду по обвиненію *въ сопротивленіи властямъ* (ст. 264 улож. о нак.), при чемъ уголовное преслѣдованіе было начато *чрезъ два мѣсяца* послѣ событія, очевидцами котораго были

однако исправникъ, его помощникъ и товарищъ прокурора, которымъ, конечно, извѣстно требованіе закона «о немедленномъ изслѣдованіи происшествія во всей подробности (ст. 60 ч. 2 т. XV св. зак.). Въ это время обвиняемые находились уже на тысячеверстномъ разстояніи отъ мѣста совершенія преступленія и, слѣдовательно, мѣста его изслѣдованія (ст. 14), и слѣдствіе велось *въ отсутствіи* обвиняемыхъ. При заключеніи обвиняемыхъ подъ стражу постановленіе объ арестѣ имъ не предъявлялось, не объяснили даже причины этого ареста, и только *чрезъ недѣлю* арестованные узнали, что ихъ обвиняютъ въ сопротивленіи властямъ, безъ какихъ либо подробныхъ разъясненій по предмету обвиненія. Слѣдствіе длилось нѣсколько мѣсяцевъ, разрослось въ нѣсколько сотъ листовъ, накопило массу свидѣтельскихъ показаній; собранныя имъ данныя открывали обвиняемымъ перспективу ссылки и каторги, но обвиняемыхъ продолжали держать въ тюрьмѣ за 1,000 верстъ и оставили ихъ въ полной неизвѣстности о содержаніи добытыхъ противъ нихъ уликъ. Неоднократныя попытки нѣкоторыхъ изъ обвиняемыхъ путемъ прошеній на имя слѣдователя и прокурора узнать подробности обвиненія не имѣли успѣха. Просьбы оставлялись безъ послѣдствій, изрѣдка удостоивались краткихъ отвѣтовъ. Въ томъ же невѣдѣніи остались подсудимые и во время суда. Ихъ извѣщали только о переходѣ дѣла изъ одной инстанціи въ другую. Немедленно по полученіи объявленія о передачѣ дѣла отъ прокурора въ судъ, подсудимыми было отправлено прошеніе о вызовѣ ихъ въ судъ; на случай же отказа въ вызовѣ къ разбору дѣла они заявили суду о своемъ намѣреніи прислать защитника, почему и просили сообщить имъ о днѣ слушанія дѣла. Но прошелъ мѣсяцъ, и подсудимые получили приговоръ суда, принесшій и долголѣтнюю каторгу и ссылку.

Такова въ этомъ дѣлѣ его процессуальная сторона. Что касается до существа дѣла, то и тутъ есть о чемъ упомянуть. Въ качествѣ свидѣтелей были допрошены далеко не всѣ очевидцы происшествія; равно не были допрошены лица, указанныя подсудимыми. Свидѣтелями фигурировали одни тюремные и полицейскіе служащіе, которые, однако, въ данномъ случаѣ являлись заинтересованными лицами, ибо на слѣдствіи подымался вопросъ о законности дѣйствій администраціи и о томъ, не былъ ли поданъ поводъ ко всей «исторіи» безтактностью самихъ властей Между тѣмъ событіе преступленія произошло на глазахъ огромной толпы арестантовъ пересыльной тюрьмы; въ самой партіи обвиняемыхъ были лица, не принимавшія никакого участія въ преступленіи, но бывшія свидѣтелями всѣхъ его перипетій; наконецъ, отдѣльные его моменты видѣли сторонніе зрители — извозчики, долженствовавшіе слѣдовать при партіи. Всѣ эти лица остались неспрошенными. За отсутствіемъ подсудимыхъ совсѣмъ не была примѣнена очная ставка ихъ со свидѣтелями, хотя необходимость очныхъ ставокъ, помимо разногласія въ показаніяхъ подсудимыхъ и свидѣтелей, истекала еще изъ того, что обвинялась цѣ-

лая толпа лицъ. Надо было установить роль каждаго изъ нихъ. Единственнымъ матеріаломъ для этого были, конечно, свидѣтельскія показанія. Обзоръ дѣла показываетъ, что часто одинъ и тотъ же фактъ разными свидѣтелями пріурочивался къ личности разныхъ подсудимыхъ; отсюда естественный вопросъ, предусмотрѣнный и законодателемъ (ст. 311),— знаютъ ли свидѣтели тѣхъ, кого они заочно обвиняютъ? Этотъ вопросъ долженъ былъ возникнуть тѣмъ болѣе, что обвиняемые пробыли всего два дня въ той пересыльной тюрьмѣ, гдѣ разыгралась «исторія», и такое ихъ кратковременное пребываніе на мѣстѣ совершенія преступленія случилось въ самый разгаръ пересыльнаго движенія арестантовъ всевозможныхъ категорій. Предъ администраціей тюрьмы въ это время изо дня въ день, партія за партіей, проходятъ огромныя толпы, представляющія, безъ всякаго преувеличенія, самую пеструю «смѣсь племенъ, нарѣчій, состояній». Бываютъ дни, въ которые партіи, скопляющіяся въ пересыльныхъ сибирскихъ тюрьмахъ, въ совокупности достигаютъ огромной цифры 4,000—5,000 человѣкъ (какъ и было во время пребыванія обвиняемыхъ въ той тюрьмѣ, гдѣ произошло событіе, посадившее ихъ на скамью подсудимыхъ). Въ этомъ скопѣ, въ этомъ хаосѣ арестантскихъ массъ, загоняемыхъ въ тюрьму для того, чтобы переночевать или сдѣлать «дневку» и затѣмъ снова идти въ путь, нѣтъ никакой возможности запомнить отдѣльныхъ лицъ, ихъ фамиліи, физіономіи. Мысль объ очныхъ ставкахъ необходимо должна была бы явиться въ дѣлѣ, вызвавшемъ потребность точно установить ту или другую личность изъ толпы арестантовъ, промелькнувшихъ предъ свидѣтелями въ нестройной, хаотической, тысячеголовой массѣ. Однако, очныя ставки слѣдователь замѣнилъ предъявленіемъ свидѣтелямъ фотографическихъ карточекъ подсудимыхъ. Такой суррогатъ очной ставки былъ, конечно, оригинальнымъ примѣненіемъ закона, но необходимо указать, что онъ могъ имѣть своимъ послѣдствіемъ самыя вопіющія quiprquo: на лицо, неповинное ни душой, ни тѣломъ, взваливалось обвиненіе въ содѣяніи факта, вмѣненіе котораго влекло за собой лишеніе правъ, ссылку, каторгу, взваливалось только потому, что, какъ говорится въ приговорѣ, «свидѣтель (такой-то) въ карточкѣ обвиняемаго (такого-то) призналъ лицо, совершившее... то-то и то-то. Указанная возможность роковыхъ quiprquo вѣроятна тѣмъ болѣе, что арестантскія фотографическія карточки дѣлаются настолько плохо, что представляютъ скорѣе искаженіе, чѣмъ изображеніе физіономіи; въ такихъ снимкахъ весьма часто не узнаютъ даже хорошо знакомое лицо; поэтому невольно приходится думать, что, если полицейскіе и тюремные служители признавали обвиняемыхъ по ихъ «арестантскимъ» карточкамъ, то дѣлали это наобумъ. Нельзя не отмѣтить еще одного обстоятельства въ доказательство всей неумѣстности замѣны очныхъ ставокъ предъявленіемъ свидѣтелямъ фотографическихъ карточекъ обвиняемыхъ. Всякому конвойному офицеру и тюремному смотрителю извѣстно, что весьма часто къ статейнымъ спискамъ одного арестанта пришнуро-

вывается карточка другаго, не имѣющаго съ первымъ ни одной общей черты лица. Именно такой случай былъ у партіи арестантовъ, о процессѣ которыхъ здѣсь разсказывается. Въ какое же положеніе, спросимъ мы, было поставлено достоинство правосудія, если, вслѣдствіе смѣшенія карточекъ обвиняемыхъ, судъ покаралъ невиннаго и оправдалъ или менѣе наказалъ виноватаго?

Есть основанія думать, что изложенный процессъ принадлежалъ къ разряду тѣхъ, на которыхъ находятъ цѣлесообразнымъ проявить все дѣйствіе «спасительной строгости». Но, къ сожалѣнію, какъ это обыкновенно бываетъ, было позабыто, что въ рукахъ неподготовленныхъ низшихъ исполнителей строгое правосудіе вырождается въ правосудіе произвольное и незаконное. Когда же «тѣ самые органы государственной власти, которые установлены для охраненія силы законовъ и общественнаго порядка, подаютъ примѣръ беззаконія и непорядка, тогда возникаетъ неуваженіе къ властямъ и нравственная распущенность, при которыхъ государство колеблется въ самыхъ своихъ основаніяхъ» (Соображенія гос. канцеляріи 1862 г. объ основныхъ началахъ уголовнаго судопроизводства).

Полемическая замѣтка (письмо въ редакцію). Нѣсколько лѣтъ тому назадъ на страницахъ «Юридическаго Вѣстника» были напечатаны статья А. Т. Тимановскаго «Общія Судебныя Учрежденія въ Царствѣ Польскомъ» (1882 г., № 1) и возраженіе нижеподписавшагося на эту статью (№ 3 за тотъ же годъ). Въ статьѣ г. Тимановскаго было сказано, что «громадное число аппелляціонныхъ отзывовъ и масса дѣлъ, которыми завалила себя палата, объясняется отчасти снисходительнымъ направленіемъ ея...» и проч. Не соглашаясь съ такимъ заключеніемъ, я въ свою очередь, высказалъ, что, по моему мнѣнію, «гораздо справедливѣе сказать, что въ увеличеніи числа аппелляціонныхъ отзывовъ виноваты скорѣе сами окружные суды, вслѣдствіе неисполненія ими 875 ст. уст. угол. суд. Вначалѣ эта статья вполнѣ игнорировалась судами, и теперь только послѣ неоднократныхъ указаній палаты она исполняется надлежащимъ образомъ, и потому встрѣчается очень часто, что когда судъ потребуетъ согласно 875 ст. залогъ и поручительство отъ подсудимаго, принесшаго отзывъ, и вслѣдствіе непредставленія таковаго заключаетъ его подъ стражу, то подсудимый отказывается отъ принесеннаго имъ отзыва» (стр. 568).

Несомнѣнно, что каждый, прочитавъ эти строки, безъ какого либо предубѣжденія, скажетъ, что люди спорятъ о причинѣ увеличенія числа аппелляціонныхъ отзывовъ на приговоры окружныхъ судовъ. Одинъ указываетъ на одну причину, другой не соглашается и высказываетъ свое мнѣніе, и ничего болѣе. Казалось бы, что это такъ и что ничего другаго нельзя и предполагать. Но оказывается, что при желаніи можно придумать и еще нѣчто. Къ такому пріему прибѣгнулъ г. Бардзкій

въ своей статьѣ «Предѣлы устности на судѣ уголовномъ» (Журналъ Гражданскаго и Уголовнаго Права, книга четвертая, апрѣль 1889 г.). Изложивъ оба вышеприведенныя мнѣнія о причинахъ увеличенія числа аппелляціонныхъ отзывовъ на приговоры окружныхъ судовъ, г. Бардзкій вслѣдъ затѣмъ разражается противъ автора настоящей замѣтки такой тирадой: «Мы никакъ не ожидали отъ члена судебной палаты услышать поддержку того мнѣнія, что залогъ можетъ служить какъ бы ширмой, за которую судебное мѣсто можетъ прятаться отъ чрезмѣрной работы, или средствомъ утѣсненія обвиняемыхъ, имѣющихъ достаточные поводы къ принесенію жалобъ» (стр. 30—31) и далѣе: «мы вполнѣ понимаемъ неудовольствіе г. Кочубея на то, что, вопреки предписаніямъ палаты, есть суды, которые рѣшаются игнорировать существованіе 875 ст. уст. угол. суд. и отъ подсудимаго, подавшаго отзывъ на приговоръ суда, не требуютъ никакого залога въ видѣ выкупа личной свободы» (стр. 32). Эти мѣста статьи г. Бардзкаго дали возможность «*Судебной Газетѣ*» въ замѣткѣ, помѣщенной въ № 26 за текущій годъ, послать по моему адресу такія слова: «зачѣмъ, спрашивается, нужна 875 ст. и для какой надобности ей занимать мѣсто въ положительномъ законодательствѣ? Развѣ для того только, чтобы служить лишнимъ соблазномъ и смущать совѣсть судейскую? Вѣдь вотъ находятся же нѣкоторыя лица въ составѣ нашей магистратуры, которыя недовольны тѣмъ, что 875 ст. рѣдко примѣняется на дѣлѣ. Таковъ г. Кочубей, членъ варшавской судебной палаты (!). По поводу его чрезмѣрнаго усердія (?) въ защиту суроваго требованія закона г. Бардзкій...» и затѣмъ слѣдуетъ вышеприведенная выдержка изъ указанной статьи «мы никакъ не ожидали отъ члена судебной палаты...» и проч. Я не желаю входить въ полемику съ «*Судебной Газетою*», недовольной тѣмъ, что есть судья, требующій исполненія закона, я оставляю безъ вниманія упрекъ газеты въ «чрезмѣрномъ усердіи» моемъ, я оставляю, наконецъ, безъ возраженія замѣчаніе о томъ, что 875 ст. уст. уг. суд. «даетъ право (?) окружнымъ судамъ требовать отъ подсудимыхъ залогъ, что «палатѣ выгодно» (?), чтобы число приносимыхъ жалобъ было елико возможно меньше, и что онѣ въ этомъ именно направленіи стараются дѣйствовать на окружные суды (?), что «по счастью наши окружные суды настолько честно относятся къ долгу службы, что не злоупотребляютъ выгодами своего положенія и почти никогда не пользуются имъ» (относительно требованія залога) и проч. Я совѣтывалъ бы только моему оппоненту въ «Судебной Газетѣ», во 1-хъ, лучше читать законы и, во 2-хъ, лучше оцѣнивать то, что она печатаетъ въ своемъ изданіи, потому что нельзя же, въ самомъ дѣлѣ, въ спеціальной, судебной газетѣ печатать, что 875 ст. уст. угол. суд. *даетъ право* окружнымъ судамъ требовать отъ подсудимаго представленіе залога, когда статья эта прямо возлагаетъ на судъ *обязанность* требовать залогъ или поручительство, если подсудимый подаетъ отзывъ противъ приговора, присуждающаго его къ содержанію подъ стражей, нельзя же печатать,

что «честность судовъ» заключается въ нарушеніи законовъ и т. д. Противъ всего этого нечего, конечно, возражать. Но я признаю необходимымъ сказать еще два слова г. Бардзкому. Если, по словамъ г. Бардзкаго, ему вполнѣ понятно, «что въ пылу полемики можно увлечься и сказать лишнее», то мнѣ совсѣмъ не понятно, какъ можно говорить лишнее безъ всякой полемики, безъ увлеченія и безъ всякой надобности. Откуда взялъ г. Бардзкій, что я *поддерживаю* то мнѣніе, что залогъ можетъ служить какъ бы ширмой, за которую судебное мѣсто можетъ прятаться отъ чрезмѣрной работы, и средствомъ утѣсненія обвиняемыхъ, имѣющихъ достаточные поводы къ принесенію жалобъ? Гдѣ и въ какой формѣ выразилъ я такое мнѣніе? Въ моемъ возраженіи на статью г. Тимановскаго я констатировалъ лишь извѣстный фактъ и высказалъ ту причину увеличенія отзывовъ, которая, по моему мнѣнію, болѣе правильна, чѣмъ указанная г. Тимановскимъ, при чемъ удостовѣрилъ только существующее (въ 1882 г.) требованіе судебной палаты точнаго исполненія 875 ст. Можетъ быть, въ такомъ требованіи палаты г. Бардзкій усмотрѣлъ мое мнѣніе, что «залогъ можетъ служить ширмой» и проч.? Но этого нельзя допустить, такъ какъ г. Бардзкій хорошо, конечно, знаетъ, что мнѣніе одного члена не есть мнѣніе коллегіи (въ данномъ случаѣ состоящей изъ шести лицъ). Да и затѣмъ всетаки это лишь мнѣніе о необходимости точно исполнять требованіе закона, изложеннаго въ 875 ст. уст. угол. суд., и ничего болѣе. Другое дѣло, конечно, мнѣніе о правильности, гуманности и цѣлесообразности такого закона. Откуда знаетъ г. Бардзкій, что я симпатизирую 875 ст., что я нахожу законъ, изложенный въ этой статьѣ, правильнымъ, основательнымъ, цѣлесообразнымъ? Гдѣ я высказалъ *мое* мнѣніе по этому вопросу? Нигдѣ. А между тѣмъ г. Бардзкій дѣлаетъ мнѣ упрекъ, что я *поддерживаю* то мнѣніе «о ширмѣ», которое онъ самъ же мнѣ навязалъ, и затѣмъ еще иронизируетъ, что онъ «вполнѣ понимаетъ мое неудовольствіе на то, что вопреки предписаніямъ палаты есть суды, которые рѣшаются игнорировать существованіе 875 ст.».

Александръ Кочубей.

КАЛЕНДАРЬ

и

ПАМЯТНАЯ КНИЖКА

для

НОТАРІУСОВЪ,

ИЗДАВАЕМЫЙ М. М. НЕЙМАНОМЪ

Нотаріусомъ Луцкаго Окружнаго Суда

НА 1890 ГОДЪ.

СЕДЬМОЙ ГОДЪ ИЗДАНІЯ,

выйдетъ въ концѣ сего 1889 года.

Многолѣтнее существованіе этого изданія, полезнаго для всякаго Нотаріальнаго дѣятеля, не требуетъ отъ насъ никакихъ рекламъ, а потому мы только заявимъ, что Календарь и въ будущемъ 1890 году выйдетъ въ томъ же объемѣ и видѣ, какъ выходилъ въ прежніе года, и редакція употребитъ всѣ усилія для того, чтобы наше изданія вполнѣ соотвѣтствовало своей цѣли и задачѣ.

Цѣна переплетеннаго экземпляра Календаря остается прежняя: **ОДИНЪ руб.** За пересылку въ заказной бандеролѣ благоволятъ прилагать двѣ семикопѣечныхъ марки.

Адресовать: „въ г. ДУБНО, въ Редакцію Календаря для Нотаріусовъ“.

Кромѣ того „Календарь для Нотаріусовъ“ можно получать въ книжныхъ магазинахъ: „Анисимова“, „Новаго времени“ и „Чичинадзе“ въ Петербургѣ и Москвѣ и у Оглоблина въ Кіевѣ.

ОБЪ ИЗДАНІИ ВЪ 1889 ГОДУ

ЖУРНАЛА ГРАЖДАНСКАГО И УГОЛОВНАГО ПРАВА.

Журналъ будетъ выходить ежемѣсячно (за исключеніемъ вакантныхъ іюля и августа), въ количествѣ 10 книгъ въ годъ, до 20 листовъ каждая.

ЦѢНА ЗА ГОДОВОЕ ИЗДАНІЕ:

въ С.-Петербургѣ безъ доставки. . .	8 р.
съ доставкой въ С.-Петербургѣ. . . .	8 р. 50 к.
съ пересылкой въ другіе города. . .	9 р.
за границей.	12 р.

Подписчики, желающіе получать, сверхъ того, **рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ сената**, платятъ за журналъ и за рѣшенія:
съ доставкой въ С.-Петербургѣ и съ пересылкой въ другіе города. 13 р. 50 к.

Рѣшенія кас. деп. сената выходятъ и разсылаются одинъ разъ въ мѣсяцъ.

Лица, не состоящія въ числѣ подписчиковъ на журналъ, могутъ подписываться въ редакціи отдѣльно на кассаціонныя рѣшенія по 5 руб. съ доставкою въ С.-Петербургѣ и съ пересылкою въ иные города.

Допускается разсрочка подписной платы въ слѣдующіе сроки: въ январѣ 5 р., съ касс. рѣш. 8 р., и въ іюнѣ остальная до подписной цѣны сумма. Въ случаѣ невысылки въ условленный срокъ подписной платы, дальнѣйшая доставка журнала пріостанавливается. **Гг. дѣйствительные члены Спб. юридическаго общества** *пользуются правомъ подписки на журналъ за половинную цѣну, т. е. 4 р. 50 к. То же право предоставляется студентамъ университетовъ и кандидатамъ на судебныя должности, удостовѣрившимъ свое званіе.*

Гг. иногородніе благоволятъ обращаться съ своими требованіями исключительно въ редакцію „Журнала Гражданскаго и Уголовнаго Права“, С.-Петербургъ, уголъ Мойки и Фонарнаго, д. 1, кв. 38.

Подписка принимается: въ Москвѣ: у *Анисимова*, на Никольской улицѣ, и *Папкова*, Тверская, Чернышевскій переулокъ.

Оставшіеся (въ количествѣ четырехъ комплектовъ) экземпляры журнала продаются: За 1879, 1881, 1883, 1884, 1886 и 1887 г.г. по 9 р., за каждый годъ, съ пересылкою и по 7 р. безъ пересылки. Отдѣльныя книги журнала за означенные годы, по 2 р. съ пересылкою.

Редакторъ **В. Володимировъ.**

Содержаніе пятой книги:

I. Узаконенія и распоряженія правительства.—II. Личный составъ.—III. Договоръ запродажи съ точки зрѣнія будущаго гражданскаго уложенія. *И. Ильяшенко.*—IV. Защита на судѣ присяжныхъ въ связи съ вопросомъ о цѣлесообразности наказаній. *А. Розенблюма.*—V. **Критика и библіографія.** *И. Селиванова, С. И. Щегловитова, Г. Сліозберга.*—VI За мѣсяцъ (юридическая хроника). *Z.*—**Замѣтки.** VII Какому суду подсуденъ споръ о потерѣ заочнымъ рѣшеніемъ силы и значенія, вслѣдствіе пропущенія трехгодичнаго срока на приведеніе рѣшенія въ исполненіе? *А. Фр-ля.*—VIII. Слѣдуетъ ли взыскивать гербовой сборъ съ подаваемыхъ въ судъ заявленій о составѣ и стоимости наслѣдственныхъ имѣній? *И. Лебедева.*—IX. Некрологъ Баронъ Францъ Гольцендорфъ. *А. Л.*—X. Объявленія. **Приложенія.** XI. Уголовное уложеніе. Проектъ редакціонной коммиссіи и замѣчанія редакціоннаго комитета с.-петербургскаго юридическаго общества. (Часть особенная. Преступленія имущественныя).—XII. Преступленія противъ чести по русскимъ законамъ до начала XVIII вѣка. Историко-юридическое изслѣдованіе. *П. Бобровскаго.*

ВЪ РЕДАКЦІИ ЖУРНАЛА ПРОДАЮТСЯ СЛѢДУЮЩІЯ КНИГИ:

1) Военно-судебный уставъ. Раздѣлы II, III и IV 1884 и 1885 г. Цѣна 40 коп., съ пересылкою 60 коп.

2) Уставъ духовныхъ консисторій, 1884 г. Цѣна 40 коп.

3) Уставъ эмеритальной кассы вѣдомства министерства юстиціи. Цѣна 25 коп.

4) Правила о раздробительной продажѣ крѣпкихъ напитковъ. Цѣна 25 коп.

5) А. Ф. Кистяковскій и его ученые труды. Рѣчь В. М. Володимірова. Цѣна 25 коп.

6) О преступленіяхъ, наказуемыхъ только по жалобѣ потерпѣвшаго, по русскому праву. Соч. А. Фонъ Резона. Цѣна 1 руб. вмѣсто 1 руб. 50 коп.

7) Руководство къ уголовному процессу. Соч. Ю. Глазера. Переводъ А. Лихачева. Выпускъ I. Цѣна 1 р. 25 к. Выпускъ II. Цѣна 75 к. Выпускъ III. Цѣна 75 к. Цѣна за всѣ три выпуска, составляющіе большой томъ въ 41 печатный листъ, 2 р. 50 к. Для гг. студентовъ, а равно и для подписчиковъ журнала Гражданскаго и Уголовнаго права 2 руб.

8) Рѣшенія кассаціонныхъ департаментовъ Сената за 1887 годъ, 2 тома. Цѣна 4 р. 50 коп.

Цѣны обозначены съ пересылкою. Книгопродавцамъ дѣлается уступка 25%; при покупкѣ же на 100 руб. 40%.

НОВЫЯ КНИГИ:

1) Движеніе русскаго гражданскаго процесса, изложенное на одномъ примѣрѣ. Г. Вербловскаго (члена воронежскаго окружнаго суда) Второе, пересмотрѣнное и дополненное изданіе. С.-Петербургъ. 1889. Цѣна 2 руб.

2) **Систематическій Сборникъ** положеній и извлеченій изъ рѣшеній Гражданскаго Кассаціоннаго и Общаго Собранія 1-го, 2-го и Кассац. Департаментовъ Правител. Сената за 1883—1888 годы по гражданскому праву и судопроизводству (т.нот. о поли. X ч. I, изд. 1887 г., уст. гр. суд. части, изд. 1883 г., съ продолж.) Составилъ Г. Вербловскій.

С.-Петербургъ. 1889. Цѣна 1 руб. 50 коп.

Складъ изданій въ книжномъ складѣ типографіи Стасюлевича, въ С.-Петербургѣ. Тамъ же продаются и другія изданія того же автора.

Изданія редакціи журнала „Юридическій Вѣстникъ“:

Институціи римскаго права. *Рудольфа Зома*, профессора въ Лейпцигѣ. Переводъ *В. М. Нечаева* съ третьяго нѣмецкаго изданія. Цѣна 2 руб. 50 коп.

Малолѣтніе преступники. Этюдъ по вопросу о человѣческой преступности, ея факторахъ и средствахъ борьбы съ ней. Вып. II-ой: Психологія преступности (первая половина). *Д. Дриля.* Ц. 1 р. 75 к.

Первобытное право. I. и II вып. *М. Ковалевскаго.* Ц. 2 р. 65 к. за два вып.

Обзоръ современной литературы по международному праву. Графа *Л. Камаровскаго*, проф. Московскаго университета. Ц. 2 р. 50 к

Судебные уставы Императора Александра втораго съ толкованіями, извлеченными изъ всей отечественной юридической литературы. I. Учрежденіе судебныхъ установленій. II. Уставъ уголовнаго судопроизводства. Составилъ А. *Тимановскій.* тов. предс. Варш. окруж. суда. Цѣна 4 р.

Права и обязанности подсудимаго предъ военнымъ судомъ по уставу военно-судебному. Полковника *Македонскаго.* Москва. Цѣна 1 р.

Древнѣйшая жизнь евреевъ. Соціологическій этюдъ. *Джона Фентона.* Цѣна 1 р.

Объ основаніи защиты владѣнія по римскому праву. *Рудольфа фонъ Іеринга*, переводъ съ нѣмецкаго. Ц. 1 р. 50 к.

Гражданско-правовые казусы безъ рѣшеній. *Рудольфа-фонъ Іеринга*, переводъ съ нѣмецкаго *В. Огнева*, подъ редакціей проф. *С. А. Муромцева.* Цѣна 1 р. 50 к. съ перес.

Первый съѣздъ русскихъ юристовъ въ Москвѣ въ 1875 году. Издано подъ редакціей *С. И. Баршева, Н. В. Калачова, С. А. Муромцева и А. М. Фалькovскаго.* М. 1882. Ц. 2 р.

Юриспруденція обыденной жизни. Собраніе юридическихъ вопросовъ, вытекающихъ изъ событій обыденной жизни. Для пользованія въ университетахъ. Составилъ *Д-ръ Рудольфъ фонъ-Іерингъ.* Пер. съ 4 нѣм. изданія *Николая Дерюжинскаго.* Цѣна 75 коп.

Гражданское право древняго Рима. Лекціи *Сергѣя Муромцева*, профессора Московскаго Университета. Ц. 5 р.

Опредѣленіе и основное раздѣленіе права. Изслѣдованіе *Сергѣя Муромцева.* профессора Московскаго университета. Ц. 2 р. (печатается 2-е изданіе).

Рецепція римскаго права на Западѣ. *Сергѣя Муромцева.* Москва. Цѣна 2 р.

Образованіе права по ученіямъ нѣмецкой юриспруденціи. *Сергѣя Муромцева.* Изд. 2-ое, испр. и доп. Москва. Цѣна 1 р.

Логика общественныхъ наукъ. Переводъ VII и VIII главъ пятой книги Логики Бэна съ приложен.: „Доказательство въ историческихъ наукахъ“. Цѣна 50 к.

Древніе русскіе смѣсные или вобчіе суды. Составилъ *Николай Ланге.* Ц. 2 р.

Проэкты желѣзнодорожнаго законодательства, составленные и обсужденные въ Московскомъ Юридическомъ Обществѣ въ 1879—80 г. Ц. 1 р.

Во всѣхъ извѣстныхъ книжныхъ магазинахъ продаются слѣдующія книги:

О преступленіяхъ въ особенности. Профессора *Будзинскаго.* Цѣна 3 руб.

Объ уголовномъ преслѣдованіи, дознаніи и предварительномъ изслѣдованіи преступленій по судебнымъ уставамъ 1864 года. *А. Квачевскаго.* Часть I, цѣна 1 р. 85 к.— Часть III, вып. 1, цѣна 2 р. Часть III, вып. 2, цѣна 2 р.

Славяне, ихъ взаимныя отношенія и связи. Т. I. Очерки исторіи славянъ. *О. О. Первольфа*, проф. Варшав. унив. Ц. 2 р.

Законъ 18 мая 1882 г. о кражѣ. Съ комментаріемъ. *С. Будзинскаго.* Ц. 80 к.

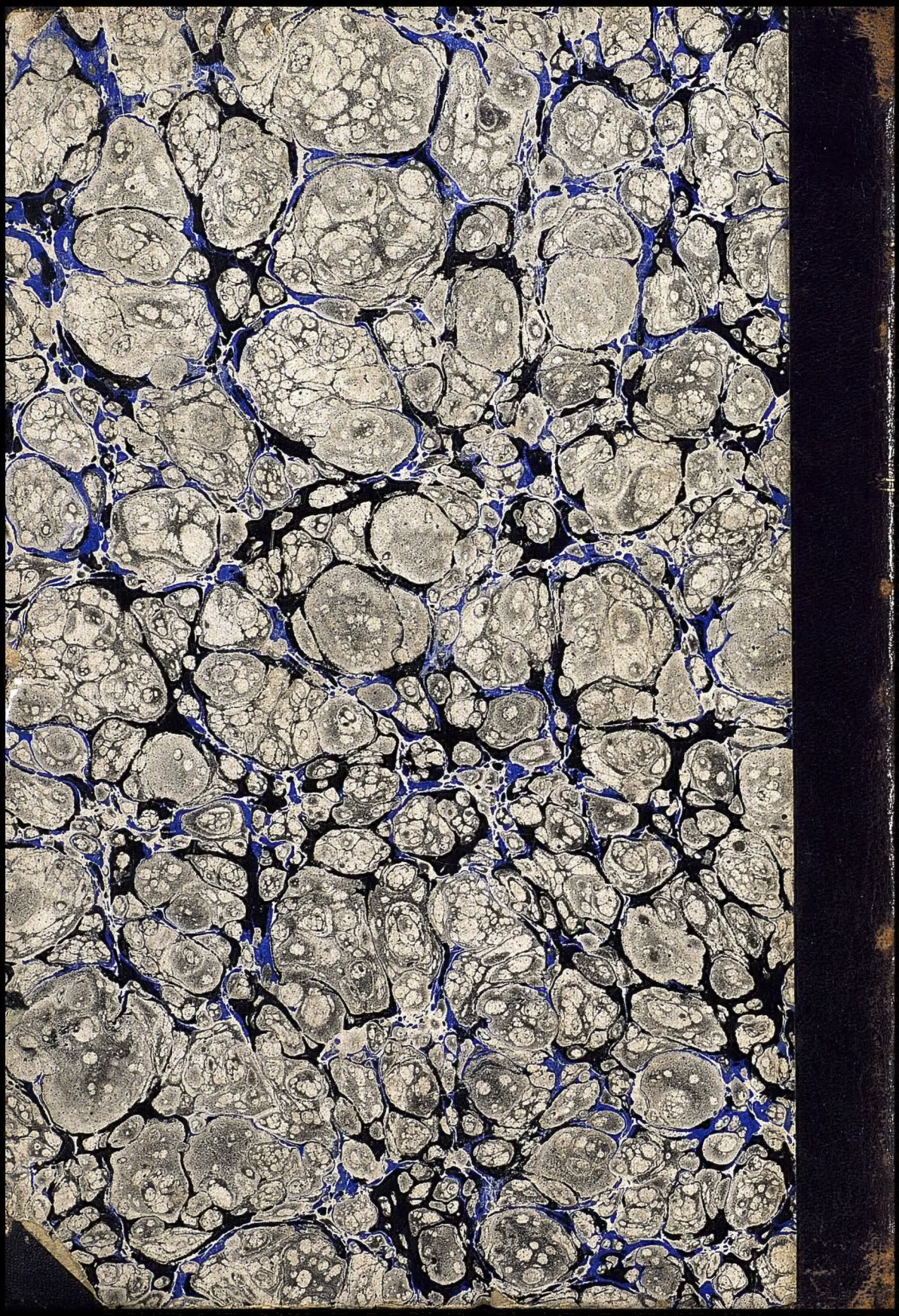
Опыты по исторіи англійской конституціи (Фриманъ и Стебсъ). Переводъ съ англійскаго подъ редакціей *М. Ковалевскаго.* Цѣна 2 р., для студентовъ 1 р., съ пер. 1 р. 20 к.

Земскіе вопросы. *В. Ю. Скалона.* Цѣна 1 р. 50 к.

ЗА ОБЪЯВЛЕНІЯ,

помѣщаемыя въ журналѣ «Юридическій Вѣстникъ», взимается:

	За 1 разъ:	За каждый слѣдующій:
1. За цѣлую полосу (страницу). . .	8 р. с.	6 р. с.
2. За 1/2 полосы (страницы). . . .	5 р. с.	4 р. с.
3. За 1/4 полосы (страницы)	3 р. с.	3 р. с.

Въ полосѣ 50 строкъ петита, около 70 буквъ въ каждой. За приложеніе отдѣльныхъ объявленій въ количествѣ до 1400 экземпляровъ—десять рублей.

000190089
ЮФ СПБГУ